

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 2 (62)

Нижний Новгород

2023

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова. Вып. 2 (62). — Н. Новгород: НГЛУ, 2023. — 236 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), Р. М. Шамилов (*отв. секретарь*), М. А. Ариян,
О. В. Байкова (Киров), К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев, В. И. Карасик
(Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина, Н. В. Макшанцева,
М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск), О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева,
Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова, В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США),
Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия),
К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2023

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

LUNN BULLETIN

Issue 2 (62)

Nizhny Novgorod

2023

LUNN Bulletin. Issue 2 (62). — Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2023. — 236 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), R. Shamilov (*Executive Secretary*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА	9
Длительность слононосителя как основной фактор арабского словесного ударения (на материале сирийского диалекта) <i>Герасимова А. А.</i>	9
Фольклор в японской телерекламе как средство формирования и укрепления культурной идентичности <i>Демидова А. С.</i>	28
Трудность перевода тропов в юмористическом произведении «Осаждённая крепость» Цянь Чжуншу <i>Дуань С.</i>	41
Модель коммуникативного акта как средство репрезентации смысловой доминанты «отец» в романе Дж. Джойса «Улисс» <i>Кононов Д. А.</i>	56
Виды коммуникативной информации и ее языковая репрезентация в свете эмотивной лингвоэкологии (на материале англоязычного художественного дискурса) <i>Корзун А. В.</i>	72
Особенности репрезентации коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» в кинодискурсе и дискурсе мемуарной прозы <i>Мурзинова И. А., Пишкова Е. Ю., Богомазова В. В.</i>	87
Основы работы переводчика с текстом как пропедевтический курс перевода <i>Родионова М. Ю.</i>	115
Репрезентация предметного кода лингвокультуры (на основе произведения Франсуазы Саган «Сара Бернар. Несокрушимый смех») <i>Соломон Ю. А., Фор В. Ф.</i>	130
Феномен «двойное послание» (<i>double bind</i>) как нарушение экологического баланса в коммуникации (на материале немецкого языка) <i>Тришина М. Н.</i>	144
О переводе дейктических единиц, их роли в интерпретации художественного текста (на примере перевода на русский язык стихотворения <i>La pioggia nel pineto</i> Г. Д'Аннунцио) <i>Трубина О. Б.</i>	159
Особенности образования английских термнов терминополья «Силовые установки в авиастроении» <i>Фомин А. Г., Андряшина А. В.</i>	171

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	191
Формирование литературной репутации Ф. Г. Клопштока в России на рубеже XVIII–XIX веков <i>Сибирцева В. Г.</i>	191
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	206
Организация непрерывного иноязычного образования студентов технического вуза на основе электронного учебного курса <i>Глумова Е. П., Морозова М. А.</i>	206
РЕЦЕНЗИИ	226
Структура словарного описания собственных имен в составе загадок <i>Федуленкова Т. Н., Шишкова Н. В., Окромчедлишвили Е. Н.</i>	226
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	233

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
Syllabic Duration as the Main Factor of Arabic Word Stress (Based on the Material of the Syrian Dialect) <i>Arina A. Gerasimova</i>	9
Folklore in Japanese TV Commercials as a Means of Forming and Strengthening Cultural Identity <i>Anna S. Demidova</i>	28
The Difficulty of Translating Tropes in Qian Zhongshu’s Satirical Novel “ <i>Fortress Besieged</i> ” <i>Xiaoli Duan</i>	41
The Communication Act Model as a Means of Representing the Key Semantic Concept “Father” in the Novel “ <i>Ulysses</i> ” by James Joyce <i>Dmitry A. Kononov</i>	56
Types of Communicative Information and Its Linguistic Representation through the Lens of Emotive Linvoecology (Based on the English-Language Fiction Discourse) <i>Anna V. Korzun</i>	72
Representation of the Communicational Behavior of the Linguocultural Type “Geisha” in the American and Japanese Film Discourse <i>Irina A. Murzinova, Elena Yu. Pishkova, Viktoriya V. Bogomazova</i>	87
Basics of Working on a Text as a Preliminary Translation Course <i>Maria Yu. Rodionova</i>	115
Representation of the Object Code of Culture in Françoise Sagan’s Novel “ <i>Dear Sarah Bernhardt</i> ” (« <i>Sarah Bernhardt, ou le rire incassable</i> ») <i>Julia A. Solomon, Valerie F. For</i>	130
The Double Bind Phenomenon as Disturbance to the Ecological Balance in Communication (Based on the Material of the German Language) <i>Maria N. Trishina</i>	144
Translation of Deictic Units and Their Role in Interpreting Literary Texts (Looking at Russian Translations of “ <i>La pioggia nel pineto</i> ” by G. D’Annunzio) <i>Olga B. Trubina</i>	159
Formation of English Terms in the Terminological Field “Powerplants in the Aircraft Industry” <i>Andrey G. Fomin, Anastasiya V. Andreyashina</i>	171

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE	191
Formation of F. G. Klopstock’s Literary Reputation in Russia at the Turn of the 18 th –19 th Centuries <i>Vera G. Sibirtseva</i>	191
CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION	206
Organization of Continuous Foreign Language Education for Students of a Technical University on the Basis of an E-Learning Course <i>Elena P. Glumova, Maya A. Morozova</i>	206
REVIEWS	226
The Structure of Verbal Descriptions of Proper Names in Quizzes <i>Tatyana N. Fedulenkova, Natalya V. Shishkova, Elizaveta N. Okromchedlishvili</i>	226
CONTRIBUTORS’ INFORMATION	233

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.41

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-9-27

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ СЛОГОНОСИТЕЛЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР АРАБСКОГО СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ (на материале сирийского диалекта)

А. А. Герасимова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

В статье ставится задача на материале сирийского диалекта описать просодические характеристики арабского слова: ударение, фонологическую долготу и изменения гласных в ауслауте; а также найти статистические связи просодических факторов с акустическими характеристиками: длительностью, частотой основного тона (F_0), интенсивностью слогоносителей. В качестве более частной задачи рассматривалось описание взаимодействия ударения и позиции слогоносителя в абсолютном исходе слова.

Для проведения эксперимента было привлечено шестеро носителей сирийского диалекта арабского языка: трое мужчин и три женщины. Для составления корпуса реализаций для эксперимента была проведена запись чтения рассказа *Madrasatī-l-‘ūla* / «Моя первая школа» за авторством Джирджи Зейдана. Всего было проанализировано 3088 реализаций. Для такого рода исследований впервые был использован глоттограф, с помощью которого достигалась большая точность определения частоты колебания голосовых связок. Количественные показатели были получены с помощью анализирующей программы *Praat*. Результаты измерений были нормализованы методом z -оценки и обработаны статистическим пакетом *SPSS* по многомерной общей линейной модели.

На основании анализа речи шести сирийских информантов можно считать, что в формировании просодии арабского слова основную роль играет длительность слогоносителя ($p = 0,001$) вместе с интегральными параметрами, которые на ней основаны ($p \leq 0,029$). В ударном слоге длительность слогоносителя по сравнению с безударным увеличивалась в среднем на 18,45 %. Роль тона (F_0) и интенсивности по отдельности в словесном ударении оказались незначимыми. Постановка слогоносителя в абсолютный исход слова также удлиняет его ($p < 0,001$) на 27,12 %. Однако при этом оказываются значимыми факторы частоты основного тона F_0 ($p = 0,024$) и интенсивности ($p = 0,004$). Частота основного тона F_0 в ауслауте падает на 3,83%, а интенсивность — на 1,66 %. Т. е. длительность с одной стороны и частота основного тона F_0 и интенсивность, с другой стороны, действуют разнонаправленно. Замена краткого гласного на долгий удлиняет слогоноситель в среднем на 45,12 % ($p < 0,001$).

В целом ударение в сирийском диалекте арабского языка можно охарактеризовать как квантитативное.

Ключевые слова: арабский язык; сирийский диалект; ударение; просодия; экспериментальная фонетика; глоттограф; z -оценка; линейная регрессия.

Цитирование: Герасимова А. А. Длительность слононосителя как основной фактор арабского словесного ударения (на материале сирийского диалекта). Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 9–27. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-9-27.

Syllabic Duration as the Main Factor of Arabic Word Stress (Based on the Material of the Syrian Dialect)

Arina A. Gerasimova
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The article seeks to describe the prosodic characteristics of Arabic words in the Syrian dialect including stress, phonological length, and vowel changes in auslauts, to find statistical relationships between prosodic factors and acoustic characteristics (duration, fundamental frequency (F_0), intensity of syllables), and, finally, to examine the interaction of stress and the position of the syllabic carrier in the auslaut.

Six native speakers of the Syrian dialect of Arabic were involved in the experiment: three men and three women. To compile a corpus of realizations for the experiment, a recording was made of reading the story *Madrasatī-l-ūla* “My First School” by Jirji Zeidan. A total of 3088 implementations were analysed. For the first time, a glottograph was employed for this type of research, allowing for a higher degree of accuracy in calculating the frequency of the vocal cords’ vibration. Quantitative indicators were obtained using the Praat analysis program. The measurement results were normalized by the z-score method and processed by the SPSS statistical package using a multivariate general linear model.

Based on the analysis of the speech of six Syrian native speakers, we can assume that the main role in the formation of the prosody of Arabic words is played by the duration of the syllabic carrier ($p = 0.001$) together with the integral parameters that are based on it ($p \leq 0.029$). In the stressed syllable, the duration of the syllable carrier increased by an average of 18.45 % compared to the unstressed syllable. The role of the fundamental frequency (F_0) and intensity separately in word stress turned out to be insignificant. Putting a syllabic carrier in the auslaut word also lengthens it ($p < 0.001$) by 27.12 %. However, fundamental frequency F_0 ($p = 0.024$) and intensity ($p = 0.004$) also turned out to be significant, as the frequency of the fundamental frequency F_0 in the auslaut falls by 3.83 %, and the intensity by 1.66 %. That is, the duration, on the one hand, and the fundamental frequency F_0 and intensity, on the other hand, act in different directions. Replacing a short vowel with a long vowel lengthens the syllabic carrier by an average of 45.12 % ($p < 0.001$). In general, the stress in the Syrian dialect of Arabic can be characterized as quantitative.

Key words: Arabic; Syrian dialect; stress; prosody; experimental phonetics; glottograph; z-score; linear regression.

Citation: Gerasimova, Arina A. (2023) Syllabic Duration as the Main Factor of Arabic Word Stress (Based on the Material of the Syrian Dialect). *LUNN Bulletin*, 2 (62), 9–27. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-9-27.

1. Введение

Арабская грамматическая традиция широко известна в общем языкознании. Однако в традиционных средневековых работах вопрос об ударении

не рассматривался. И только в прошлом веке появляются монографии-учебники по грамматике, где ударению посвящаются целые главы. Одна из первых фундаментальных работ современной арабской фонетической школы датируется серединой прошлого века. Она связана с именем египетского профессора Ибрагима Аниса. В своей работе *Al-Aḥwāt al-luyawiyya* («Звуки языка») (1958) автор посвящает ударению одну из глав пятого раздела «Супрасегментная фонема» (*Al-fūnim fawqa at-tarkib*) наряду с фонологической длительностью, слогом и интонацией. Под фонологической длительностью мы понимаем случаи, в которых краткость или долготы гласного играет смысловозначительную роль. Термин «ударение» имеет арабский аналог *an-nabr* (также употребляется в смысле «акцент»).

Приводим цитату из работы Аниса, для того чтобы читатель мог получить представление о подходе арабских лингвистов к данной теме:

«Ударение — это активность всех органов артикуляции в единый момент времени. При произношении ударного слога мы замечаем, что все артикулирующие органы активны до предела; то есть работают мышцы лёгких, усиливаются движения голосовых связок. Последние сближаются, чтобы ограничить проход воздуха, что усиливает амплитуду вибраций. Это приводит к тому, что голос становится высоким и ясным. Таково положение в отношении звонких звуков, а что касается глухих, то голосовые связки отдаляются друг от друга на большее расстояние <...> Таким образом, в этот момент через речевой тракт проходит большее количество воздуха. При произнесении ударного звука отмечается активность и других артикулирующих органов, таких как нёбо, язык и губы. Напротив, во время произнесения безударного звука артикулирующие органы расслабляются <...>» (перевод мой. — А. Г.) (Anis 1958: 169–176).

О феномене ударения в своих трудах писали и другие арабские исследователи: Мухаммад ан-Нури (an-Nūri 2019), Тамам Хассан (Hassan 1990), Ахмад Мухтар ‘Умар (Omar 1991). Примечательно, что в главах об ударениях авторы часто ссылаются на работы западных лингвистов, таких как Хенри Свит (Sweet 1892), Питер Ладефогед (Ladefoged 1971), Дэниел Джонс (Jones 1950), что говорит о принятии подходов общего языкознания к анализу ударения и об ориентации на современные методы исследований в лингвистике.

Кроме ударения в формировании просодии арабского слова играют роль и другие явления. Обозначим некоторые фундаментальные понятия, используемые для её описания.

Харфом в арабистике принято называть минимальную единицу языка. При этом основываются на следующем определении: «Минимальной еди-

ницей морфологической и просодической структуры арабского слова является парный сегмент. Его составляют согласный (С) и гласный (V). Парность, бинарность — его обязательные качества, его имманентные свойства. В арабской языковедческой традиции такой сегмент (равный одной мере) называется харф (*harf*)» (Лебедев 2019: 25).

Фонологически долгие гласные называют также геминатами гласных. Противопоставление геминатов гласных и кратких гласных звуков можно назвать одной из самых важных особенностей звукового строя арабского языка. Соответственно, выделяются три краткие гласные [u], [i], [a] и три долгие [ū], [ī], [ā]. Фонетическая реализация гласных в исходе слова несколько отличается от остальных слогоносителей, что будет подробнее разъяснено ниже при описании параметра *End*.

На материалах диалектов и наречий арабского языка о тоновом акценте писали в контексте изучения фразовой интонации (интонации предложения). К таким работам относятся исследования *Prosodic Weight and Phonological Phrasing in Cairene Arabic* (Hellmuth 2004: 97–111) и *Variation in Phonetic Realisation or in Phonological Categories? Intonational Pitch Accents in Egyptian Colloquial Arabic and Egyptian Formal Arabic* (Hellmuth, El Zarka 2007), как и многие другие статьи Сэма Хельмута. Приведенные труды описывают постлексическое маркирование и выделение границ фонологических фраз (*post lexical tonal marking & durational effects marking the edges of (major) phonological phrases (MaP) cues*), а также интонационные характеристики разных уровней египетского варианта арабского языка. Отдельного внимания заслуживает труд Даны Чахал об интонации сирийского диалекта *Intonation* (Chahal 2007: 395–401), в котором она ссылается также на результаты других работ: «Исследование сирийского диалекта арабского языка доказывает наличие трех фонологических ядерных мелодик (движений тона) — нисходящая, восходящая и ровная» (см. Рис. 1) (перевод мой. — А. Г.) (Corvetto 1982: 371–394).

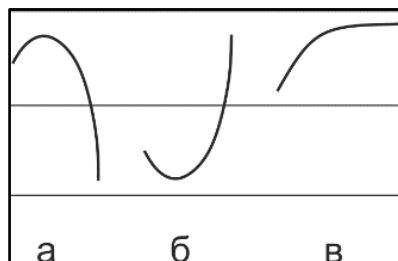

Рис. 1. Схематическое представление контуров частоты основного тона (F_0) в классическом варианте (Haydar, Mrayati 1985) и сирийском диалекте арабского языка (Kharrat 1994: 371–394):
а) нисходящий, б) восходящий и в) ровный

«Эти мелодики различаются в фонетическом плане в зависимости от структуры слогов, стоящих перед ядерным словом (голова — *heads*) и следующих после него (хвосты — *tails*). Эти три ядерных варианта мелодики фразы используются для построения различных типов предложений: нисходящая применяется в утверждениях, командах и восклицаниях, восходящая — в общих и специальных вопросах, а контуры ровного тона встречается в неполных фразах, альтернативных вопросах и звательных восклицаниях» (перевод мой. — А. Г.) (Chahal 2007: 398). Позиции ядерного тонального акцента в различных интонационных структурах хиджазского диалекта арабского языка описывал М. Swaileh и А. Alzaidi в статье *Intonational Patterns of Focus Preposing Constructions in Hijazi Arabic* (Swaileh, Alzaidi 2018).

Весьма близким с точки зрения задач нашего исследования оказался совместный труд Kenneth de Jong и Bushra Adnan Zawaydeh *Stress, Duration, and Intonation in Arabic Word-level Prosody* (de Jong, Zawaydeh 1999), проводивших эксперимент для выявления характеристик ударения и степени удлинения ударного сегмента в иорданском варианте арабского языка. Таким образом, за последние десятилетия было проведено множество исследований просодии арабского языка на материалах различных диалектов и наречий на всех уровнях супrasegmentной фонетики. Однако ударение на материале сирийского диалекта не изучалось, что свидетельствует об актуальности нашей работы. Основная задача, которую мы ставили перед собой в данном исследовании: выявить, каким является ударение в арабском языке — динамическим (экспираторным), тоническим или долготным (квантитативным).

2. Планирование эксперимента

Для ответа на поставленный вопрос нужно было провести фонетический эксперимент, собрать необходимое количество реализаций, проанализировать их с помощью программы *Praat*¹, составить таблицы данных в *Excel*, проверить, какие из факторов значимо влияют на ударность слононосителя в *SPSS*².

Для эксперимента был выбран текст из произведения классической арабской литературы XIX–XX вв. *Madrasatī ‘al-‘ūlā* / «Моя первая школа»

¹*Praat* — компьютерный программный пакет для анализа речи в фонетике. Был разработан и продолжает совершенствоваться авторами Р. Voersma и D. Weenink из Амстердамского университета, <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.

²*SPSS Statistics* — программный пакет, используемый для статистического анализа данных, <https://www.ibm.com/ru-ru/analytics/spss-statistics-software>.

за авторством ливанского писателя Джирджи Зейдана (1861–1914). Несмотря на то, что данное произведение написано на литературном арабском языке, носителям потребовалась определённая тренировка, чтобы прочесть его без ошибок. Основной трудностью для них было то, что чтение проводилось с соблюдением всех словоизменительных огласовок, которые почти не используются в диалектной разговорной речи.

Среди информантов наблюдались расхождения в полноте стиля произношения, индивидуальные расстановки пауз, усечение конечных гласных звуков, редукция некоторых гласных в середине фонетического слова или на стыке произносительных единиц.

В эксперименте участвовало трое мужчин и три женщины — носители сирийского диалекта арабского языка (R, M1, M2, Y, S, G). Носители языка относятся примерно к одной возрастной группе, что уменьшает дисперсию, связанную с различиями в типах голосов, как это было бы в случае анализа речи лиц разного возраста. Они происходят из разных провинций Сирии: из Хомса, Алеппо, Дамаска, Тартуса. Не все дикторы изучали литературный арабский систематически, информанты R и S владеют только диалектальным вариантом языка.

Запись производилась через студийный микрофон в Лаборатории экспериментальной фонетики Института стран Азии и Африки МГУ с одновременным использованием глоттографа *Real-Time EGG* фирмы *Kay Pentax* — аппарата, считывающего работу голосовых связок. В результате была получена двухканальная запись, состоящая из интонограммы — акустической составляющей — и глоттограммы, т. е., глоттографической составляющей записи текста.

Применение глоттографа даёт нам ряд преимуществ. В условиях неидеального процесса записи акустической составляющей, сопровождающейся шумами в помещении, глоттограф помогает вычленивать полезную информацию и отделить её от шумов. Даже самый качественный микрофон помимо полезной составляющей воспринимает такие помехи, как шум от дыхания информанта, эхо от стен студии, шорохи, связанные с произвольными телодвижениями диктора. Глоттограф же воспринимает не акустическую информацию «извне», а отслеживает колебания голосовых связок по сопротивлению кожи испытуемого. Глоттографическая запись вводится в компьютер как второй канал параллельно с обычной записью через микрофон. Каналы синхронизируются в программе *Praat*, поэтому мы можем одновременно сегментировать интонограмму и сверять её с глоттограммой для обнаружения и исключения незначимых для нас шумов.

На Рис. 2 показана двухканальная запись реализации фразы в исполнении информанта М1 с проведённой вручную сегментацией текста на согласные и гласные компоненты слога. В верхней части рисунка представлена обычная интонограмма, какой она видна в окне речевого редактора *Praat*. Ниже сплошной линией изображена глоттограмма. В самом нижнем ряду жирными вертикальными линиями показана сегментация реализации с точностью до сегмента (гласного или согласного). Тонкими вертикальными линиями обозначены пиковые значения сдвига ларинкса (гортани) вниз. На глоттограмме помимо частых колебаний (колебаний голосовых связок в горизонтальной плоскости со звуковой частотой, т. е. частотой основного тона F_0) определяются менее ярко выраженные колебания инфразвуковой частоты (F_{sub}) (ниже 20 Гц). Эти колебания обусловлены возвратно-поступательными движениями ларинкса в вертикальной плоскости. И те и другие изображаются на одной кривой в одной плоскости, поскольку соответствуют колебаниям сопротивления кожи в области кадыка. Измеряя длительность инфразвуковых колебаний, мы можем судить об их частоте по формуле $F_{sub} = 1/T$, где T — длительность колебания в секундах, а F_{sub} — инфразвуковая частота в Гц.

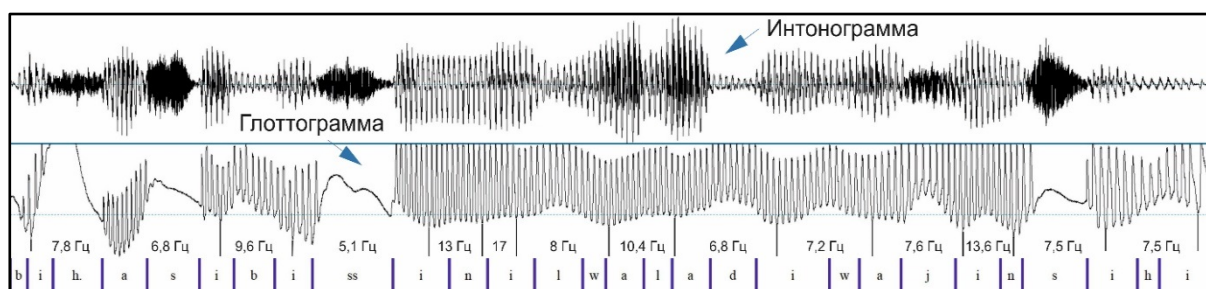

Рис. 2. Сегментация двухканальной записи реализации *bi-ḥasibi-s-sini-l-waladi wa-ḡinsi-hi* ‘в зависимости от возраста ребёнка и его пола’ в исполнении информанта М1. Числа над сегментами обозначают инфразвуковую частоту вертикальных колебаний ларинкса в Гц

Во фрагменте реализации на Рис. 2 видны два согласных звука ([h] и [s]), причём последний повторяется три раза в разном окружении. Заметно, что геминированному (сдвоенному) согласному [ss] соответствует более длительная пауза в фонации (работе голосовых связок). В этом месте инфразвуковая частота колебаний ларинкса падает до 5,1 Гц. Несмотря на то, что согласный [s] артикулируется на выходе ротового резонатора, его артикуляция через давление воздуха, образующегося в ротовом резонаторе перед преградой, оказывает воздействие на характер движений ларинкса. Хорошо различимы три сходных паттерна артикуляции глухого щелевого [s]. Они

представлены пологой кривой и отличаются от паттерна артикуляции глухого щелевого [h], который представлен более крутой кривой.

В тех фрагментах, где голосовые связки работают непрерывно, т. е. фонировать гласные, сонорные и звонкие согласные, частота движений ларинкса выше и находится в пределах 7,2–13,6 Гц.

Чтобы показать, как определяется частота движений ларинкса, рассмотрим увеличенный фрагмент глоттограммы на Рис. 3. На нём хорошо видны частые колебания. Это колебания голосовых связок, которые происходят в горизонтальной плоскости. Если по нижним пикам колебаний провести огибающую (показана жирной серой линией), то на ней можно заметить точки перегиба (обозначены стрелочками) — инфразвуковые колебания ларинкса, которые происходят в вертикальной плоскости. На Рис. 3 засвечено расстояние между двумя точками перегиба, наблюдающееся в процессе реализации гласного компонента слога [i] и согласного компонента следующего слога [n]. В верхней части экрана над глоттограммой мы видим значения длительности выбранного сегмента (0,073086 секунды), а также автоматически вычисленное значение длительности инфразвуковых колебаний по приведённой выше формуле $F_{sub} = 1/T$ (13,683 Гц).

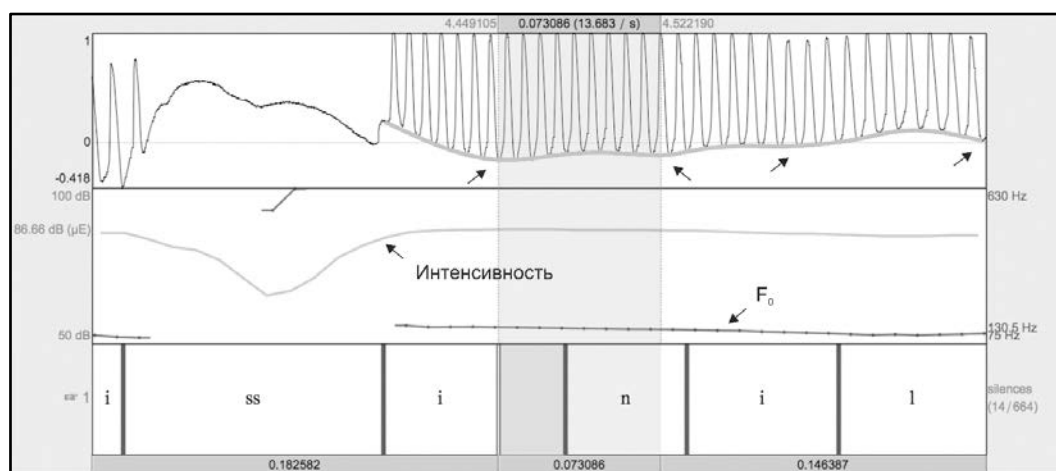

Рис. 3. Фрагмент глоттографической записи реализации *bi-ḥasibi-s-sini-l-waladi* ‘в зависимости от возраста ребёнка’ в исполнении информанта М1 с графиком контура частоты основного тона (линия с засечками) и интенсивности (сплошная линия)

В некоторых случаях наличие глоттограммы позволяет уточнить и устранить дефекты автоматического определения частоты основного тона (F_0) по акустическому сигналу.

На Рис. 4 представлены графики контуров частоты основного тона и интенсивности (указаны стрелочками) реализации *bi-ḥasibi* ‘в зависимости’

в исполнении информанта М1, вычисленные программой *Praat* по акустическому сигналу.

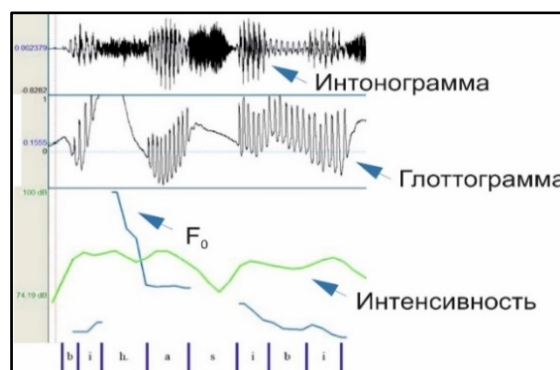

Рис. 4. Сегментация двухканальной записи реализации *bi-ḥasibi* ‘в зависимости’ в исполнении информанта М1 с графиком частоты основного тона и интенсивности, построенном на основе акустического сигнала

В слоге [ḥa] замечен резкий скачок в частоте основного тона (F_0) над согласным компонентом (указан стрелочкой). Несмотря на то, что *Praat*, с помощью которого проводился анализ аудиофайлов, обладает одним из самых продвинутых алгоритмов анализа F_0 , он тоже может давать сбой. Данный резкий скачок в графике F_0 не соответствует действительности, потому что:

во-первых, контур не может иметь таких резких флуктуаций, поскольку голосовые связки, как и всякое физическое тело, имеют определённую массу и инерцию и мышцы гортани не могут придавать им такое мгновенное ускорение;

во-вторых, потому что согласный [ḥ] (ح) глухой и в данном случае не озвончается, т. е. голосовые связки при его артикуляции не работают, что видно по сплошной линии на глоттограмме, и F_0 в этом месте определяться не должна.

Если рассматривать этот вопрос более детально, то на интонограмме в этом месте видны аperiодические колебания высокой частоты, которые образуются в процессе трения воздуха в сужениях речевого тракта выше ларинкса. На глоттограмме в этом месте колебания голосовых связок не отмечены вообще, есть только пологая линия, которая является графиком движения ларинкса сверху вниз. Алгоритм программы *Praat* таков, что выявляет в акустическом спектре несколько кандидатур на F_0 среди квазигармонических колебаний и при определённых условиях считает одну из этих кандидатур частотой основного тона (F_0). В данном случае порог срабаты-

вания оказался очень низким, и *Praat* посчитал одну из шумовых составляющих за F_0 . Глоттограмма позволяет нам скорректировать эту ошибку, т. е. в данном случае резкий всплеск, который на Рис. 3 отмечен стрелочкой, мы можем игнорировать. Другими словами, F_0 в этом месте не определена.

Попутно устраним некоторые неясности насчёт места образования звука [ħ] в арабском языке. В учебной литературе его принято характеризовать как гортанный звук. Например, в работе (Степанов, Кузьмин 2017) читаем: «Звук [ħ] — гортанный глухой согласный, имеющий мало общего с русским [x] (арабским [x]). Струя воздуха проходит через напряжённые мышцы гортани, и создаётся шум, отдалённо напоминающий русский звук [x]. Похожий звук образуется при лёгком покашливании» (Степанов, Кузьмин 2017: 6). Т. е. в соответствии с этой точкой зрения фрикативный шум создаётся в месте сближения голосовых связок.

Гортань — это другое название ларинкса. Поэтому прилагательные «гортанный» и «ларингальный» являются синонимами. В учебнике по арабскому языку за авторством В. С. Сегалья указывается другое место образования звука [ħ] (ح). Там пишется, что в произнесении звука «главную роль играет надгортанник», т. е. звук считается надгортанным глухим фрикативным аналогом звонкого [ʕ] (ع), который характеризуется как скрипучий надгортанный приближённый с отличающей его «сдавленной зевной артикуляцией» (Сегаль 1962: 86–87). Наш материал свидетельствует в пользу правильности второй точки зрения. На глоттограмме на Рис. 4 видно, что во время образования звука [ħ] голосовые связки не активны и не двигаются. Об этом говорит тонкая пологая линия без характерных частых колебаний, сходная с той, которая соответствует глухому щелевому согласному [s], где заведомо отсутствует работа голосовых связок. Значит, те фрикативные шумы, которые зафиксированы на интонограмме, добавляются в акустический сигнал уже после того, как струя воздуха покинула пределы ларинкса.

Приведённые выше рассуждения подтверждаются графиком F_0 на Рис. 5. Здесь показан тот же временной отрезок речи, что и на Рис. 3, но контур F_0 вычислен по глоттографическому сигналу. Его спектр значительно уже и проще, чем спектр акустического сигнала, и потому сопряжён с меньшим количеством ошибок в определении подходящей кандидатуры на контур F_0 . Поэтому здесь не наблюдается всплесков F_0 и других артефактов, так называемых сбоев. Это один из примеров того, как глоттограмма позволяет нам избежать ошибок, связанных с обработкой акустического сигнала.

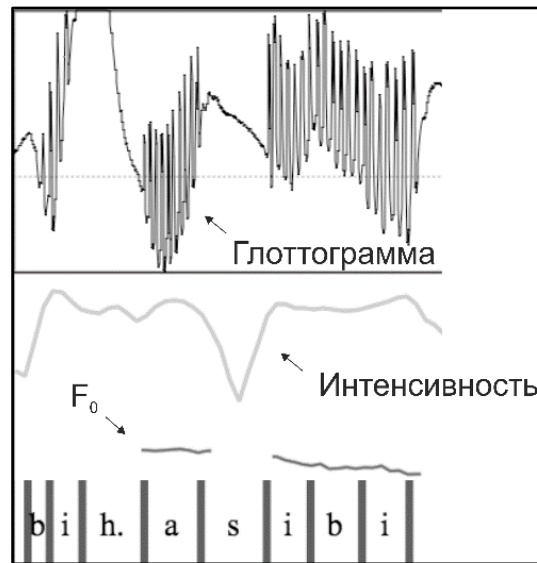

Рис. 5. Сегментация глоттографической записи реализации *bi-hasibi* 'в зависимости' в исполнении информанта М1 с графиком частоты основного тона и интенсивности, построенном на основе глоттографического сигнала

Другой пример полезности использования глоттографа — устранение паразитного эха. В микрофонном канале звук, исходящий от рта информанта, смешивается с эхом, отражающимся от стен студии звукозаписи. Оно приходит на несколько миллисекунд позже и, суммируясь с полезным сигналом, приводит к искажениям. В частности, оно удлиняет изображение слогоносителей, и результаты измерения длительности сегментов требуют коррекции. Поскольку глоттографический сигнал теоретически не может сопровождаться эхом, эта коррекция может быть выполнена с его помощью.

При ручной сегментации глоттограмма помогает нам более точно находить границу между сонорными и гласным компонентами слогов, как это наблюдается, например, в предложении *min* 'от' (см. Рис. 6). В сонорном контексте такие параметры гласного, как интенсивность, F_0 , форма колебаний на интонограмме и формантные треки, меняются плавно. Кроме того, вблизи границ сегментов наблюдается взаимопроникновение характеристик гласного в согласный и наоборот. Точки перегиба (пики), образующиеся на огибающей кривой колебаний на глоттограмме, дают дополнительную информацию и помогают обнаружить границы сегментов.

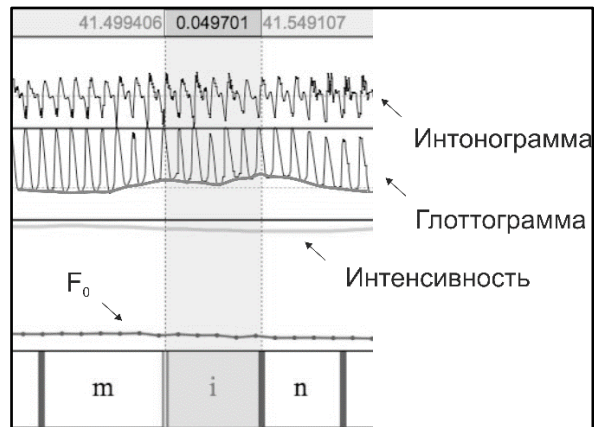

Рис. 6. Сегментация двухканальной записи предложения *min* ‘от’ в исполнении информанта М1. Огибающая глоттограммы обозначена жирной серой линией

Для каждого слононосителя был получен ряд параметров. Часть из них (*Length*, F_0 , I) измерялась автоматически встроенными в *Praat* алгоритмами. Для вычисления интегральных параметров (I_{area} , F_{0area} , *Volume*) была написана специальная программа на встроенном в *Praat* алгоритмическом языке.

Список изучаемых количественных параметров слононосителей:

Length — длительность, измеряемая автоматически в мс.

F_0 — частота основного тона, измеряемая автоматически в Гц.

I — средняя интенсивность, измеряемая автоматически в децибелах (Дб).

I_{area} — двумерный интегральный параметр, представляющий площадь фигуры, ограниченной кривой интенсивности (I), т. е. полученный по данным I с учётом длительности (см. Рис. 7); измеряется в Дб × с. В истории экспериментальной фонетики этот параметр принято называть также энергетическим коррелятом, который был введён и описан в работе Т. А. Бровченко (Бровченко 1970).

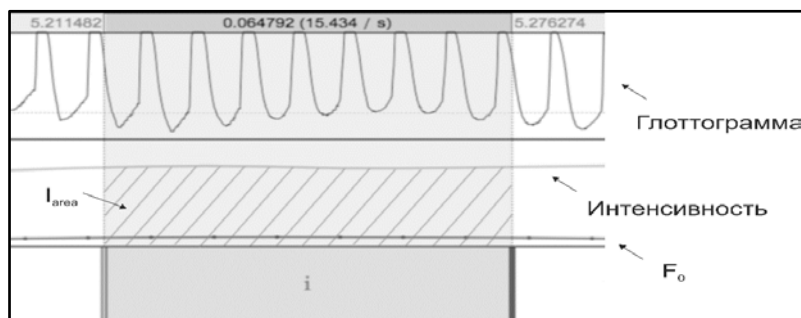

Рис. 7. Кривая интенсивности и ограничиваемая ею площадь фигуры I_{area} (заштрихованная область) на глоттографической записи реализации гласного [i]

F_{0area} — двумерный интегральный параметр, представляющий площадь фигуры, ограниченной кривой F_0 , т. е. полученный по данным F_0 с учётом длительности (см. Рис. 8); измеряется в Гц × с.

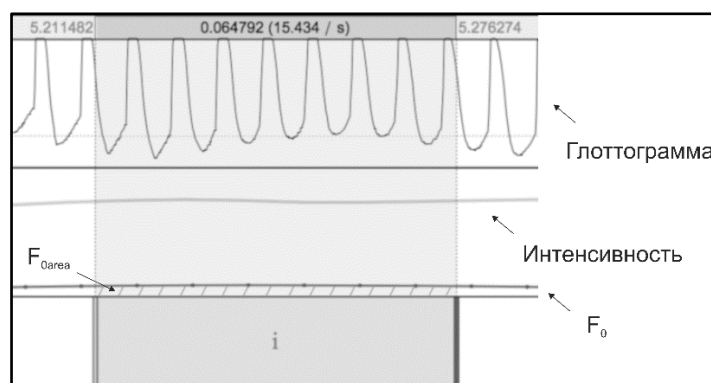

Рис. 8. Кривая F_0 и ограничиваемая ею площадь фигуры F_{0area} (заштрихованная область) на глоттографической записи реализации гласного [i]

$Volume$ — трёхмерный интегральный параметр, полученный по данным длительности ($Length$), интенсивности (I) и частоты основного тона (F_0) на основе глоттограммы, измеряемый в Гц × Дб × с; представляет объём фигуры, похожей на параллелепипед, ограниченной нулевой линией, кривой интенсивности и кривой F_0 (см. Рис. 9).

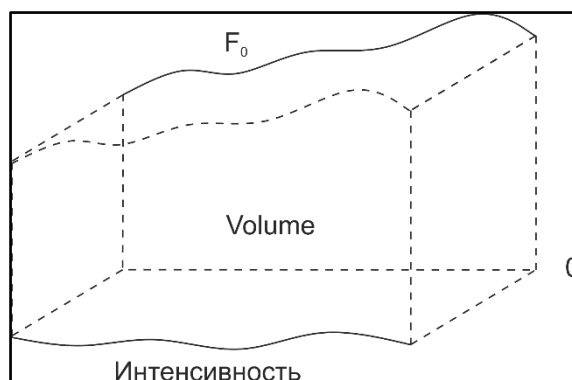

Рис. 9. Кривые частоты основного тона (F_0) и интенсивности и ограничиваемый ими объём фигуры $Volume$

Опыт показывает, что в целом ряде случаев интегральные параметры (F_{0area} , I_{area} , $Volume$) оказываются значимыми, тогда как взятые по отдельности составляющие их компоненты длительности ($Length$), интенсивности (I) и частоты основного тона (F_0) значимыми не являются.

Описанные количественные параметры использовались в качестве переменных при составлении таблиц в формате *SPSS*, которые зависят

от фиксированных качественных параметров, задаваемых экспериментатором. В качестве последних были выбраны:

Vowel — качество слогоносителя и его отношение к просодической структуре арабского языка (различались краткие гласные звуки [a], [i], [u] и геминаты гласного [aa], [uu], [ii]). Отдельно учитывались неотделимые от гласного звука гортанные взрывы [ʔ], реализуемые согласным компонентом арабского харфа *ʿalif* или отдельного значка *ḥamza*, поэтому в этой же категории образовались комбинированные значения: [ʔa], [ʔi], [ʔu], [ʔaa], [ʔuu], [ʔii].

Stress — ударность слогоносителя, выражаемая значением 0 для безударного слога и значением 1 для ударного. Ударность проверялась восприятием на слух носителями разных диалектов и неносителями арабского языка. Расхождений в восприятии места ударения не было.

End — ауслат (исход слова, финальная позиция) слогоносителя, выражаемая значением 0 для нефинального слогоносителя и значением 1 для финального. Финальными слогоносителями мы считали такие, которые после себя не имеют никаких других компонентов следующей моры (слога). Этот признак учитывался как отдельный фактор ввиду того, что финальные слогоносители, как правило, отличались повышенной длительностью (*Length*). По нашей гипотезе, причиной этого является то, что конечная огласовка (*ḥaraka*) (т. е. произнесение гласного в ауслате) является нехарактерной чертой разговорной речи. Другая причина удлинения гласного в ауслате — это его использование для связи слов в словосочетании. Ни один из слогоносителей не был одновременно и финальным, и ударным, что следует из теоретических положений о фонологии арабского языка. Это теоретическое положение подтвердилось в эксперименте.

Известно также, что долгие гласные в ауслате могут претерпевать качественную или количественную редукцию или же их комплекс, о чём пишут ещё арабские средневековые грамматисты. О правилах реализации различных фонетических процессов при чтении арабского текста: васлировании, паузальной форме, редукции звуков, ассимиляции и т. п. — см. (Аганина, Гайнутдинова, Мейер, Фролов 2012: тема 5).

3. Результаты эксперимента

Данные анализа были сведены в одну общую таблицу *Excel*, нормализованы методом *z*-оценки (*z-score*) и экспортированы в программу статистического анализа *SPSS*. Всего было проанализировано 3088 реализаций. Позиция слов и слогов в интонационных конструкциях (т. е. по отношению к тоновым акцентам типа *H* или *L*) не учитывалась и с этой точки зрения носит псевдослучайный характер. Приводим фрагмент общей таблицы (см. Таблица 1), в котором показаны параметры реализаций слогоносителей

фразы *madrasat-ī 'al-'ūlā bi-qalami Jirjī* / моя первая школа за авторством Джирджи.

Таблица 1. Примеры результатов анализа слогоносителей в реализациях информанта R. В верхней строке указаны их параметры, во второй строке — единицы измерения (Описание условных обозначений см. выше)

Гласный	Length	F ₀	F _{0area}	I _{mean}	I _{area}	Volume	Stress	End
	мс	Гц	Гц × с	Дб	Дб	Гц × Дб × с		
a	78,2	111,36	8,71	78,8	6,16	686	0	0
a	56,4	139,58	7,88	79,7	4,48	625	1	0
a	55,5	144,06	7,99	78	4,27	617,3	0	0
i	71,5	134,63	9,62	80,9	5,76	774,7	0	0
'uu	188,1	104,05	16,53	77,2	14,18	1276	1	0
aa	157,8	128,28	7,82	73,3	11,44	558,6	0	1
i	58,3	107,33	6,26	75,8	4,38	470,2	0	0
a	51,7	133,22	6,89	80,1	4,14	551,8	1	0
a	68,7	134,42	9,23	82	5,63	756,6	0	0
i	66,8	115,35	7,7	80,5	5,37	619,2	1	0
ii	82,8	106,84	8,84	77,6	6,42	685,6	0	0

В Таблице 1 мы видим 11 реализаций, хотя в фонологической записи фразы отражено 13 слогоносителей. Это происходит по следующим причинам.

Во-первых, некоторые гласные сокращаются до нуля из-за слитного прочтения изафетной конструкции и последующего определённого артикля: *madrasat-i-l-'ūlā* / моя первая школа. В этом примере мы видим не только выпадение гласного компонента первого слога артикля вместе с гортанным взрывом [ʾa], но и редукцию долгого гласного звука [ī] до краткого [i] по правилам слитного прочтения (васлирования³) — протетического компонента определённого артикля в арабском языке.

Во-вторых, расхождение количества фонетических реализаций с их фонологической нотацией связано с паузальным прочтением фразы *bi-qalami* / за авторством, где конечный гласный редуцируется до нуля звука перед именем собственным — *bi-qalam*. Такие варианты прочтения допу-

³«Васлирование — явление арабского языка, обеспечивающее слитность ритмических групп, которые порождают речевые единицы большего объема, чем фраза как совокупность ритмических групп, интегрированных в один интонационный комплекс. Васлирование звуков в речевом потоке (падение соединительной хамзы) обеспечивает непрерывность течения слогов, слов и ритмических групп» (Пасиева 2016: 82).

стимы, носителям предоставлялась полная свобода выбора варианта при записи. Ввиду этого количество и качество слогоносителей от информанта к информанту отличались, а фонетическая транскрипция экспериментального текста приближена к фонологической. Конечные огласовки сохранены. Слитное произношение (васлирование) отмечено только в тех случаях, когда все носители прочли фразы единообразно.

Указанные 3088 слогоносителя подразделялись на:

– фонологически долгие (геминированные) — 576, фонологически краткие — 2512;

– финальные — 564, нефинальные — 2524

– ударные — 966, безударные — 2122.

В целом при прочих равных условиях частота основного тона (F_0) возрастала в ударном слоге по сравнению с безударным, но происходило это недостаточно регулярно. По этой причине фактор частоты основного тона (F_0) в маркировании ударного слога оказался незначим ($p = 0,544$). Он был незначим также и для фонологической долготы ($p = 0,283$). Очевидно, что в проявлении незначимости тона (F_0) для просодии слова сыграла роль и псевдослучайность позиции слогоносителей по отношению к тоновым акцентам. Значимость параметров показана в Таблица 2. Значимые параметры выделены жирным шрифтом.

Длительность слогоносителя (в таблице этот параметр обозначен как *Length*) оказалась высокосвязанно статистически связанной с ударением. Под влиянием ударения слогоноситель увеличивался на 18,45 % ($p < 0,001$). Интегральные параметры, которые в качестве одного из измерений включают длительность, также оказались значимо связаны с ударением: F_{0area} ($p = 0,021$), энергетический коррелят I_{area} ($p = 0,003$) и $Volume$ ($p = 0,029$).

Перемещение слогоносителя в ауслат (абсолютный исход слова) статистически значимо отражается на всех его параметрах ($p \leq 0,031$) за исключением параметра $Volume$ ($p = 0,091$). Его длительность возрастает на 27,12 % ($p < 0,001$), а частота основного тона F_0 и интенсивность уменьшаются: F_0 — на 3,83 % ($p = 0,024$), а интенсивность — на 1,66 % ($p = 0,004$). Т. е., длительность с одной стороны и частота основного тона F_0 и интенсивность с другой стороны действуют разнонаправленно.

Набор значимых параметров, которые связаны с фактором фонологической долготы, не отличается от ударения. Как и можно было полагать априори, фонологически долгий гласный имеет большую длительность по сравнению с кратким ($p < 0,001$) — на 45,12 %. При этом все интегральные параметры также высокосвязанно возрастают в долгом слогоносителе ($p < 0,001$), поскольку длительность входит в них в качестве одного из измерений.

В целом Таблица 2 свидетельствует о том, что длительность слононосителя играет существенную роль в формировании просодического облика арабского слова и ударение в сирийском диалекте арабского языка можно охарактеризовать как квантитативное.

Таблица 2. Значимость статистических связей ударения, ауслота и фонологической долготы гласных с зависимыми параметрами в речи шести сирийских информантов по методу *z-score*

Параметры	Ударение	Ауслат	Долгота
Длительность (<i>Length</i>)	0,001	< 0,001	< 0,001
Частота основного тона (<i>F₀</i>)	0,544	0,024	0,283
Площадь, ограниченная кривой тона (<i>F_{0area}</i>)	0,021	0,031	< 0,001
Интенсивность (<i>I_{mean}</i>)	0,738	0,004	0,089
Площадь, ограниченная кривой интенсивности (<i>I_{area}</i>)	0,003	< 0,001	< 0,001
Объём, ограниченный кривыми тона и интенсивности (<i>Volume</i>)	0,029	0,091	< 0,001

На данном этапе исследования не удалось обнаружить значимых статистических связей глоттографических параметров — инфразвуковой частоты колебаний ларинкса и *quotient* (соотношение промежутков времени, когда голосовые связки разведены и сведены) — с просодическими характеристиками арабского слова. Эту планируется продолжить в будущем.

4. Заключение

Словесное ударение в сирийском диалекте арабского языка создаётся за счёт удлинения ударного слононосителя, т. е., его можно считать квантитативным. Длительность играет также существенную роль в формировании других просодических факторов арабского слова: модификации гласного в ауслате и маркировании фонологически долгих гласных. Интегральные параметры, которые включают в себя длительность в качестве одного из измерений, также значимо связаны с просодическими характеристиками арабского слова.

Полученные результаты говорят о том, что один параметр — длительность слононосителя — может участвовать одновременно в разных просодических характеристиках: ударении, ауслатной модификации и фонологической долготе, не препятствуя проявлению каждой из них. Это хорошо согласуется с точкой зрения Л. Р. Зиндера: «Если, скажем, в каком-нибудь языке, имеющем количественное ударение, длительность

ударного слога значительно превосходит длительность безударного, то большая и малая долгота будет различаться и в тех случаях, когда они не сопоставлены рядом» (Зиндер 1979: 265).

Использование глоттографического анализа позволило существенно уточнить данные по длительности сегментов и частоте основного тона. В будущем планируется рассмотреть большее количество записей носителей различных диалектов и провести сравнительный анализ характеристик ударения между диалектами. Для полноты картины требуется сравнение с другими языками со схожей просодической и фонетической структурой. Одновременно с этим планируется дальнейшее использование глоттографа и исследование других фонетических явлений с анализом работы голосовых связок.

Список литературы / References

- Аганина Г. Р., Гайнутдинова А. Р., Мейер М. С., Фролов Д. В. Сборник пособий по исламоведению и корановедению. М.: Восточная книга, 2012. [Aganina, Gulchara R., Gainutdinova, Adelya R., Meyer, Mikhail S., & Frolov, Dmitry V. (2012) *Sbornik posobij po islamovedeniyu i koranovedeniyu* (Collection of Manuals on Islamic Studies and Qur'an Studies). Moscow: Vostochnaya kniga. (In Russian)].
- Бровченко Т. А. Энергетический коррелят словесного ударения // *Proceedings of the 6th International Congress of Phonetic Science (Prague 1967)*. Prague: Acad. Publ. Hous of the Czechosl. Acad. of Sciences, 1970. С. 215–217. [Brovchenko, Tamara A. (1970) *Energeticheskij korrelyat slovesnogo udareniya* (Energy Correlates of Verbal Stress). Prague: Acad. Publ. Hous of the Czechosl. Acad. of Sciences, 215–217. (In Russian)].
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. [Zinder, Lev R. (1979) *Obshchaya fonetika* (General Phonetics). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Лебедев В. В. Церковнославянский сквозь призму литературного арабского языка // *Арабистика Евразии*. 2019. № 6. С. 25–46. [Lebedev, Vladimir V. (2019) *Tserkovnoslavyansky skvoz' prizmu literaturnogo arabskogo yazyka* (Church Slavonic through the Prism of the Arabic Literary Language). *Eurasian Arabic Studies*, 6, 25–46. (In Russian)].
- Пасиева О. В. Васлированная методика обучения аудитивной компетенции студентов-лингвистов (арабский язык, средний этап бакалавриата): Дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2016. [Pasieva, Olga V. (2016) *Vaslirovannaya metodika obucheniya auditivnoy kompetentsii studentov-lingvistov (arabskiy yazyk, sredniy etap bakalavriata)* (Wasl-based Methods of Teaching Auditive Competence to Linguistics Students (Arabic, Bachelor's Intermediate Course). PhD Thesis in Pedagogy. Moscow. (In Russian)].
- Сегаль В. С. Начальный курс арабского языка. М.: Издательство ИМО, 1962. [Segal, Vladimir S. (1962) *Nachal'nyy kurs arabskogo yazyka* (Beginner's Course in Arabic). Moscow: Izdatel'stvo IMO. (In Russian)].
- Степанов Р. В., Кузьмин В. А. Арабский язык: начальный курс. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. [Stepanov, Roman V., & Kuzmin, Vadim A. (2017) *Arabsky*

- yazyk: nachal'nyy kurs* (Arabic Language: Beginner's Course). Ekaterinbur: Izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)].
- Anis, Ibrahim. (1958) *'Al-'Aṣwāt 'al-luġawiyya*. Cairo: Maktabat Nahḍat Masr wa-maṭba'atuha bi-Masr. (In Arabic)
- An-Nūri, Muhammad J. (2019) *Min 'al-lisaniyāt 'al-luġati 'al'arabiyati ('ilm al'aṣwāt)*. Lebanon: Dar al kotob al ilmiyah. (In Arabic)
- Chahal, Dana. (2007) Intonation. In Versteegh, K (ed.). *Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics*. Vol II. Leiden: Brill, 395–401.
- Corvetto, Ines. (1982) L'intonazione nell'Arabo Siriano. *Lingua e Stile*, 17, 2, 371–394. (In Italian)
- de Jong, Kenneth, & Zawaydeh, Bushra A. (1999) Stress, Duration, and Intonation in Arabic Word-level Prosody. *Journal of Phonetics*, 27, 3–22.
- Hassan, Tamam. (1990) *Manāhiġ al-baḥṭ fi-l-luġa*. Cairo: Maktabat al-Anglo al-Masriyya. (In Arabic)
- Haydar, Yıldırım, & Mrayati, Maha. (1985) Etude de l'intonation, la courbe melodique de phrases de l'Arabe standard. *Travaux de l'Institut de Phonétique de Strasbourg*, 17, 75–113. (In French)
- Hellmuth, Sam. (2004) Prosodic Weight and Phonological Phrasing in Cairene Arabic. *Proceedings from the Annual Meeting of Chicago Linguistic Society*, 1, 97–111.
- Hellmuth, Sam, & El Zarka, Dina. (2007) Variation in Phonetic Realisation or in Phonological Categories? Intonational Pitch Accents in Egyptian Colloquial Arabic and Egyptian Formal Arabic. *Proceedings of 16th ICPHS* (Saarbrücken, 6–10 August 2007). Saarbrücken: Universität des Saarlandes, 147–152.
- Jones, Daniel. (1950) *The Phoneme: Its Nature and Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kharrat, Muhammad. (1994) *A Descriptive Analysis of Standard Arabic Intonation with Implications for Teaching English as a Second Language*. PhD Thesis. Kansas: University of Kansas.
- Ladefoged, Peter. (1971) *Preliminaries to Linguistic Phonetics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Omar, Ahmad Mukhtar. (1991) *Dirāsat 'aṣ-ṣawt 'al-luġawiyya*. Cairo: Alam Al-Kutub. (In Arabic)
- Swaileh, A., & Alzaidi, Muhammad. (2018) Intonational Patterns of Focus Preposing Constructions in Hijazi Arabic. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation (IJLLT)*, vol. 1, issue 2, 76–84.
- Sweet, Henry. (1892) *A Primer of Phonetics*. Oxford: Clarendon Press.

УДК 821.521

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-28-40

ФОЛЬКЛОР В ЯПОНСКОЙ ТЕЛЕРЕКЛАМЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А. С. Демидова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Фольклор и реклама связаны больше, чем может показаться на первый взгляд. Эффективная реклама начинается с расхожих истин, с которыми нельзя не согласиться, а фольклор как базовая универсальная форма национальной культуры, аккумулирующая и хранящая всевозможные духовные установки нации, является примером такой расхожей и понятной истины. Независимо от социального и культурного статуса, фольклор присутствует в подсознании каждого человека и, оказываясь составной частью любой другой культурной формы, способен оказывать сильное воздействие. В данной статье на примере серии рекламных роликов, повествующих о фольклорном герое Момотаро и его путешествии на остров Онигасима, можно проследить, как за счет расхожих, всем понятных и узнаваемых образов и мотивов японские рекламисты стремятся не только продвинуть продукт, но и реализовать еще одну из важнейших функций фольклорных элементов в рекламе — сблизить традиции и современность и показать, что старые традиции гармонично вписываются в современные реалии. Рекламисты обращаются к фольклорным архетипам для поиска национальных ментальных компонентов и активизации у реципиентов процессов самопознания и самоидентификации. Использование в рекламе фольклорного образа позволяет в условиях ограниченного времени передать больше смыслов. Благодаря фольклорному образу реципиент мгновенно считывает культурный код и ощущает внутреннюю причастность к происходящему, а следовательно, и к рекламируемому продукту. В сочетании с прецедентными текстами — пословицами и поговорками — фольклорный образ служит пусковым моментом в создании новых интерпретаций определенных слоев культурного опыта.

Ключевые слова: телереклама; фольклорные элементы; культурный код; культурная идентичность; японский язык.

Цитирование: Демидова А. С. Фольклор в японской телерекламе как средство формирования и укрепления культурной идентичности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 28–40. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-28-40.

Folklore in Japanese TV Commercials as a Means of Forming and Strengthening Cultural Identity

Anna S. Demidova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

This paper explores the hypothesis that folklore and advertising are more connected than they might seem at first glance. Effective advertising begins with common truths which cannot be disagreed with, and folklore as the basic universal form of national culture, that accumulates and preserves all kinds of spiritual attitudes of the nation, is an example of just such a truth, commonly accepted and obvious. Regardless of their social and cultural status, folklore is present in the subconscious of every person and, as an integral part of any other cultural form, may have significant influence on people. In this article, by examining a series of commercials about the folk hero Momotaro and his journey to the island of Onigashima, we attempt to demonstrate how Japanese advertisers seek not only to promote products but also to bring traditions and modernity closer together and to show that old traditions harmoniously fit into the realities of today. Japanese advertisers turn to folklore archetypes in search of nationally relevant mental concepts, seeking to activate in recipients the processes of self-awareness and self-identification. The use of folklore images in addition to text allows advertisers to convey more meanings in the very limited time frame of a TV commercial. Thanks to folklore images, recipients instantly reads the cultural code and feels strong inner investment in what is happening and, consequently, in the product advertised. In combination with precedent texts (proverbs and sayings), folklore images become a productive starting point for creating new interpretations of specific layers of cultural experience.

Key words: TV commercials; folkloric elements; cultural code; cultural identity; Japanese language.

Citation: Demidova, Anna S. (2023) Folklore in Japanese TV Commercials as a Means of Forming and Strengthening Cultural Identity. *LUNN Bulletin*, 2 (62), 28–40.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-28-40.

*Good literature is an advertisement,
and all advertisements well written are literature.*

Elbert Hubbard

1. Введение

Хорошая реклама начинается с расхожих истин, с которыми нельзя не согласиться (Hubbard 1913). А что может быть более расхожего, чем фольклор? Базовая универсальная форма национальной культуры, аккумулирующая и хранящая всевозможные духовные установки нации. Фольклор, независимо от социального и культурного статуса, присутствует в подсознании каждого человека и, оказываясь составной частью любой другой культурной формы, способен оказывать сильное воздействие.

Исследователи полагают, что реклама (особенно устная), вбирая многие черты народного творчества, неразрывно связана с фольклорными процессами (взять, например, ярмарочную рекламу и ее бытование в контексте народной культуры). Реклама не просто впитала ряд черт фольклора, но и является частью народного творчества и неразрывно с ним связана (Кузавка 2015).

Ученые сходятся во мнении, что фольклор обладает несколькими важнейшими свойствами. Во-первых, это «хранилище закодированной информации, посредством которой образуются концепты — соединение словарного значения с личным и этническим опытом человека» (Маслова 2005: 37). Во-вторых, фольклорные элементы помогают реципиентам в последующем самоопределении к принадлежности к той или иной культуре (Щурик 2006: 365), а также создают ощущение внутренней причастности к той образной форме, которая скрыта в рекламном сообщении (Кузавка 2015). В-третьих, при умелом использовании фольклорные образы позволяют сблизить традиции и современность и показать, что вековые традиции гармонично вписываются в современные реалии.

В настоящей работе на примере рекламных роликов компаний «Пепси» (*Pepsi*) и «Эйю» (*AU*), повествующих о японском фольклорном герое Момотаро и его путешествии на остров Онигасима, предлагается проследить, как за счет традиционных, понятных и узнаваемых фольклорных образов и мотивов японские рекламисты стремятся продвинуть не только продукт, но и национальную культуру и тем самым способствуют формированию и укреплению культурной идентичности.

Как писал Зигмунт Бауман, поиск национальной идентичности разделяет и обособляет (Бауман 2005: 120). Реклама с фольклорными элементами дает реципиентам внутреннее ощущение принадлежности прежде всего к определенной культуре, а не к нации и, таким образом формируя и укрепляя культурную идентичность, способствует не разобщению, а единению на основе общего культурного опыта.

2. Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили современные японские рекламные видеоролики двух компаний — «Пепси» и «Эйю», в общей сложности было проанализировано около 100 роликов. В основе сюжета всех роликов лежит народная сказка о герое Момотаро, который вместе с тремя друзьями — собакой, обезьяной и фазаном — отправился сражаться со злыми демонами. История Момотаро, безусловно, хорошо известна каждому японцу. В России сказка о Момотаро увидела свет в 1914 г. в переводе сказок Ивая Садзанами. В 1956 г. издательство «Художественная литература»

выпустило сборник «Японские сказки» в переводе В. Марковой и Б. Бейко, а в 1965 г. вышел сборник «Десять вечеров. Японские народные сказки» в переводе В. Марковой. В том же году советские читатели познакомились с книгой переводов Н. Фельдман «Японские народные сказки». В 1991 г. издательство «Наука» выпустила наиболее полный сборник «Японские народные сказки» в переводе В. Марковой, куда вошла и сказка о Момотаро.

Теоретико-методологическую базу данного исследования составили положения и концепции работ по PR и рекламе, фольклористике и культурологии, культурным кодам и переводу, результаты научных исследований на стыке этих дисциплин (Burns 1969; Lin 1993; Сулименко 2003; Щурик 2006; Newton 2010; Кузавка 2015; Елкина 2016; Барышев, Сдобников 2020; Вашунина, Нистратов, Тарасов 2020; Савруцкая, Устинкин 2020).

Методологической опорой для работы стали труды, посвященные изучению особенностей современных средств массовой информации, по теории и практике PR-технологий и рекламы российских и зарубежных авторов (Mueller 1987; Sato 1997; Barberi 2000, 2013; Jenkins 2000; Praet 2001; Akiyama 2006; Prieler 2008; Анашкина 2008, 2009; Огилви 2017).

Логика исследования и структурирование материала подчинены системному подходу. Поставленная в работе цель достигается в процессе изучения различных аспектов использования фольклора в японской телерекламе. Принцип анализа материала — формально-функциональный, позволяющий увидеть в исследуемом предмете общие черты, закономерности, повторяющиеся тенденции, а также функциональные возможности отдельных приемов и форм фольклора при его переносе в телерекламу.

3. Роль фольклорных элементов в прагматике телерекламы

Как известно, первостепенная задача рекламиста — найти (или создать) максимально короткие и «безбарьерные» пути к сознанию потребителей, одно из самых простых решений — задействовать существующие в коллективном сознании фольклорные архетипы. Фольклорный мотив создает особый стиль — простой, понятный, легко и быстро узнаваемый, хорошо запоминающийся — и работает как транспорт, доставляющий сообщение в сознание потребителей, успешно обходя «антирекламные» щиты.

Сравнение фольклорного мотива с транспортом неслучайно: рекламисты обращаются к фольклорным архетипам для поиска национальных ментальных компонентов и активизации у реципиентов процессов самопознания и самоидентификации. Так, среди основных архетипических образов исследователи выделяют образ героя, а к основным архетипическим мотивам относят дорогу. В пути-дороге происходят неожиданные встречи и вол-

шебные превращения. В рекламе глубинно-подсознательный архетип дороги используется в качестве посылы к приятным или неожиданным встречам, знакомству с новым, неизведанным, как путь в новый, чудесный мир (Кузавка 2015).

Исследуемые рекламные ролики задействуют именно эти архетипические образы и мотивы: Момотаро (герой) и его путешествие (дорога) на остров Онигасима.

Следует отметить, что, согласно исследованиям, так называемый «другой» мир (сказочный, чудесный, инопланетный и т. п.) и фольклорные персонажи — две самые популярные категории фольклорных элементов, задействуемых в рекламе (Newton 2010: 55). Связано это с тем, что «другой» мир и фольклорный персонаж достаточно известны, чтобы быть понятными, но в то же время достаточно сильно отличаются от нашего мира, чтобы вызывать удивление (Newton 2010: 52). Эксплуатация национального и общекультурного нематериального наследия является приметой современной социокультурной ситуации (Елкина 2016: 17).

«Другой» мир и фольклорный персонаж показывают, что границы возможного расширяются, раздвигаются, разрушаются и исчезают <...> Разумеется, если у вас есть рекламируемый продукт. Это одна из характерных черт, общих для рекламы и сказки: как реклама внушает реципиенту, что для стопроцентно счастливой жизни ему кое-чего не хватает, так и в сказке тот, кто обладает неким артефактом, занимает более выгодное положение, чем тот, у кого его нет (Newton 2010: 54).

В рассматриваемой в данной статье рекламе «Пепси» доминирует идея о том, что с напитком «Пепси» возможно все, даже победа над превосходящим по силе противником. А в рекламе сотового оператора «Эйю» через все ролики проходит одна сквозная мысль: новые возможности появляются благодаря новым тарифным планам.

3.1. Национальные особенности японской телерекламы

Национальные особенности японской телерекламы в первую очередь обусловлены высококонтекстностью японской культуры — термины «высококонтекстные» и «низкоконтекстные» культуры (англ. *high- and low-context cultures*) введены антропологом Эдвардом Холлом и использовались в книге «Вне культуры», выпущенной еще в 1976 г. (Hall 1976). В высококонтекстной культуре часть информации остается недосказанной, так как все самое важное содержится в самой культуре. Для коммуникации становится крайне важен выбор правильных слов — носители высококонтекстной культуры могут всего несколькими словами передать сложное сообщение.

Свойственная японской культуре высококонтекстность проявляется и в рекламе. Если сравнить японскую телерекламу, например, с американской (а их часто сравнивают как антиподы), то можно без труда заметить такую черту японской рекламы, как деликатность. Японская телереклама, как правило, неназойлива, в ней полностью отсутствует нарочитое подчеркивание достоинств рекламируемого товара, практически не встречаются прямые апелляции с требованием покупки (повелительное наклонение и вообще большая редкость для японской телерекламы). В японской телерекламе редко используется широко распространенный прием психологического давления и подталкивания к совершению импульсивной покупки: «закажи три по цене двух». Кроме того, японской рекламе не свойственны намеренное преувеличение достоинств рекламируемого товара («номер один в мире», «единственный в своем роде» и т. п.), обещания сверхрезультатов и сравнения с конкурентами (с пресловутым «обычным порошком»). Перечисленные характеристики (на языке маркетологов это так называемая стратегия *hard sell* («хард сел») — «жесткая продажа») часто делают рекламу шаблонной и нередко вызывают у потребителей прямо противоположную реакцию — раздражение или отторжение.

В отличие от других стран, где рекламу считают неизбежным злом, в Японии реклама настолько гармонично вписывается в мир шоу-бизнеса и жизнь общества в целом, что большинство телезрителей смотрят телерекламу с большим удовольствием (Praet 2001). К характерным особенностям японской рекламы можно отнести преобладание такого маркетингового подхода, как *soft sell* («софт сел», или «мягкая продажа»). Основу этого подхода составляет приятный, располагающий к себе эмоциональный фон, создаваемый за счет музыки и образов, вызывающих симпатию. Чувство прекрасного возникает благодаря красивым видам, добрым душевным историям и лиричности. На первый план выходят человеческие чувства (Mueller 1987). В японской рекламе часто в фокусе внимания оказывается не рекламируемый товар, а история — об одном человеке, событии, дне, чувстве.

Еще одной яркой особенностью японской телерекламы является бережное отношение к своей национальной культуре (Бубнова 2022). «В современном мире, перенасыщенном рекламой, никуда не деться от иностранных товаров и чужеродной культуры, но их можно использовать, чтобы укрепить позиции национальных ценностей. Бытует мнение, что именно такой подход и позволил в свое время Японии осуществить “модернизацию без вестернизации”, занимать лидирующие позиции в мире, сохранив при этом свою национальную самобытность» (Овчинников 2014: 7).

Японские рекламисты удивительным образом маневрируют между «своим» и «чужим»: достоинства национального продукта часто подчеркиваются через популярные иностранные образы, и наоборот, реклама иностранного продукта нередко эксплуатирует национальный образ (Бубнова 2022). Серия рекламных роликов компании «Пепси», построенная на использовании образа героев и сюжета сказки о Момотаро, являет собой прекрасный пример такого синтеза «своего» и «чужого». В рекламе «Пепси» создается образ иностранного продукта, становящегося частью национального социокультурного пространства и приобретающего характерные национальные черты. Кроме того, это и отражение проблем, которые были и остаются актуальными — человеческие отношения. Так, ролики, где главными героями выступают собака, обезьяна и фазан, рассказывают истории о потере близких, о сложных отношениях в семье, т. е. о том, что было и остается важным для любого человека.

3.2. Фольклорный образ как средство выражения принадлежности к национальной культуре

Интересно, как по-разному японские рекламисты используют образ одного и того же фольклорного героя. Если в роликах компании «Пепси» Момотаро предстает в образе мужественного воина, то в рекламе сотового оператора «Эйю» это скорее комический персонаж. Разница в амплуа находит отражение и в слоганах: в ролике «Пепси» слоган призывает стремиться к победе, напиток помогает герою пройти сложный путь до конца и выстоять, а в ролике сотового оператора слоган призывает стремиться к единству, любви к семье и друзьям и т. д., чему способствуют сотовая связь и выгодные тарифы (из роликов компании «Эйю» мог бы получиться полноценный рекламный сериал: всего выпущено около 100 роликов, у каждого свой слоган).

Такая контрастная интерпретация образа одного героя — Момотаро — объясняется не только спецификой рекламируемого продукта, но и неоднозначностью самого фольклорного персонажа. У этой сказки есть множество вариантов: где и из чего родился Момотаро, его возраст, поступки и их оценка (украл ли он сокровища у демонов (что предосудительно) или демоны сами отдали в качестве откупа), что и / или кого он взял с собой в путь и т. д.

В рекламе «Эйю» повествование строится на эпизодах из жизни Момотаро и его друзей и семьи. Акцент делается на человеческих отношениях и чувствах: любовь, дружба, привязанность. Даже демон, который по сюжету должен быть антагонистом, в серии рекламных роликов «Эйю» превращается в старого друга: его зовут Они-тян, у него есть семья, противостояние с Момотаро — не более чем ссора между друзьями.

Об истории отношений Момотаро и демона Они рассказывается с юмором — ролики образуют настоящий ситком, где современность переплетается с традиционной сюжетной линией и от этого возникает комический эффект. Так, в сцене знакомства Они с семьей Момотаро в ответ на комплимент Они: *かわいい奥さんですね* (*Кавайи окусан дэсунэ* (здесь и далее приводится транскрипция Поливанова)) — «Твоя жена — просто красавица», Момотаро по правилам современного этикета отвечает: *そんなことないですよ* (*Сонна кото най дэсу ё*) — «Ничего подобного», но в беседе также участвует и жена Момотаро, которая воспринимает эту фразу буквально, как отрицание ее красоты. В следующей реплике юмор строится на буквализации идиомы: на вопрос *どんな奥さん?* (*Донна окусан?*) — «Какая она?» Они отвечает: *鬼嫁です* (*Ониёмэ дэсу*) — «Настоящий демон», что можно трактовать в данном случае как буквально, так и фигурально: жена демона Они — тоже они (демон), но *ониёмэ* также указывает на то, что у жены в лучшем случае непростой, а то и просто злой, как у демона, характер. Момотаро, у жены которого немного капризный нрав, поддерживает вторую версию (*一緒!* (*Иссё!*) — «И у меня тоже!») и опять попадает в комическую ситуацию: его жене такое сравнение не нравится. Демон Они при этом смеется, что вызывает стойкие ассоциации с поговоркой *来年のことを言うと鬼が笑う* (*Райнэн но кото о уу то они га варау*) — «Хочешь рассмешить демона — расскажи о планах на следующий год». Наконец, в заключительной части ролика, когда разговор заходит о детях, Они говорит про себя: *自分イクメンですよ* (*Дзибун икумэн дэсу ё*) — «Я семьянин». При этом используется модное словечко *икумэн* — прямая отсылка к реалиям сегодняшнего дня. Таким образом, в одном ролике содержатся отсылки к нескольким прецедентным текстам: сама сказка, идиома и поговорка, что позволяет имплицитно выражать смыслы на нескольких уровнях.

Момотаро и его друзья в рекламе «Пепси» также сочетают в себе черты традиционности и современности: меч — традиция, костюмы и трюки — современность. Эксплицируется также предположение, что в действительности обезьяна, собака и фазан были людьми — как известно, у многих фольклорных произведений есть реальная подоплека, а за вымышленными персонажами скрываются реальные личности. В серии роликов рассказывается о личной истории каждого из друзей: все они прошли через сложные испытания предательством, изгнанием, неприятием и т. д.

Контраст двух образов становится наиболее очевиден, если детальное сравнение представить в виде таблицы:

Таблица. Образы Момотаро в рекламных роликах «Пепси» и «Эйю»

	«Пепси»	«Эйю»
Амплуа	воин	друг
Характеристики	крутой, сильный, мужественный, ловкий, суровый, волевой, решительный	умный, романтический, добродушный, сопереживающий, с чувством юмора
Слоган	自分より強いヤツを倒せ (Дзибун ёри цуёй яцу о таосэ) Победи того, кто сильнее	家族)とともに (Кадзоку то томони) Вместе (с семьей) 家族一人一人 (Кадзоку хитори хитори) Каждому члену семьи
Продвигаемые ценности	отвага, героизм, решительность, внутренняя и физическая сила	дружба, семья, отношения, образование

Интересно также и то, как искусно японские рекламисты вплетают в историю Момотаро другие фольклорные произведения. В рекламных роликах компании «Эйю» друзья главного героя — это прежде всего Урасима Таро и Кинтаро, два не менее известных фольклорных персонажа. История рыбака Урасимы Таро, спасшего черепаху, напоминает историю Рип ван Винкля. Кинтаро с детства обладал сверхчеловеческой физической силой и прославился тем, что совершил множество подвигов. На протяжении нескольких роликов рассказывается об их школьной дружбе, радостях и печалях, приключениях, первой любви и новых друзьях.

В этом контексте общий слоган для всей рекламной кампании — *新しいAU (Атарисий эйю)* (букв. «Новый Эйю») — приобретает дополнительный смысл. Это не просто новые услуги от оператора «Эйю», т. к. название компании «Эйю» созвучно с другим японским словом *эйю* — «герой», следовательно, слоган можно интерпретировать и по-другому: новые герои. И это действительно новые герои, герои нового типа, продвигающие как традиционные, так и современные культурные ценности. Кроме того, они делают акцент на единстве и объединении: все вместе. И неважно, идет ли речь о семье и друзьях или футбольной команде, главная идея, которую транслируют эти ролики, — всем вместе веселее, безопаснее и ... выгоднее. Установка «все вместе» формирует причастность к одной мы-группе. Так эти ролики позволяют акцентировать принадлежность реципиентов к обще-

национальной культуре: как известно, апофатический путь осознания индивидуальной своей идентичности предполагает осмысление различий между «нами» и «другими» (Торопова 2010).

4. Заключение

Как видно из проведенного исследования, благодаря рекламе древние традиции и образы становятся частью современности. Представленные рекламные ролики призваны показать, что прежние ценности не потеряли своей актуальности и сегодня: нам были нужны и остаются нужны мужественные герои, так же как были и остаются важны семья, друзья и отношения. Всем известная история фольклорного героя Момотаро позволяет в простой и доступной форме это понять и почувствовать, ощутить причастность к происходящему и принадлежность к одной общей культуре.

Как известно, у фольклорных произведений имеется две структуры: поверхностная (имеющая конкретное выражение: движения, слова, поступки) и глубинная (идеи, эмоции, ценности, идентификация). Использование в рекламе фольклорного образа позволяет в условиях ограниченного времени сказать и передать больше смыслов, чем через вербальный текст. Любому японцу известно, какими качествами обладает Момотаро, куда и зачем он идет, почему он герой — об этом можно не говорить, достаточно показать Момотаро, и японский зритель мгновенно считает культурный код и ощутит внутреннюю причастность к происходящему, а следовательно, и к рекламируемому продукту. Использование прецедентных текстов — пословиц и поговорок — служит пусковым моментом в создании новых интерпретаций определенных слоев культурного опыта (Сулименко 2003: 90).

В продолжение мысли об использовании в телерекламе знаменитостей, высказанной в статье К. Праета (Praet 2001), рискнем предположить, что с маркетинговой точки зрения использование фольклорных элементов сродни использованию звезд: японские бренды мало отличаются друг от друга по качественным и функциональным характеристикам, в то время как использование фольклорного персонажа — способ персонифицировать бренд, создать «лицо», отделить / выделить его среди других. Кроме того, такая замена звезд может быть оправданна и с коммерческой точки зрения: нет необходимости платить «звездные» гонорары.

Если перефразировать еще одну не менее любопытную мысль, то, с точки зрения рекламщика, использовать фольклорный персонаж — значит говорить с клиентом на одном языке: вместо долгих объяснений абстрактных концептов гораздо проще представить свою идею, показав фольклорного героя, вокруг которого будет выстраиваться рекламная кампания (Sato 1997).

Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что культурные этноидентифицирующие маркеры, историю и национальную мифологию, традиции, культуру относят к элементам, формирующим национальную идентичность (Торопова 2010). Таким образом, реклама с использованием фольклорных элементов позволяет достичь сразу нескольких целей.

Еще в начале 1960-х гг. Говард Госсэдж, специалист по рекламе с западного побережья США, утверждал, что реклама оправдывает свое существование полностью лишь тогда, когда ею пользуются во благо общества (цит. по [Огилви 2017: 39]). Думается, что формирование и поддержание культурной идентичности можно без преувеличения назвать одним из наиболее ценных благ любого общества. С этой точки зрения японская телереклама полностью оправдывает свое существование. Опыт японских рекламистов можно и нужно использовать и в российской практике: мастерски обыгранные фольклорные сюжеты и герои не только позволят создать емкий многослойный рекламный текст, но и заставят зрителей ощутить внутреннюю причастность к одной культуре, одному народу, одной стране.

Список литературы / References

- Анашкина Н. А.* Режиссура телевизионной рекламы: учебное пособие для вузов. М.: Юнити, 2008. [Anashkina, Natalya A. (2012) *Rezhissura televizionnoj reklamy: uchebnoe posobie dlya vuzov* (Directing TV Commercials: a Cousebook for Universities). Moscow: Yuniti. (In Russian)].
- Анашкина Н. А.* Образы искусства и рекламы: диалектика глобального и локального // Омский научный вестник. 2009. № 3 (78). С. 103–106. [Anashkina, Natalya A. (2009) *Obrazy iskusstva i reklamy: dialektika global'nogo i lokal'nogo* (Images of Art and Advertising: Dialectics of Global and Local). *Omsk Scientific Bulletin*, 3 (78), 103–106. (In Russian)].
- Барышев Н. В., Сдобников В. В.* Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 18–31. [Baryshev, Nikolai V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) *Kulturnyj kod v aspekte perevodcheskoj deyatel'nosti* (The Cultural Code in Terms of Translation Activity). *LUNN Bulletin*, Special issue, 18–31. (In Russian)].
- Бубнова А. С.* Национальные особенности и дидактический потенциал японской телерекламы // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания: Материалы научно-методической конференции (октябрь 2021 г.). М.: Ключ-С, 2022. С. 48–54. [Bubnova, Anna S. (2022) *Nacional'nye osobennosti i didakticheskij potencial yaponskoj telereklamy* (National Features and Didactic Potential of TV Commercials). *Yaponskiy yazyk v vuze: aktual'nye problemy prepodavaniya: Materialy nauchno-metodicheskoy konferentsii (oktyabr' 2021 g.)* (Japanese Language in Higher Education: Teaching Issues: Proceedings of Scientific and Methodic Conference (October 2021)). Moscow: Klyuch-S, 48–54. (In Russian)].

- Бауман З. Индивидуализированное общество. Москва: Логос, 2005. [Bauman, Zygmunt. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* (The Individualized Society). Moscow: Logos. (In Russian)].
- Вашунина И. В., Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф. Некоторые корреляции образов языкового и неязыкового сознания // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 2 (50). С. 9–26. [Vashunina Irina V., Nistratov, Alexandr A., & Tarasov, Evgeniy F. (2020) Nekotorye korrelyacii obrazov yazykovogo i neyazykovogo soznaniya (Some Correlations of Images of Language and Non-Language Consciousness). *LUNN Bulletin*, 2 (50), 9–26. (In Russian)].
- Елкина М. В. Мотивы народной сказки в современной отечественной и зарубежной рекламе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. Ч. 4. С. 17–19. [Elkina, Mariya V. (2016) Motivy narodnoj skazki v sovremennoj otechestvennoj i zarubezhnoj reklame (Motifs of a Folk Tale in Modern Russian and Foreign Advertising). *Philology. Theory and Practice*, 4, 17–19. (In Russian)].
- Кузавка Е. Н. Фольклор в современной российской рекламе (на примере ежемесячных журналов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015. [Kuzavka, Ekaterina N. (2015) *Fol'klor v sovremennoj rossijskoj reklame (na primere ezhemesyachnykh zhurnalov)* (Folklore in Russian TV Advertising (a Case Study of Monthly Magazines): Extended Abstract of PhD Thesis in Philology. Voronezh. (In Russian)].
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: «ТетраСистемс», 2005. [Maslova, Valentina A. (2005) *Kognitivnaya lingvistika* (Cognitive Linguistics). Minsk: Tetra-Systems. (In Russian)].
- Овчинников В. В. Два лица Востока: Впечатления и размышления от одиннадцати лет работы в Китае и семи лет в Японии. М.: АСТ, 2014. [Ovchinnikov, Vsevolod V. (2014) *Dva lica Vostoka: Vpechatleniya i razmyshleniya ot odinnadcati let raboty v Kitae i semi let v Yaponii* (Two Faces of the East: Impressions and Reflections after Eleven Years in China and Seven Years in Japan). Moscow: AST. (In Russian)].
- Огилви Д. О рекламе. М.: Манн, Иванов и Фербер; Эксмо, 2017. [Ogilvy, David (2017) *O reklame* (On Advertising). Moscow: Mann, Ivanov, Ferber; Eksmo. (In Russian)].
- Савруцкая Е. П., Устинкин С. В. Язык в сохранении исторической памяти // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Спецвыпуск. С. 103–110. [Savrutskaya, Elizaveta P., & Ustinkin, Sergey V. (2020) Yazyk v sohranении istoricheskoy pam'yati (Language in Historical Memory). *LUNN Bulletin. Special issue*, 103–110. (In Russian)].
- Сулименко Н. Е. Фольклорные элементы в лексическом структурировании текста // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 90–101. [Sulimenko, Nadezhda E. (2003) Fol'klornye elementy v leksicheskom strukturirovanii teksta (Folk Elements in the Lexical Structuring of the Text). *Siberian Journal of Philology*, 3–4, 90–101. (In Russian)].
- Торопова Е. А. Национальная идентичность как компонента имиджа страны // Вестник Московского университета. Серия. 10: Журналистика. 2010. № 4. С. 219–230. [Toropova, Ekaterina A. (2010) Nacional'naya identichnost' kak komponenta imidzha strany (National Identity as Country's Image Component). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 4, 219–230. (In Russian)].

- Щурик Н. В. Эволюция лингвистических взглядов на дискурс народной волшебной сказки // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. № 6 (13). С. 363–366. [Shchurik, Natalya V. (2006) Evolyuciya lingvisticheskikh vzglyadov na diskurs narodnoj volshebnoj skazki (The Discourse of Fairy Folk Tale through a Linguistic Theory Evolution). *The Siberian Aerospace Journal*, 6 (13), 363–366. (In Russian)].
- Akiyama, Koji. (2006) A Survey of Japanese TV Commercials in the Past Ten Years. *Intercultural Communication Studies*, XV-3, 55–60.
- Barberi, Alessandra. (2000) (2022, September 01). *Cultural and National Identity in Japan*. Retrieved from https://www.academia.edu/14274860/Cultural_and_National_Identity_in_Japan.
- Barberi, Alessandra. (2013) (2022, September 10) *Advertising in Japan*. Retrieved from https://www.academia.edu/14274854/Advertising_in_Japan.
- Burns, Tom. (1969) Folklore in the Mass Media. *Folklore Forum*, 2, 90–160.
- Hall, Edward T. (1976) *Beyond the Culture*. New York: Anchor Books, 85–125.
- Hubbard, Elbert. (1913) (2022, September 08) *Literature and Advertising*. Retrieved from <https://archive.macleans.ca/article/1913/4/1/literature-and-advertising>.
- Jenkins, Richard. (2000) Disenchantment, Enchantment and Re-enchantment: Max Weber at the Millennium. *Max Weber Studies*, 5.
- Lin, Carolyn. (1993) Cultural Differences in Message Strategies: A Comparison between American and Japanese TV Commercials. *Journal of Advertising Research*, 33 (5), 40–48.
- Mueller, Barbara. (1987) Reflections of Culture: An Analysis of Japanese and American Advertising Appeals. *Journal of Advertising Research*, 27, 51–59.
- Newton, Victoria Louise. (2010) Folklore and Advertising: An Examination of Traditional Themes and Motifs in British Twenty-First-Century Television Advertising Campaigns. *Folk Life: Journal of Ethnological Studies*, Vol. 48, 1, 48–62.
- Praet, Carolus. (2001) Japanese Advertising, the World's Number One Celebrity Showcase? A Cross-cultural Comparison of the Frequency of Celebrity Appearances in TV Advertising. *The Proceedings of the 2001 Special Asia-Pacific Conference of the American Academy of Advertising*, 6–13.
- Prieler, Michael. (2008) Specialities of Japanese Television Advertising. *Minikomi*, 76, 32–37.
- Sato, Kenji. (1997) *Ima, naze tarento kokoku na no ka* (Why Do We See so Many Talent Commercials These Days?), *Brain*, 37 (4), 21–25. (In Japanese).

УДК 81'25. 821.581

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-41-55

ТРУДНОСТЬ ПЕРЕВОДА ТРОПОВ В ЮМОРИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «ОСАЖДЁННАЯ КРЕПОСТЬ» ЦЯНЬ ЧЖУНШУ

С. Дуань

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Тропы являются одним из основных средств выразительности, используемых в художественных текстах и придающих произведению необходимую автору окраску. Так, например, юмористическая окраска китайского романа Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» создается именно за счет использования различных тропов. Данная статья посвящена специфике перевода средств выразительности, используемых в романе, с учетом китайской языковой стилистики. В ходе проведения исследования автором статьи выяснено, что использование стилистической эквивалентности максимально усиливает юмористическую окраску исходного текста (ИТ) в переводном тексте (ПТ) и приводит к реализации основной коммуникативной цели — достижению юмористического эффекта, в целях чего переводчиками используются такие приемы, как экспликация, модуляция, опущение, калькирование, дополнение и т. п. Актуальность исследования заключается в решении вопроса определения принципов перевода юмористических отрывков в двуязычной коммуникации, использующих тропы для достижения юмористического эффекта. Цель исследования — выявить особенности тропов с китайской спецификой в юмористических текстах и переводческих приемах, используемых в процессе русского перевода; для достижения цели статьи в работе применяется описательный, контекстный анализ, а также семантико-стилистический и сравнительно-сопоставительный методы. Теоретическая значимость работы определяется тем, что представленное исследование вносит вклад в развитие лингвокультурологии и художественного перевода юмористических произведений. Полученные результаты могут быть использованы в качестве теоретической базы для других подобных исследований по переводу русских и китайских литературных произведений. Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенные результаты могут быть применены в лекционных и практических курсах по лингвокультурологии, переводу юмористических литературных произведений и другим областям гуманитарных наук.

Ключевые слова: троп; национальный характер тропов; художественный перевод; стилистическая эквивалентность; юмористический эффект.

Цитирование: Дуань С. Трудность перевода тропов в юмористическом произведении «Осажденная крепость» Цянь Чжуншу // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 41–55. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-41-55.

The Difficulty of Translating Tropes in Qian Zhongshu's Satirical Novel "Fortress Besieged"

Xiaoli Duan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Tropes are one of the main means of expression in literary texts, used to convey the desired meanings and connotations, and the satirical slant of Qian Zhongshu's Chinese novel "Fortress Besieged" is achieved primarily through its various tropes. This article focuses on the challenges connected with translating these tropes into Russian, taking into account the unique stylistics of the Chinese language. In the course of the research, the author discovered that employing stylistic equivalence — using such techniques as explication, modulation, omission, calibration, addition, etc. — maximizes the humorous coloring of the source text (IT) in the target text (TT) helping to achieve the main communicative purpose, namely: the novel's humorous effect. The relevance of this study lies in determining principles for translating passages that contain tropes, specifically used to achieve a humorous effect. The primary goal of the study is to identify unique features of Chinese tropes in humorous texts and to explore productive translation techniques used in translating these texts into Russian. In achieving the purpose of this research, the author utilizes the method of descriptive and contextual analysis as well as the semantic-stylistic and comparative methods. In terms of its theoretical significance, this research contributes to the fields of linguoculturology and translation studies, as its results may be used as a theoretical basis for similar studies in translation of Russian and Chinese fiction. The practical significance of the study lies in the fact that its results may be used for teaching courses in linguocultural and translation studies and as a practical reference for translators of literary fiction.

Key words: tropes; national character of tropes; translating fiction; stylistic equivalence; humorous effect.

Citation: Duan, Xiaoli. (2023) The Difficulty of Translating Tropes in Qian Zhongshu's Satirical Novel "Fortress Besieged". *LUNN Bulletin*, 2 (62), 41–55. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-41-55.

1. Введение

Одной из актуальных проблем современного переводоведения является изучение особенностей перевода юмористических произведений. С одной стороны, перевод юмора в художественных текстах затрудняют экстралингвистические и культурологические факторы. Юмор отражает не только языковые особенности, но и национальный колорит, что может привести к различному пониманию одного и того же текста. Эту точку зрения разделяют многие китайские и российские ученые (Ю. Б. Борев (1970); 陈孝英 Чэнь Сяоин 1985; 谭永祥 Тань Юнсян 1992; 高胜林 Гао Шэнлинь 2006; Д. С. Лихачев (1997), В. Я. Пропп (1999), Л. В. Косинова (2017) и др.).

С другой стороны, языковая специфика, зачастую являющаяся для переводчика лингвистической трудностью, приводит к появлению различных способов выражения, присущих конкретному языку. Примерами таких

способов выражения оказываются различные виды тропов, используемые автором оригинального текста для придания тексту эмоционально-эстетической окраски. «Выразительные средства многообразны, и передача индивидуального своеобразия текста оригинала на языке перевода является одной из главных проблем перевода художественной литературы» (Абдрахманова 2014: 9). Новизна статьи обусловлена тем, что в ней впервые используется принцип стилистической эквивалентности для изучения передачи юмористического эффекта в русском переводе романа «Осажденная крепость».

Задача исследования заключается, во-первых, в том, чтобы объяснить национальную специфику тропов и способов выражения юмора; во-вторых, проиллюстрировать трудности перевода тропов подборкой юмористических отрывков из романа «Осаждённая крепость»; и наконец, определить, передают ли выбранные отрывки юмористический эффект оригинального текста в переводе. Цель исследования — выявить особенности тропов с китайской спецификой в юмористических текстах и переводческих приемах, используемых в процессе перевода на русский язык.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для изучения является текст китайского оригинала и русского перевода романа Цянь Чжуншу «Осаждённая крепость». Для решения вышеперечисленных задач использовались описательный и контекстный, а также семантико-стилистический и сравнительно-сопоставительный метод.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Троп — один из видов выразительных средств в художественном произведении

Художественный текст, как известно, может выполнять различные функции: коммуникативную, художественно-эстетическую или поэтическую. При этом характеристика каждого текста по-своему уникальна. «Основная цель любого произведения этого типа заключается в достижении определенного художественного воздействия, создании художественного образа» (Комиссаров 1990: 95). Однако, как отмечает В. В. Сдобников, художественные тексты не только эстетически функциональны в художественном отношении, но и информативны. Говоря об отличии художественных текстов от других типов текстов, В. В. Сдобников имеет в виду особенности информативного характера художественных текстов. По мнению ученого, не следует забывать о том, что огромное количество знаний об окружающем мире, жизни и многих иных сферах человек получает именно путем прочтения произведений художественной литературы (Сдобников,

Петрова 2007: 348). Таким образом, коммуникативный характер художественного текста и его художественно-эстетическая функция — это две существенные характеристики, которые необходимо принимать во внимание при переводе юмористического текста.

На наш взгляд, юмористические тексты, как и иные художественные произведения, имеют коммуникативную природу, за счет чего в основе их лежит также и художественно-эстетическая функция.

Коммуникативное намерение или, иными словами, коммуникативная цель автора текста состоит в том, чтобы заставить читателя исходного текста увидеть и почувствовать юмористическую особенность текста. Стоит отметить, что юмористический эффект — это не только эстетический художественный эффект текста, но и коммуникативный эффект, являющийся, как было отмечено ранее, коммуникативной целью автора исходного текста.

Воздействующая и эстетическая функции художественных юмористических текстов отражаются в использовании различных средств выразительности. Цель использования данных средств — создание и усиление эмоционального и эстетического воздействия на читателя и формирование его отношения к содержанию художественного текста (Абдрахманова 2014: 8). Как справедливо отмечают Р. М. Шамилов и А. В. Кириллова: «исходный текст (ИТ), порожденный и функционирующий в исходной культуре и изначально рассчитанный на носителей исходного языка, может быть маркирован культурно- и национально-специфичными элементами, препятствующими достижению в переводе той же реакции со стороны получателей перевода, что вызывает у своих читателей текст оригинала» (Шамилов, Кириллова 2021: 92). Это обстоятельство требует от переводчика большего учета этих двух экстралингвистических фактов при переводе текста.

Художественный текст характеризуется использованием аффективных языковых средств, что связано с желанием автора текста оказать эмоционально-оценочное воздействие на читателя (Шатских 2021: 98). Троп — это средство выразительности, акт речевого общения с целью «передачи информации, донесения сведений и формирования установок» (перевод мой. — С. Д.) (孙汉军 2010: 45). Однако, в отличие от юмористической специфики в живописи, музыке и драме, которой можно достичь при помощи демонстрации конкретных образов, юмор, отображаемый на страницах художественных произведений тропами с присущей ему китайской языковой стилистикой, требует знания китайского языка и национальной культуры.

Одной из особенностей китайского переводоведения является наличие двух степеней: переводимость и непереводимость юмористических текстов. Китайский ученый Чэнь Сяоин предположил, что юмор «переводится

с определенными трудностями» в дополнение к степеням «переводимости» и «непереводимости». Данное явление обусловлено в основном двумя факторами: с одной стороны, перевод юмористического текста усложнен большим количеством тропов, используемых автором исходного текста для достижения конечного юмористического эффекта; с другой стороны, юмор сам по себе имеет особую национальную природу, что приводит к разным уровням понимания и восприятия одного и того же юмористического отрывка людьми разных национальностей (陈孝英 1985: 15–16). Из-за национальной специфики существует риск возникновения такой трудности, как несовпадение стилистической эквивалентности. Исходя из этого, переводчик обязательно должен знать, какой прием переводческой трансформации использовать для достижения максимальной стилистической эквивалентности между ИТ и ПТ и коммуникативной цели, а также для передачи эстетического эффекта оригинального текста.

3.2. Тропы с китайской спецификой в оригинале и переводе романа «Осажденная крепость»

«Осажденная крепость» — это одно из наиболее значимых сатирических произведений современной китайской литературы, известное своей уникальностью. В данном романе Цянь Чжуншу использует разные тропы, обладающие национальной спецификой китайского языка: 析词 (*си цы*), 飞白 (*фэй бай*), 拈连 (*чжань лян*) и т. д., чтобы придать максимально юмористическую окраску своему произведению и персонажам. С помощью этих выразительных средств писатель достигает своей коммуникативной цели, то есть заставляет читателей почувствовать юмористический эффект произведения.

При этом необходимо обратить внимание на особенности тропов. Во-первых, они «выполняют коммуникативную роль в юмористических текстах, т. е. передают юмористический эффект» (高胜林 2006: 16–17). Во-вторых, тропы имеют двусторонний характер: с одной стороны, языковое средство, а с другой — их экспрессивный смыслообразующий элемент, то есть семантическая структура, помогает тропам выражать эмоциональные эффекты (Брандес 2004: 367). Поэтому при переводе тропов необходимо не просто имитировать форму риторического устройства ИТ, а быть верным оригинальному тексту с точки зрения риторики и смысла (蔡毅, 段京华 2000: 25).

Стилистическая эквивалентность как один из видов эквивалентности в переводе направлена на равноценность коммуникативно-прагматической и коммуникативно-функциональной установки исходного и переводного текстов (Латышев 1988; Комиссаров 1990; Абдрахманова 2014). Данные виды эквивалентности связаны со следующими понятиями:

1) коммуникативный акт и его компоненты — отправитель, текст, получатель;

2) коммуникативный эффект, образующий триаду с двумя другими понятиями — коммуникативная интенция и функциональные параметры текста (Абдрахманова 2014: 18).

Из вышесказанного следует, что при создании исходного текста, имеющего юмористическую окраску, основной целью автора является коммуникативная цель, то есть передача юмористического эффекта читателю. «Как коммуникативная, так и стилистическая эквивалентность предполагает максимально возможную верность концептуальной программе автора исходного текста и приемлемость переводного текста в принимающей культуре» (Там же). Однако эффект, получаемый читателем при прочтении переводного текста, отличается от эффекта, производимого исходным текстом, из-за разной степени стилистической эквивалентности и приемов перевода, выбранных переводчиком.

Задачей автора статьи является исследование приемов перевода, выбранных переводчиком для передачи эффекта, заложенного автором исходного текста, следуя принципу стилистической эквивалентности в процессе перевода на русский язык.

3.2.1. 析字 (си цзы)

析字 (си цзы) — это один из видов специальных тропов в китайском языке, образованный путем разделения, комбинирования и развития идеографических особенностей частей китайских иероглифов (高胜林 2006: 101–104). Китайская письменность является иероглифической и состоит из комбинаций графем и ключей. Исходя из этой особенности, иероглифы, означающие в совокупности фиксированное словосочетание, при разделении могут иметь иной перевод. Например, слово 好 переводится, как «хорошо, хороший» и состоит из отдельных китайских иероглифов 女 и 子. Вместе с тем слово 女 означает «дочь», а 子 — «сын». Согласно китайским традициям, рождение обоих детей считается хорошим событием, и слово в данном контексте может также иметь значение «счастье». В романе автор использует данную особенность китайских иероглифов для придания юмористического эффекта. Например:

假使“中心为忠”那句唐宋相传的定义没有错，李妈忠得不忠，因为她偏心。鸿渐叫她做的事，她常要先请柔嘉核准。譬如鸿渐叫她买青菜，她就说：“小姐爱吃菠菜的，我要先问问她” (钱钟书 2017: 328) / Древнее изречение утверждает, что **хороший слуга должен одинаково верно служить всем своим господам. Если считать эти слова справедливыми, то нянька Ли не принадлежала к числу хороших слуг. Получая распоряжение**

от Хунцзяня, она часто ждала подтверждения от Жоуцзя. Если хозяин посылал её за шпинатом, она говорила, что надо спросить у хозяйки — она, мол, больше любит сельдерей (Цянь Чжуншу 1989: 362).

В данном отрывке мы можем наблюдать сатирический намек на особенности взаимоотношений героев романа, а именно на предвзятое и некомпетентное отношение горничной к Хун Цзяню из-за его материального положения. Словосочетание 中心为忠 означает, что слово 忠 составлено из 中 — *середина* и 心. — *сердце*, выражение 忠心 означает «преданность» и «верность». Однако здесь автор использует 忠心 для обозначения «несправедливого обращения» со служанкой. Эта «несправедливость» впоследствии становится толчком к распаду брака между Хун Цзянем и Жоуцзя.

В переводе, однако, само слово, выражающее значение «преданность» и «верность», не может быть разделено, поэтому переводчику приходится отказаться от эквивалентной риторической структуры и выразить значение исходного слова с помощью экспликации. Хотя при таком подходе и достигается семантическая эквивалентность, но не удается достичь той же степени комичности, что и в оригинале.

3.2.2. 析词 (си цы)

析词 (си цы) — это троп, используемый для разбивки фиксированной фразы, такой как полисиллабическое соединение или фразеологизм, с определенной экспрессивной целью (高胜林 2006: 105). Иначе говоря, это использование слов в различных вариантах. Все непривычные языковые комбинации являются основой языкового юмора, и при разбивке и использовании слов или фраз их структурная форма меняется, и происходит семантический сдвиг. Такие отклонения противоречат языковому опыту и эстетическому восприятию получателя и производят юмористический или сатирический эффект. Обратим внимание на следующие примеры:

偏偏结婚的那个星期三，天气是秋老虎，热的利害。我在路上就想，**侥天之幸**，今天不是我做新郎。(钱钟书 2017: 139) / *Помню, я ехал к ним на свадьбу и **радовался**, что не я жених, — такая с самого утра стояла жара. Хотя в зале был кондиционер, толстяк Цао во фраке и стоячем воротничке весь обливался потом* (Цянь Чжуншу 1989: 114).

Значение слова 侥幸 в данном контексте двойное: 1) ‘быть удачливым или случайно избежать беды’; 2) ‘быть счастливым, радоваться’. Выражение 侥天之幸 является расширением слова 侥幸 с добавлением значения «самоутешение». Переводчиком был правильно понят контекст и воспринята амбивалентность поведения главного героя, который был «счастлив», несмотря на свое «нежелание», поэтому переводчик конкретизировал

семантику, сохранив только значение «радость», чтобы передать коммуникативный эффект, выраженный автором ИТ, чтобы читатель мог лучше понять юмористический эффект ИТ и реализовать коммуникативную функцию оригинального текста. Ещё пример:

鸿渐.....好容易捺死一臭虫，宛如报了仇那样的舒畅，心安虑得，可以入睡，谁知道杀一并未儆百，周身还是痒。(钱钟书 2017: 158) / *Но только Фан. <...> Раздавив наконец одного клопа, он испытал моральное удовлетворение и понадеялся, что теперь уснет. Но участь одного не послужила острасткой для остальных* (Цянь Чжуншу 1989: 127).

Выражение 杀一儆百 в оригинале означает ‘убить одного, чтобы предупредить многих’ (буквальный перевод: «казнить одного в назидание сотне»), но автор разрушает его, вставляя 未能 («не может») в середине, и устанавливает как 杀一未能儆百 («убийство одного не может предупредить других») (в тексте другой вариант)), создавая семантический парадокс и выражая юмористический эффект. Использование автором прилагательного, обозначающего человека, для описания вшей и клопов создает несоответствие целевой аудитории и горькую сатиру на убогую обстановку в гостинице «Европа-Азия», которая кишит вшами. В переводе используется прием перевода экспликации, чтобы дать читателю более глубокое понимание значения данного выражения. После объяснения читатель может почувствовать сатирический эффект, выраженный тропом в оригинале, что послужит достижению коммуникативной цели.

В оригинальном тексте есть и другие подобные тропы, которые мы кратко представляем в таблице.

Таблица 1. Примеры из 析词 (си цы) с анализом

Оригинал	Перевод	Приёмы перевода	Анализ
出了餐室，方鸿渐抱着歉把发钗还给鲍小姐，鲍小姐生气地掷在地下，说：“谁还要这东西！经过了那家伙	<i>Они вышли из столовой, и Фан с извиняющимся видом протянул Бао ее иголки, но та сердито швырнула их на пол: — Очень они мне нужны после того, как тот тип держал их в</i>	экспликация	Хун Цзянь чувствует себя виноватым в том, что не собрал заколку мисс Бао и за ним присматривает служанка, поэтому он извиняется перед мисс Бао. Однако автор разбил выражение на части, добавив китайское служебное слово 着 — 抱着歉 (досл. <i>держат извинения</i>), чтобы сформировать вариацию структуры, добавив переносное значение и создав эффект

Оригинал	Перевод	Приёмы перевода	Анализ
<p>的脏手！”(钱钟书 2017: 17)</p>	<p><i>своих грязных лапах!</i> (Цянь Чжуншу 1989: 28)</p>		<p>насмешки. Несмотря на то что автор использовал прием экспликации, чтобы передать смысл слов оригинала, юмористический эффект несколько снижается.</p>
<p>苏小姐道：“好哇！拐了弯拍了人家半天的马屁，人家非但不领情，根本就没有懂！我劝你少开口罢。”(钱钟书 2017: 51)</p>	<p><i>Вот тебе раз! Человек, можно сказать, из кожи лез вон, чтобы сказать даме приятное, а его не только не оценили, но даже не поняли! Лучшие бы совсем не раскрывал рта</i> (Цянь Чжуншу 1989: 83).</p>	<p>модуляция</p>	<p>В оригинальном тексте 拍马屁 (<i>льстит</i>) расширен до 拐了弯拍了人家半天的马屁 (<i>поворачивать за угол и льстить кому-то полдня</i>), необычное сочетание слов, которое отклоняется от основного определения термина и усиливает характер персонажа, показывая пристрастие к осмеянию других.</p>
<p>后来跟中国‘并肩作战’的英美两国，那时候只想保守中立；中既然不中，立也根本立不住，结果这‘中立’变成只求在中国有个立足之地，此外全盘让日本人去蹂躏 (钱钟书 2017: 317)</p>	<p><i>Будущие «соратники» Китая, Англия и Америка, в то время всеми способами старались уберечь свой нейтралитет, причем на практике это означало, что они предоставляли японцам полную свободу действий, лишь бы самим удержаться на этом клочке китайской земли</i> (Цянь Чжуншу 1989: 317)</p>	<p>модуляция</p>	<p>中立 (<i>нейтральность</i>) означает ‘быть посреди двух противоборствующих политических сил и не отдавать предпочтение ни одной из сторон’. Здесь автор обрывает выражение и использует как отдельное слово, говоря, что 中既然不中，立也根本立不住, и семантика меняется. Далее автор неверно интерпретирует «нейтральность»: В результате «нейтральность» превратилась в простое желание закрепиться в Китае. Цель сатиры достигнута, разоблачены преступные действия британских и американских империалистов, которые под прикрытием «нейтрально-</p>

Оригинал	Перевод	Приёмы перевода	Анализ
	350).		сти» тайно сотрудничали с японскими захватчиками в их преднамеренном разделе Китая. Перевод только трансформирует семантику юмористического отрывка, но не передает соответствующий троп оригинала. Поэтому читатель перевода легко поймет переводной текст, но сатира будет менее эффективной.
<p>在一般集会上, 静默三分钟和主席报告後, 照例有这麼一阵咳嗽。大家咳几声例嗽之外, 大家还换了较舒适的坐态。(钱钟书 2017: 218)</p>	<p><i>Присутствующие сразу начали прочищать горло — на китайских собраниях так уж повелось, что после каждого выступления аудитории охватывает приступ кашля. К тому же каждый из присутствующих в это время старается усесться поудобнее</i> (Цянь Чжуншу 1989: 248).</p>	<p>экспликация</p>	<p>咳嗽 (<i>кашель</i>) — это словосочетание обозначает рефлекторное физиологическое защитное действие организма, которое иногда невозможно подавить. Автор разбивает выражение на формы咳几声例嗽 («несколько раз кашлянул»), что расширяет структуру и реализует семантический парадокс, не как физиологический кашель, а как знак психического расслабления, высмеивая официальный авторитет некоторых чиновников, которым приходится демонстрировать свой авторитет даже при выступлении в течение нескольких минут. В переводе просто передается семантика оригинального текста, а юмористический эффект, выраженный использованием сочетания слов, к сожалению, сохраняется в меньшей степени.</p>

3.2.3. 飞白 (фэй бай)

飞白 (Фэй бай) означает намеренное подражание, намеренную запись или цитирование ошибки говорящего. Этот троп используется для изображения персонажей таким образом, чтобы сохранить исходный замысел, создать ощущение реализма и получить юмористический или сатирический эффект (谭永祥 1992: 420). Проследим, как данный троп создает юмористический эффект в романе:

鸿渐道：“给你说得结婚那么可怕，真是**众叛亲离**了。”辛楣笑道：“不是**众叛亲离**，是你们自己**离亲叛众**。这些话不在谈了，我问你，你暑假以后有什么计划？”(钱钟书 2017: 286) / — *Послушать тебя, так женитьба это что-то ужасное, после нее все от нас отступятся! — Нет, это вы отступитесь от друзей и близких! Но хватит об этом, расскажи лучше, что ты собираешься делать после каникул* (Цянь Чжуншу 1989: 224).

В оригинале автор меняет порядок слов **众叛亲离** на **离亲叛众**, обращая внимание на тонкое различие между активным и пассивным, показывая юмор и остроумие главного героя Чжао Синьмэя. Выражение **众叛亲离** означает противостояние всех людей и уход родственников, своего рода пассивное отчуждение. В отличие от этого, фраза **离亲叛众** характеризует своего рода активный способ дистанцирования. Переводчик использовал разные формы спряжения одного и того же глагола и экспликацию, чтобы передать семантику оригинала. Основная цель оригинального текста — создать юмористический эффект в процессе повествования о супружеской жизни Хун Цзяня, где он находится в подчинении у своей жены Жоуцзя. В переводе сохраняется юмористический эффект оригинального текста, что позволяет читателям ПТ оценить юмористический подтекст, заложенный автором ИТ, и достичь коммуникативной цели. Рассмотрим следующий пример:

忙讨本电报明码翻出来是：「敬聘为**教授**月薪三百四十元酌送路费盼**电霸**国立三闾大学校长高松年。」「**教授**」即「**教授**」的错误，「**电霸**」准是「**电复**」。(钱钟书 2017: 102) / *Быстро раскодировав телеграмму, он прочел: «Приглашаем на должность **профилактика** с окладом 340 юаней оплатим дорогу ждем ответа **телескопом** ректор государственного университета Саньлюй Гао Суннянь». Очевидно, **вместо «профилактик» следовало читать «профессор», а вместо «телескопом» — «телеграфом»** (Цянь Чжуншу, 1989: 131).*

Иероглифы 教 и 授, 电 и 霸 по отдельности существуют в китайском языке, но не могут быть использованы как словосочетание, это создало бы семантическую двусмысленность и, следовательно, вызвало бы юмористический эффект. Переводчик не смог найти аналогичные слова, поэтому

был использован переводческий прием калькирования для передачи безэквивалентной лексики, чтобы сохранить юмористический эффект оригинала. Однако мы также обнаружили, что, хотя переводчик использует структурный эквивалент данного тропа, семантический эквивалент настолько далек от оригинала, что передача юмористического эффекта не достигается.

3.2.4. 拮连 (чжань лян)

О выражении 拮连 (чжань лян) с 1979 г. по настоящее время написано много работ, в которых содержатся различные определения тропа. Для целей данной статьи автором выбрано определение, предложенное Ван Сице: «При совместном упоминании слова А и В используемое значение только для А также используется и для В, чтобы улучшить смысл выражения» (王希杰 1983: 376). Приведем пример придания юмористического эффекта при помощи использования вышеуказанного тропа:

辛楣因为韩学愈没请自己，独吃了一客又冷又硬的包饭，这吃到的饭在胃里作酸，这没吃到的饭在心里作酸。(钱钟书 2017: 207) / *Не получив приглашения к Ханю, Чжао в одиночку съел холодный ужин, от которого осталось ощущение чего-то кислого. Но еще кислее было ему при мысли о том, как хорошо он мог бы поест в гостях* (Цянь Чжуншу 1989: 165).

酸 (кислота) имеет два значения в китайском языке: 1) относится к химическому качеству; 2) означает 'принижение или презрение к чему-либо, потому что человек не может это получить'. Автор оригинального текста использовал слово «кислый» с «в желудке», чтобы выразить первое значение. Второе значение слова «кислый» является выражением эмоции. В переводе приводятся два уровня значения: как 'ощущение чего-то кислого' и 'еще кислее было ему при мысли о том, что'. Очевидно, троп, использованный в оригинальном тексте, здесь не полностью оценен переводчиком и трактуется как второе значение, т. е. выражение эмоции. Здесь переводчик использует опущение, не стремится к языковой эквивалентности, но использует сравнительное прилагательное «еще кислее» для дополнения. Понимание переводчиком исходного замысла текста и знание привычек читателей на языке перевода позволяет сохранить юмористический эффект оригинала и совершить коммуникативный акт в переводе.

Проанализировав приведенные выше примеры, мы приходим к выводу, что тропы, характерные для китайского языка, могут вызвать значительные трудности у переводчика. Хотя в процессе перевода предпочтительно использовать слова с тем же семантическим значением, что и в оригинале, чтобы достичь максимальной эквивалентности, это неизбежно приводит либо к различиям в выражении экспрессивно-эмоциональной окраски либо к различиям функционального стиля речи. При этом стоит отметить,

что данная трудность неизбежна при двуязычном переводе. Однако, как отмечают ученые (Абдрахманова 2014; Миронова 2022; Сдобников 2022), лингвокультурный барьер между оригинальным текстом и переводом при двуязычном переводе может быть снижен переводчиком путем добавления некоторого количества комментариев и примечаний. Ввиду нехватки у переводчика культурной компетенции, умения распознавать знаки культуры в переводимом тексте (Барышев, Сдобников 2020: 18–19), при переводе тропов со спецификой китайского языка в романе «Осажденная крепость» такие приемы использованы редко.

4. Заключение

Тропы являются важным инструментом автора для достижения юмористического эффекта художественного текста. Характерные для китайского языка тропы, имеющие национальную специфику, помогают читателям романа «Осажденная крепость» понять и воспринять юмористический эффект, заложенный автором. Соответственно, такие тропы сложны для понимания получателями перевода в различных странах. В таких случаях перед переводчиками встает непростая задача — соблюсти принцип стилистической эквивалентности таким образом, чтобы читатель переводного текста смог воспринять его юмористический характер так же, как читатель оригинального текста. Именно поэтому в русском переводе романа «Осаждённая крепость» используется большое количество приемов, таких как экспликация, модуляция, опущение, калькирование, дополнение и конкретизация, с целью передачи значения тропов с китайской национальной спецификой без искажений. Проведение подобного трудоемкого исследования в дальнейшем снижает лингвоэтнические барьеры, возникающие из-за расхождения национально-культурных ценностей между двумя культурами и языками, облегчая читателю восприятие художественного смысла оригинального произведения и повышая его интерес к культурным особенностям иного государства.

Список литературы / References

- Абдрахманова Р. Дж. Художественный перевод (лингвистические аспекты): учебное пособие для студентов старших курсов переводческих отделений. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. [Abdrakhmanova, Raisa Dzh. (2014) *Khudozhestvennyi perevod (lingvisticheskie aspekty): uchebnoe posobie dlya studentov starshikh kursov perevodcheskikh otdelenii* (Literary Translation (Linguistic Aspects): a Coursebook for Senior Students of Translation Faculties). Bishkek: Izd-vo KRSU, 2014. (In Russian)].

- Барышев Н. В., Сдобников В. В. Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Спецвыпуск. 2020. С. 18–31. [Baryshev, Nikolay V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Kul'turnyy kod v aspekte perevodcheskoi deyatel'nosti (The Cultural Code in Terms of Translation Activity). *LUNN Bulletin*, Special Issue, 18–31. (In Russian)].
- Брандес М. П. Стилистика текста. М.: Прогресс-Традиция. 2004. [Brandes, Margarita P. (2004) *Stilistika teksta* (Stylistics of a Text). Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа. 1990. [Komissarov, Vilen N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* (Translation Theory (Linguistic Aspects)). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Латышев Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания: Кн. для учителя шк. с углубл. изуч. нем. яз. М.: Просвещение, 1988. [Latyshev, Lev K (1988) *Perevod: problemy teorii, praktiki i metodiki prepodavaniya: Kn. dlya uchitelya shk. s uglubl. izuch. nem. yaz.* (Translation: Issues of Theory, Practice, and Teaching: a Book for a Teacher of a School with In-depth Study of German). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Миронова Н. Н. Русская классическая литература в комментариях переводчиков // Русский язык и культура в зеркале перевода: Материалы XII Международной научной конференции (г. Комотины (Греция) 08–13 мая 2022 г.). М.: МГУ, 2022. С. 460–468. [Mironova, Nadezhda N. (2022) Russkaya klassicheskaya literatura v kommentariyakh perevodchikov (Russian Classical Literature in the Translators' Comments). *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevods: Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Komotini (Gretsiya) 08–13 maya 2022 g.)* (The Russian Language and Culture in the Mirror of Translation: Proceedings of XII International Scientific Conference (Comotini (Greece), 2022, May 08–13)). Moscow: MSU, 460–468. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Перевод и лингвистическая безопасность // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 93–108. [Sdobnikov, Vadim V. (2022) Perevod i lingvisticheskaya bezopasnost' (Translation and Linguistic Security). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 93–108. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Петрова О. В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток-Запад. 2007. [Sdobnikov, Vadim V., & Petrova, Olga V. (2007) *Teoriya perevoda* (Translation Theory). Moscow: AST: Vostok-Zapad. (In Russian)].
- Шамилов Р. М., Кириллова А. В. К вопросу о типологизации прагматической адаптации в специальном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 2 (54). С. 89–106. [Shamilov, Raviddin M., & Kirillova, Arina V. (2021) K voprosu o tipologizatsii pragmaticheskoi adaptatsii v spetsial'nom perevode (On Typology of Pragmatic Adaptation in Specialized Translation). *LUNN Bulletin*, 2 (54), 89–106. (In Russian)].
- Шатских М. В. Метафора как базовый компонент эмоционального пространства текстового материала // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 96–111. [Shatskikh, Marina V. (2021) Metafora kak bazovyi komponent ehmtsional'nogo prostranstva tekstovogo materiala (Metaphor as a Basic Component of the Emotional

- Space of Texts). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 96–111. (In Russian)].
- 蔡毅, 段京华 苏联翻译理论[M]. 武汉.: 湖北教育出版社. 2000. [Tsai I, & Duan', Tszinkh. (2000) *The Soviet Translation Theory*. Ukhan': Khubei Publishing House. (In Chinese)].
- 陈孝英 论幽默的难译性[J]. 中国翻译. 1985. 第6期. 第15–17页. [Chehn', Syaoi. (1985) On Difficulties of Translating Humour. In *Chinese Translation*, 6, 15–17. (In Chinese)].
- 高胜林 幽默修辞论[M]. 济南.: 山东文艺出版社. 2006. [Gao, Shehnl. (2006) *Rhetoric Theory of Humour*. Tszinan': Shan'dun Literature and Art Publishing House. (In Chinese)].
- 孙汉军 修辞的运作原则和美学理念[J]. 解放军外国语学院学报. 河南. 2010年. 第4期. 45–48页. [Sun', Khan'tszy. (2010) Principles of Rhetorics and the Concept of Aesthetics. In *Bulletin of the Institute of Foreign Languages of the Chinese People's and Liberation Army*, 4, 45–48. (In Chinese)].
- 谭永祥 汉语修辞美学[M]. 北京.: 北京语言学院出版社. 1992. [Tan', Yunsy. (1992) *Rhetoric Aesthetics of the Chinese Language*. Beijing: Beijing Institute of Languages Publishing House. (In Chinese)].
- 王希杰 汉语修辞学 [M] . 北京.: 北京出版社. 1983. [Van, Sitsz. (1983) *Rhetoric of the Chinese Language*. Beijing: Beijing Publishing House. (In Chinese)].

Источники языкового материала / Language material resources

- 钱钟书 围城 [M] 北京.: 人民文学出版社. 2017. [Tsyant', Chzhuns. (2017) *Fortress Besieged*. Beijing: People's Literature Publishing House. (In Chinese)].
- Цянь Чжуншу. Осажденная крепость / Пер. с кит. В. Ф. Сорокина. М.: Худож. лит., 1989. [Tsyant', Chzhunshu. (1989) *Osazhdennaya krepost'* (Fortress Besieged) / Sorokin, Vladislav F. (trans.). М.: Khudozh. lit. (In Russian)].

УДК 81'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-56-71

МОДЕЛЬ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СМЫСЛОВОЙ ДОМИНАНТЫ «ОТЕЦ» В РОМАНЕ ДЖ. ДЖОЙСА «УЛИСС»

Д. А. Кононов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Омск, Россия

Смысловые доминанты прозы Дж. Джойса нуждаются в системном изучении, при котором наиболее эффективен коммуникативно-дискурсивный подход, сочетающий лингвистический анализ текста с осмыслением авторской картины мира и ее вербальной репрезентации. Целью настоящего исследования является анализ использования автором художественного текста модели коммуникативного акта, с помощью которой репрезентируется смысловая доминанта «отец» в романе «Улисс». В рамках этой цели реализованы следующие задачи: предложено рабочее определение модели коммуникативного акта в художественном тексте; предложена классификация моделей коммуникативного акта, использованных Дж. Джойсом в романе «Улисс» для репрезентации смысловой доминанты «отец»; произведен количественный и качественный анализ собранного материала. В исследовании были использованы описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного анализа и количественный метод. В результате анализа было выявлено, что монологические модели коммуникативного акта как средства репрезентации смысловой доминанты «отец» в романе «Улисс» значительно преобладают над диалогическими и полилогическими, а модели неэффективного коммуникативного акта значительно преобладают над моделями эффективного коммуникативного акта. Можно сделать вывод о намеренном предпочтении автором указанных выше моделей, с помощью которых смысловая доминанта «отец» и, с оговорками, соответствующий ей главный персонаж романа демонстрируют художественное отсутствие внутренней психологической цельности, гармонии, что, в свою очередь, служит для воплощения авторского замысла.

Ключевые слова: авторская картина мира; коммуникативный сбой; модель коммуникативного акта; регулятивность, смысловая доминанта.

Цитирование: Кононов Д. А. Модель коммуникативного акта как средство репрезентации смысловой доминанты «отец» в романе Дж. Джойса «Улисс» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 56–71. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-56-71.

The Communication Act Model as a Means of Representing the Key Semantic Concept “Father” in the Novel “*Ulysses*” by James Joyce

Dmitry A. Kononov
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

The communicative and discourse-centered approach has proven to be the most effective in exploring key semantic concepts in James Joyce’s work. This approach combines linguistic text analysis with an attempt to understand the author’s picture of the world and its verbal realization. The purpose of this research is to analyze how the various communication act models in the text represent the concept “father,” one of the three most significant concepts of “*Ulysses*.” To achieve this goal, the author of the article provides a definition of the communication act model, classifies the relevant models connected with the concept “father,” and examines them using the methods of descriptive, comparative, and quantitative analysis. Monologues form key communication acts in the novel, also exercising significant impact on other types of communication act models, namely: the dialogue and the polylogue. Communicative failures are also very typical, and models with such failures are more common than those characterized by communicative success. These features have deliberate etiology, serving to fulfill the author’s intention, and represent a lack of inner harmony, which is an important feature of the dominant concept “father” in the novel.

Key words: author’s worldview; communicative failure; communication act model; regulativity; dominant concept.

Citation: Kononov, Dmitry A. (2023) The Communication Act Model as a Means of Representing the Key Semantic Concept “Father” in the Novel “*Ulysses*” by James Joyce. *LUNN Bulletin*, 2 (62), 56–71. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-56-71.

1. Введение

Проза Джеймса Джойса является объектом пристального изучения уже на протяжении века, как на родине автора, так и за ее пределами.

Диссертационные и иные исследования последних лет охватывают разные аспекты устройства прозы писателя. Так, в работе Е. Г. Фоменко идиостиль Джеймса Джойса предстает как носитель и проводник эпифанической модели художественного текста в англоязычном художественном дискурсе первой трети XX века (Фоменко 2006).

Этот же исследователь позднее предложила «взгляд изнутри» на постсоветское джойсоведение, проанализировав работы разного уровня, обратив внимание на разнообразие современных лингвистических и комплексных подходов (от лингвокогнитивного до синергетического и культурологического) (Фоменко 2017).

И. В. Ляпин отмечает, что проза Джойса оказала сильное влияние на появление литературных направлений, интуитивно с ней вовсе не связанных, например стилистического минимализма (Ляпин 2019).

В диссертации Л. В. Татару предлагается теоретическая модель интерпретации нарративного текста, отражающая «когнитивную логику формирования и реконструкции целостного образа мира истории» (Татару 2009: 30). Автор доказывает «когнитивную значимость ритма композиции нарративного текста как фактора, определяющего эту логику», выбирает в «качестве базовой единицы ритма композиции» точку зрения, полагает, что «языковые формы реализации точки зрения и динамические закономерности их чередования в художественном тексте становятся главным фактором постижения этого мира как гармоничной цельности и фактором порождения эффективных когнитивных моделей, необходимых для дальнейшего освоения информации о мире реальном» (Татару 2009: 30). Исследователь выделила «шесть типов нарративной модальности: эпистемологическую, эвиденциальную, эмотивную, обуславливающую, гипотетическую и оценочную (аксиологическую)», связала комбинации их выстраивания в модальной сетке текста с ритмом чередований модальных точек зрения, отвела роль базового принципа этого ритма чередованиям сегментов плана истории (ЭвМ и ЭпМ) «с сегментами плана дискурса, содержание которых определяется остальными, маркированными типами нарративной модальности» (Татару 2009: 31). Важным для настоящей статьи является вывод Л. В. Татару о схеме «репрезентации рутинных или малозначительных событий», в которых главным участником является «не столько субъект действия, сколько субъект слухового или визуального восприятия» (Татару 2009: 43). Важно то, что с такими событиями, нарушающими алгоритм жизни, исследователь связывает «ментальные события, ведущие к трансформациям ключевых концептов» нарративного повествования (Татару 2009: 44).

Н. С. Капитонова осуществила многоаспектный анализ «разноуровневых речевых кластеров как фактора формальной и смысловой организации модернистского текста и авторского намеренного манипулирования дистанцией между читателем и дискурсом рассказчика и персонажей», обратив внимание на авторскую гиперболическую манифестацию «образов современников, которые изображаются в качестве персонажей», и авторские представления «о субъекте интерпретации художественного текста, которые предопределяют вовлечение читателя в процесс модернистского художественного сотворчества с создателем произведения» (Капитонова 2019: 21). Целью исследователя было «изучение фонетических, графических и синтаксических кластеров в речи рассказчика и персонажей как прагматической техники авторского кодирования и читательской интерпретации смыслового содержания в тексте романа Дж. Джойса “Улисс”» (Капитонова 2019: 22).

Е. Н. Бобрикова в диссертационной работе обосновала необходимость «структурно-семантического и когнитивно-прагматического подходов к исследованию средств связности текста», сосредоточившись на выявлении комплекса средств связности как базы цельности текста романа Джеймса Джойса. Автор настаивает на особой роли внутренней речи «для себя» в качестве способа коммуникации в текстах «потока сознания», выявляет и систематизирует лексические и грамматические средства связности компонентов подобного типа (Бобрикова 2008: 16).

Частный аспект состава текста — языкотворчество — представлен в диссертации Н. Г. Горбуновой (Горбунова 2005). Близкой по задачам и предмету исследования является диссертация Е. А. Пулиной (Пулина 2008).

Несмотря на наличие разноаспектных подходов к прозе Дж. Джойса, лингвистический анализ особенностей прозы этого автора с помощью единой понятийной системы требует дальнейшего развития. Такой анализ имеет существенное практическое значение: его результаты могут лечь в основу более глубокого понимания прозы Джойса на лингвистическом уровне и, как следствие, повысить качество переводов этих текстов на другие языки. При этом важно отметить, что лингвистический анализ художественного текста не может и не должен ограничиваться банальным сравнением текстов оригинала и перевода; полное и глубокое исследование должно базироваться на анализе одного только текста оригинала, к которому сопоставление с переводом является необходимой, но все же надстройкой.

В рамках настоящего исследования была поставлена следующая цель: проанализировать использование автором модели коммуникативного акта, с помощью которой репрезентируется смысловая доминанта «отец» в романе «Улисс». Понятие смысловой доминанты или доминантных смыслов художественного текста рассматривается в работе В. А. Пищальниковой (Пищальникова 1999). «В ряде художественных текстов могут быть представлены концепты, которые объединяются инвариантным личностным смыслом, выражающим мнение автора о каких-либо реалиях действительности. Такие инварианты личностных смыслов можно считать смысловыми универсалиями определенной концептуальной системы. Назовем их доминантными смыслами концептуальной системы. Наряду с ними возможно и выделение доминантных смыслов художественного текста» (Пищальникова 1999: 9). Таким образом, смысловая доминанта представляет собой совокупность универсальных смысловых образований, актуализированных автором текста неоднократно.

В более позднем исследовании В. А. Пищальникова отмечает: «При сопоставлении содержания ряда художественных текстов одного и того же

автора могут быть выделены инварианты личностных смыслов, представляющие знания и мнения автора о каких-либо реалиях и их эстетическую оценку. Такие инварианты личностных смыслов можно считать смысловыми константами определенной концептуальной системы, поскольку они интегрируют различные содержательные компоненты, возникающие в различной речевой деятельности одного человека (в частности, автора художественного текста). Мы назовем их доминантными смыслами концептуальной системы индивида, и выделение их возможно в научном анализе наряду с установлением доминантных смыслов конкретных речевых произведений» (Пищальникова 2021: 382).

Специфика данного исследования вызвала необходимость предложить собственное определение модели коммуникативного акта. На протяжении длительного времени модель коммуникативного акта известна как совокупность структурных характеристик коммуникативного акта. В настоящем исследовании художественный текст (а вместе с ним и авторская картина мира) рассматривается как синтез трех моделей: индивидуальное авторское восприятие мира, авторская организация этого восприятия в художественную систему сообразно психике и опыту автора; восприятие предыдущей модели читателем. Таким образом, любой представленный в художественном тексте монолог, диалог, полилог, коммуникативный успех или коммуникативный сбой является не примером коммуникативного акта как такового, а лишь его моделью. На основании вышесказанного представляется возможным предложить следующее определение модели коммуникативного акта: это всякий частный случай моделирования автором искусственного коммуникативного акта в художественном тексте.

Важными понятиями также являются функциональные понятия регулятивности и регулятива как частного случая проявления регулятивности в работах по коммуникативной стилистике и лингвистике текста Н. С. Болотновой и ее научной школы. Регулятивность «трактруется как системное качество текста, заключающееся в его способности “управлять” познавательной деятельностью читателя» (Болотнова 2006: 108). «С точки зрения коммуникативной стилистики текста важно, какие типы регулятивных средств и регулятивных микро- и макроструктур, соотносящиеся с “волевыми задачами” автора (Л. С. Выготский), в тексте имеются, как они взаимодействуют и какую роль выполняют в процессе познавательной деятельности читателя» (Болотнова 2006: 109). Регулятивные средства подчинены регулятивной стратегии. Регулятивная стратегия является одним из видов речевой стратегии («комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Болотнова 2008]), ориентирована на поэтапный

процесс регулирования познавательной деятельности читателя средствами текста» (Болотнова 2006: 110).

«В исследованиях по коммуникативной стилистике исходным является положение о том, что текст как результат коммуникативной деятельности автора многоаспектно отражает его языковую личность, лексикон, тезаурус, тип мышления, мотивационную сферу, ассоциативную деятельность, переживаемые им чувства и эмоции. Ключевое для коммуникативной стилистики понятие “идиостиль” определяется как “индивидуально-авторские особенности мировидения и текстовой деятельности, отраженные в тексте как форме коммуникации, включая организацию диалога с читателем”» (Болотнова 2008: 37).

Там же подчеркивается многоаспектность проявлений стиля автора в структуре, семантике и прагматике текста, находящих отражение в выборе автором коммуникативных стратегий и тактик, в характерных для него способах воздействия на адресата благодаря ассоциативно-смысловому развертыванию текста, стимулированному прежде всего его лексической структурой. Особенно подчеркивается ключевая роль лексических единиц, «учитывая их коммуникативный потенциал и ассоциативные возможности» (Болотнова 2022: 200).

Выводы, сделанные Н. С. Болотновой, особенно важны для настоящего исследования, так как именно в рассматриваемых нами моделях коммуникативного акта в прозе Джойса наблюдается значительная концентрация авторских коммуникативных стратегий и тактик, создающих у читателя канал восприятия идиостиля автора.

Регулятивы или подобные им механизмы построения текстового пространства неоднократно становились объектом внимания исследователей. Так, Т. С. Николина отмечает, что «визуальные стратегии, которыми руководствуется автор, обуславливают имагологические проекции и активно участвуют в установлении текстового пространства» (Николина 2013: 72).

Коммуникативный подход имеет широкий спектр применения в лингвистическом анализе художественного текста. Например, И. А. Каргашин отмечает важность «методов, которые преобразуют текст таким образом, что он представляет собой уже не просто “описание”, а “коммуникативное сообщение”» (Каргашин 2009: 174).

Отвечая на вопрос о центральной теме произведения, роман «Улисс» можно рассматривать как роман о воссоединении отца и сына, которое стало закономерным итогом их долгого пути навстречу друг другу. В рамках этого взгляда мы можем выделить три смысловые доминанты романа: «отец», «сын» и соединяющее их «путешествие». Настоящее исследование посвящено репрезентации смысловой доминанты «отец», так как она

в наибольшей степени связана в «Улиссе» с таким понятием, как главный герой произведения.

Существует несколько точек зрения о том, кто является главным героем романа «Улисс»: сторонники есть как у теории о Леопольде Блуме («Одиссее») как единственном главном герое (Ellmann 1972; Senn 2022), так и у теории о двух главных героях — Леопольде Блуме («отце») и Стивене Дедале («сыне»). Последняя теория получила широкое освещение в работах Бернарда Бенстока (Benstock 1989). Если мы обратимся к самому Джеймсу Джойсу, то он считал гомеровского Одиссея одним из очень редких примеров по-настоящему комплексного персонажа в мировой литературе (Ellmann 2010: 312). О связях между «Одиссеей» Гомера и «Улиссом» Джойса написано чрезвычайно много. Так, Бернард Маккенна в своей книге подводит итог более чем полувеку исследований европейских и американских филологов, посвященных этому предмету (McKenna 2002).

Мы хотели бы ограничиться важным в рамках этого исследования выводом, сформулированным еще в 1978 году Сюзетт Хенке: «Джойс приложил значительные усилия, чтобы вслед за гомеровским Одиссеем его собственный “новый Одиссей” Леопольд Блум был столь же сложен и многолик, играя на разных отрезках своего пути совершенно разные социальные и литературные роли» (Henke 1978: 211). Таким образом, в данном исследовании смысловая доминанта «отец» по большей части пересекается со смысловым пространством центрального персонажа романа, Леопольда Блума, однако не ограничена исключительно смысловым пространством этого персонажа.

2. Характеристика материала и методов исследования

Методом сплошной выборки обнаружено 56 текстовых извлечений из романа «Улисс» с участием Леопольда Блума, которые представляют собой модели коммуникативных актов. С помощью описательного метода, сравнительно-сопоставительного метода и метода компонентного анализа были предложены две классификации этих моделей с учетом параметров «количество коммуникантов» и «эффективность / неэффективность коммуникативного акта». Необходимо отметить, что на данном этапе возникли значительные трудности, связанные, во-первых, с критериями определения границ каждой конкретной модели и, во-вторых, с распределением моделей по указанным выше категориям в ходе классификации.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Отобранные модели коммуникативных актов оказались достаточно разнородными, что привело к необходимости двух классификаций: по количеству коммуникантов и с точки зрения эффективности / неэффективности коммуникации. Помимо этого, решения потребовала проблема, уже упомянутая выше: в некоторых случаях сложно установить четкие границы той или иной модели; кроме того, отобранные модели чрезвычайно разнообразны по объему. Например, достаточно короткий диалог Леопольда Блума с миссис Брин рассматривается в настоящем исследовании наравне с монументальной беседой Леопольда Блума с «ирландскими патриотами» в 12-м эпизоде. Последняя занимает большую часть пространства эпизода.

В первую очередь представляется необходимым распределить модели коммуникативных актов по количеству коммуникантов. Таким образом мы получаем три группы. Диалогические модели представляют собой достаточно конвенциональные разговоры двух персонажей романа, одним из которых является Леопольд Блум. Полилогические модели демонстрируют беседу более чем двух персонажей, также включая Блума. Наконец, наиболее интересным типом модели коммуникативного акта оказывается монологический тип, когда единственным участником коммуникации является сам Леопольд Блум. Важно отметить, что, несмотря на формальное наличие лишь одного коммуниканта в этом типе, речь по-прежнему идет о модели полноценного коммуникативного акта. Иными словами, коммуникация осуществляется, так как у информации здесь присутствует адресат и адресант, пусть это и один и тот же персонаж.

Разумеется, когда речь заходит о монологической модели коммуникативного акта (их обнаружено 34), мы в первую очередь имеем в виду поток сознания Леопольда Блума, ставший самой известной характерной чертой прозы Джойса. Рассмотрим два примера. Воспоминания Леопольда Блума проникнуты подлинной любовью и скорбью по поводу самоубийства отца.

(1) *Nathan's voice! His son's voice! I hear the voice of Nathan who left his father to die of grief and misery in my arms, who left the house of his father and left the God of his father. Every word is so deep, Leopold. Poor papa! Poor man! I'm glad I didn't go into the room to look at his face. That day! O, dear! O, dear!*

Вначале Блум вспоминает, как отец читал ему притчу об Аврааме и его сыне Натане, который оставил отца, отрекся от его веры. Возможно, теперь Блум вспоминает эту притчу как своего рода напоминание о том, что и он, приняв католичество, формально отрекся и от веры отца (пресвитерианства), и, что важнее, от иудаизма. На уровне регулятивов выделяется использование интертекстуальных знаков. Затем внимание Блума переключается с воспоминания об отце-учителе, отце-рассказчике

к отцу-покойнику. Блум рад, что не видел лицо своего отца в день самоубийства. Далее, глядя на сына покойного Патрика Дигнама, Блум вновь возвращается к этому травмирующему эпизоду:

(2) *Was he there when the father?*

Помимо парцелляции, стоит отметить, что эти два примера объединяет умолчание, особенно ярко выраженное в последней фразе. Блум намеренно избегает таких слов, как *died, passed away, poisoned himself*. Таким образом, помимо выраженных партитивов, в данном отрывке присутствует умолчание, само по себе также являющееся регулятивом.

Другой пример более лаконичен, здесь во время полилогической беседы с Саймоном Дедалом, Мартином Каннингемом и мистером Пауэром Леопольд Блум с горечью задумывается об отсутствии у католиков жалости к самоубийцам:

(3) *They have no mercy on that here or infanticide. Refuse christian burial. They used to drive a stake of wood through his heart in the grave. As if it wasn't broken already.*

Следует обратить внимание на то, что и здесь Блум не называет самоубийство напрямую, используя вместо этого местоимение *that*, хотя немедленно после этого упоминает детоубийство, другой тяжкий грех, который в католической парадигме лишает человека права на христианское погребение на освященной церковной земле. Здесь же имеет место метафора разбитого сердца. В Средние века перед похоронами самоубийцы в сердце трупа вколачивали кол, чтобы грешник не вернулся в мир живых в виде вампира. Продолжая этот образ, Блум отмечает, что сердце самоубийцы и без того разбито. Регулятивы в данной модели представлены эвфемизацией вкупе с интертекстуальной отсылкой.

Диалогические модели коммуникативного акта (обнаружено 13) первоначально кажутся наиболее простыми, однако тщательный анализ опровергает это предположение. В качестве примера можно рассмотреть диалог Леопольда Блума и Чарли Маккоя в начале 5-го эпизода романа. Поверхностное ознакомление с текстом диалога демонстрирует заурядную встречу знакомых, чьи жены профессионально занимаются пением и время от времени выступают с гастрольными турами по Ирландии. Тем не менее даже этот пример — относящийся к началу романа, когда Джойс еще не чувствует себя вправе переходить к смелым экспериментам с формой, — изобилует интересными особенностями. Реплики участников коммуникации перемежаются наблюдениями Блума о привлекательной внешности и модной одежде состоятельной дамы, садящейся в экипаж на другой стороне улицы, в то время как Маккой рассказывает о смерти общего знакомого:

(4) *She raised a gloved hand to her hair. In came Hoppy. Having a wet. Drawing back his head and gazing far from beneath his veiled eyelids he saw the bright fawn skin shine in the glare, the braided drums. Clearly I can see today. Moisture about gives long sight perhaps. Talking of one thing or another. Lady's hand. Which side will she get up?*

Таким образом, коммуникация нарушена, и какое-то время один из ее участников находится в процессе коммуникации лишь формально, не получая информацию, адресованную ему. Нарушение коммуникации, обусловленное переключением внимания персонажа, также можно трактовать как пример регулятива. Через непродолжительное время дама уезжает, и Леопольд Блум вновь возвращается к коммуникации. Теперь он сосредоточен на ней: сознательно не поддается на завуалированную просьбу Маккоя одолжить чемодан (*Valise talk again. By the way no harm. I'm off that, thanks*). По окончании беседы Блум вновь переходит ко внутреннему монологу, выражая свое пренебрежение к певческим способностям жены Маккоя и возмущаясь самым сравнением ее голоса и голоса Мэрион Блум:

(5) *My missus has just got an. Reedy freckled soprano. Cheeseparig nose. Nice enough in its way: for a little ballad. No guts in it. You and me, don't you know: in the same boat. Softsoaping. Give you the needle that would. Can't he hear the difference? Think he's that way inclined a bit. Against my grain somehow. Thought that Belfast would fetch him. I hope that smallpox up there doesn't get worse. Suppose she wouldn't let herself be vaccinated again. Your wife and my wife.*

Представленная выше цитата интересна тем, что является монологом, состоящим из ответных реплик Леопольда Блума, «накопившихся» в течение диалога с Маккоем, но не высказанных вслух. Теперь же, по завершении беседы, Блум прямо выражает все то, о чем ранее умолчал. Регулятивность здесь проявляется в умолчании, которое принимает форму отложенной ответной реплики, адресованной персонажем романа уже не другому участнику коммуникации, а самому себе.

Полилогические модели коммуникативного акта (обнаружено 9), хотя и составляют самую немногочисленную группу, чрезвычайно интересны и насыщены ценной для авторского замысла информацией. Рассмотрим фрагмент из полилогической беседы с Саймоном Дедалом, Мартином Каннингемом и мистером Пауэром (6-й эпизод романа) по пути на похороны.

(6) — *The greatest disgrace to have in the family, Mr Power added.*
 — *Temporary insanity, of course, Martin Cunningham said decisively. We must take a charitable view of it.*
 — *They say a man who does it is a coward, Mr Dedalus said.*
 — *It is not for us to judge, Martin Cunningham said.*

Перед нами очень характерная для романа коммуникативная ситуация, участники которой обладают категорически разной степенью информированности и, отчасти поэтому, категорически разной трактовкой ситуации. Мистер Пауэр и мистер Дедал в весьма резких эпитетах (*the greatest disgrace, coward*) осуждают суицид как явление. Они делают это в присутствии Блума, не зная о биографии его отца. В то же время, их собеседник Мартин Каннингем владеет информацией и старается оправдать самоубийцу, чтобы хотя бы в какой-то мере сгладить разговор, происходящий в присутствии Леопольда Блума, сына самоубийцы, используя соответствующие эпитеты: *temporary insanity, we must take a charitable view of it, it is not for us to judge*. Эпитеты *temporary, charitable* являются регулятивами, дополняя читательское восприятие Мартина Каннингема Леопольдом Блумом.

Важнейшей чертой полилогических моделей в романе является их многоплановость. В рассмотренном примере мы видим четырех коммуникантов с равными правами, причем процесс коммуникации ничем не затруднен, поскольку персонажи романа коротают за беседой время в дороге. Здесь Леопольд Блум не противопоставлен своим многочисленным собеседникам, как это происходит, например, в 12-м эпизоде «Циклопы». Однако и в беседе с «равными» Леопольд Блум предстает в разных ипостасях: как супруг известной певицы (*And Madame, Mr Power said smiling. Last but not least*), как нуждающийся в тактичном обхождении сын самоубийцы (*Temporary insanity, of course, Martin Cunningham said decisively*) или как докучливый человек, не вовремя предлагающий газету (*No, no, Mr Dedalus said quickly. Later on please*). Заслуживает внимания тот факт, что все три ипостаси Блума представлены репликами трех разных его собеседников в этом полилоге. Вложение реплик в уста разных персонажей — также пример проявления регулятивности в данной модели коммуникативного акта.

Можно сделать вывод о том, что монологические модели коммуникативного акта встречаются в романе чаще (34 из 56 обнаруженных), чем диалогические и полилогические, вместе взятые. Более того, в 7 из 13 диалогических и 8 из 9 полилогических моделях встречаются затруднения коммуникации, продиктованные концентрацией Леопольда Блума на своем внутреннем монологе. Таким образом, монологическая модель коммуникативного акта в романе «Улисс» не только более частотна, но и довлеет над прочими, активно вмешиваясь в них.

Вторая классификация обнаруженных моделей коммуникативного акта возникла на стыке описательного и сопоставительного методов. Речь идет о моделях эффективного и неэффективного коммуникативного акта. Разнообразие проанализированных примеров заставляет нас трактовать коммуникативный сбой достаточно широко: как существенное искажение

информации на пути от адресанта к адресату либо даже полное отсутствие передачи информации (полная потеря коммуникативно-информационной ценности).

Применение критерия эффективности / неэффективности к монологической модели коммуникативного акта кажется нецелесообразным, поэтому такой классификации подверглись только диалогические и полилогические модели. Исследование показало, что смысловая доминанта «отец» в романе преимущественно оформлена с помощью моделей неэффективного коммуникативного акта: 14 моделей из 22 содержат выраженный коммуникативный сбой. Рассмотрим наиболее типичные примеры.

В 5-м эпизоде романа Леопольд Блум беседует с Бентамом Лайонсом, который увлечен предстоящими скачками и просит одолжить ему газету:

(7) — *I was just going to throw it away, Mr Bloom said. Bantam Lyons raised his eyes suddenly and leered weakly.*

— *What's that? his sharp voice said.*

— *I say you can keep it, Mr Bloom answered. I was going to throw it away that moment. Bantam Lyons doubted an instant, leering: then thrust the outspread sheets back on Mr Bloom's arms.*

— *I'll risk it, he said. Here, thanks.*

Происходит серьезное искажение информации, Бентам Лайонс воспринимает слова Блума, намеревающегося выбросить газету (*throw it away*) как намек на малоизвестную лошадь по кличке *Throwaway*, о существовании которой не интересующийся скачками Блум не догадывается. Этот, на первый взгляд, незначительный сбой имеет затем существенное влияние на сюжет романа и в особенности на развитие крупного полилога в эпизоде 12-м, где и без того агрессивно настроенные в адрес еврея Блума ирландские националисты подозревают его в сокрытии денег, выигранных на скачках.

Еще один пример относится к уже упомянутому полилогу в 12-м эпизоде:

(8) — *So the wife comes out top dog, what? — Well, that's a point, says Bloom, for the wife's admirers. — Whose admirers? says Joe. — The wife's advisers, I mean, says Bloom.*

Речь заходит о том, что вдова недавно скончавшегося Патрика Дигнама была избавлена от долгов мужа, и Леопольд Блум допускает оговорку, объясняя это действиями ее обожателей (*the wife's admirers*), затем поспешно поправляет себя, упоминая добрых советчиков женщины (*the wife's advisers*). Так же как и в предыдущем примере, эта оговорка сама по себе является незначительным элементом, которым, на первый взгляд, можно пренебречь. Однако более подробный анализ показывает, что

этот инцидент не случаен, он представляет собой один из очень многих компонентов, ведущих персонажа к глобальной коммуникативной катастрофе, которой завершается эпизод романа.

Можно заключить, что обилие явно оформленных и, разумеется, далеко не случайных коммуникативных сбоев указывает на последовательное использование Джеймсом Джойсом такой модели коммуникативного акта в качестве средства художественной выразительности, благодаря которому смысловая доминанта «отец» и неразрывно связанный с ней центральный персонаж романа представлены многомерно, подробно и реалистично.

4. Заключение или выводы

Модель коммуникативного акта сознательно и последовательно используется Джеймсом Джойсом на протяжении всего романа «Улисс», что позволяет сделать вывод о такой модели как о полноценном инструменте для достижения художественной выразительности.

Стремление автора представить центрального персонажа в максимально реалистичной (зачастую даже физиологичной) манере сопряжено с концентрацией в этом персонаже смысловой доминанты «отец», которая является основополагающей не только для романа «Улисс», для творчества писателя в целом.

Репрезентация смысловой доминанты осуществляется посредством разных типов моделей коммуникативного акта, среди которых безусловно преобладающей (и довлеющей над прочими) является монологическая модель. Диалогическая и полилогическая модели можно, таким образом, отнести к вспомогательным, хотя нельзя не признать их роль в формировании смысловой доминанты.

Все проанализированные модели коммуникативного акта обладают регулятивностью, которая проявляется по-разному: синтаксически, лексически, стилистически, интертекстуально.

Коммуникативный сбой относится к часто используемым способам репрезентации смысловой доминанты «отец», так как искажения информации и затруднения коммуникации разнообразной этиологии соответствуют структуре и функционалу смысловой доминанты «отец» в романе.

Представляется полезным продолжить исследование использования Джойсом моделей коммуникативного акта в репрезентации двух других важнейших смысловых доминант романа, «сына» и «путешествие».

Список литературы / References

- Болотнова Н. С. О связи регулятивной и концептуальной структур поэтического текста // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2006. Вып. 5 (56). С. 108–113. [Bolotnova, Nina S. (2008) O svjazi reguljativnoj i konceptual'noj struktur pojeticheskogo teksta (On the Connection between Regulative and Concept Structures of Poetical Text). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series: Philology*, 5 (56), 108–113. (In Russian)].
- Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. [Bolotnova, Nina S. (2008) *Kommunikativnaja stilistika teksta: slovar'-tezaurus* (Communicative Stylistics of Text: Thesaurus). Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. ped. un-ta. (In Russian)].
- Болотнова Н. С. Концепция эмотивности В. И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. 2022. С. 197–203. [Bolotnova, Nina S. (2022) Konceptcija jemotivnosti V. I. Shahovskogo v kontekste issledovanij po kommunikativnoj stilistike teksta (Emotive Ecology as an Interdisciplinary Direction of the Modern Linguistics in the Works of V. I. Shakhovsky and Its Prospects). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, 197–203. (In Russian)].
- Бобрикова Е. Н. Средства связности текста в литературе «потока сознания»: на материале романа Джеймса Джойса «Улисс». Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2008. [Bobrikova, Elena N. (2008) *Sredstva svjaznosti teksta v literature «potoka soznanija»: na materiale romana Dzhejmса Dzhojsа «Uliss»*. Dis. ... kand. filol. nauk (Means of Text Cohesion in the Literature of the Stream of Consciousness Based on the Novel “Ulysses” by James Joyce. PhD Thesis in Philology). Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Горбунова Н. Г. Языкотворчество Дж. Джойса: словообразовательный аспект: на примере романа «Улисс». Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. [Gorbunova Natalya G. (2005) *Jazykotvorchestvo Dzh. Dzhojsа: slovoobrazovatel'nyj aspekt: na primere romana «Uliss»*. Dis. ... kand. filol. nauk (Language Creation by James Joyce: Word Creation Aspect, Based on the Novel “Ulysses”. PhD Thesis in Philology). Saint Petersburg. (In Russian)].
- Капитонова Н. С. Речевые кластеры в тексте романа Дж. Джойса «Улисс»: структура и прагматика. Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2019. [Kapitonova, Nina S. (2019) *Rechevye klastery v tekste romana Dzh. Dzhojsа «Uliss»: struktura i pragmatika*. Dis. ... kand. filol. nauk (Speech Clusters in the Text of the Novel “Ulysses” by James Joyce: Structure and Pragmatics. PhD Thesis in Philology). Rostov-on-Don. (In Russian)].
- Каргашин И. А. О способах выявления коммуникативной природы пейзажной лирики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2009. Вып. 6. С. 173–182. [Kargashin, Igor A. (2009) O sposobah vyjavlenija kommunikativnoj prirody pejzazhnoj liriki (On Means to Reveal the Communicative Nature of Landscape Lyric Poetry). *LUNN Bulletin*, 6, 173–182. (In Russian)].
- Ляпин И. В. Принципы минимализма в рассказах Реймонда Карвера «Дом Чефа» и «Перья» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 48. С. 175–182. [Lyapin, Ivan V. (2019)

- Principy minimalizma v rasskazah Rejmonda Karvera «Dom Chefa» i «Per'ja» (Minimalist Principles in Raymond Carver's Short Stories "Chef's House" and "Feathers"). *LUNN Bulletin*, 48, 175–182. (In Russian)].
- Николина Т. С. Визуальные стратегии построения текстового пространства (на материале художественной прозы М. Пруста) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2013. Вып. 19. С. 70–81. [Nicolina, Tatiana S. (2013) Vizual'nye strategii postroenija tekstovogo prostanstva (na materiale hudozhestvennoj prozy M. Prusta) (Visual Strategies of Building Textual Space (Marcel Proust's Prose Fiction)). *LUNN Bulletin*, 19, 70–81. (In Russian)].
- Пищальникова В. А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. [Pishchalnikova, Vera A. (1999) *Psihopojetika* (Psychopoetics). Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta. (In Russian)].
- Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. М.: Р.Валент, 2021. [Pishchalnikova, Vera A. (2021) *Istorija i teorija psiholingvistiki* (History and Theory of Psycholinguistics). Moscow: R.Valent. (In Russian)].
- Пулина Е. А. Оказиональное слово в художественном тексте: способы образования и межъязыковой трансляции: на материале романа Дж. Джойса «Улисс» и его переводов на русский и немецкий языки. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2008. [Pulina, Evgenya A. (2008) *Okkazional'noe slovo v hudozhestvennom tekste: sposoby obrazovaniya i mezhjazykovoju transljicii: na materiale romana Dzh. Dzhojsa «Uliss» i ego perevodov na russkij i nemeckij jazyki. Dis. ... kand. filol. nauk* (Occasional Word in Fiction Text: Ways of Creation and Inter-linguistic Translation Based on the Novel "Ulysses" by James Joyce and Its Translations into Russian and German. PhD Thesis in Philology). Perm. (In Russian)].
- Татару Л. В. Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулф). Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2009. [Tataru, Ludmila V. (2009) *Tochka zrenija i ritm kompozicii narrativnogo teksta (na materiale proizvedenij Dzh. Dzhojsa i V. Vulf). Dis. ... d-ra filol. nauk* (Point of View and Rhythm of Narrative Text (Based on Works by James Joyce and Virginia Woolf). PhD (Advanced) Thesis in Philology). Saratov. (In Russian)].
- Фоменко Е. Г. Лингвотипологическое в идиостиле Джеймса Джойса. Дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2006. [Fomenko, Elena G. (2006) *Lingvotipologicheskoe v idiostile Dzhejmsa Dzhojsa. Dis. ... d-ra filol. nauk* (Linguistic Typology in Ideostyle of James Joyce. PhD (Advanced) Thesis in Philology). Belgorod. (In Russian)].
- Фоменко Е. Г. Постсоветское джойсоведение: взгляд изнутри // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер. Філологія. 2017. № 26. Том 2. С. 92–95. [Fomenko, Elena G. (2017) Postsovetskoe dzhojsovedenie: vzgljad iznutri (Post-Soviet Joyce Studies: a Review from Inside). *Naukovyy Visnik Mizhnarodnogo Gumanitarnogo Universitetu*, Iss. 26, Vol. 2, 92–95. (In Russian)].
- Benstock, Bernard. (1989) *Critical Essays on James Joyce's Ulysses*. Boston: G. K. Hall.
- Ellmann, Richard. (1972) *Ulysses on the Liffey*. New York: Oxford University Press.
- Ellmann, Richard. (2010) *James Joyce, New and Revised Edition*. Oxford: Oxford University Press.
- Henke, Suzette. (1978) *Joyce's Moraculous Sindbook: A Study of Ulysses*. Columbus: Ohio State University Press.

Источники языкового материала / Language material resources

Joyce, James. (2000) *Ulysses*. London: Penguin Classics.

McKenna, Bernard. (2002) *James Joyce's Ulysses: A Reference Guide*. Westport, CT: Greenwood Press.

Senn, Fritz. (2022) *Ulysses Polytropos. Essays on James Joyce's Ulysses by Fritz Senn. Ed. by Frances Ilmberger*. Leiden/Boston: Brill Academic Pub.

УДК 81

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-72-86

ВИДЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СВЕТЕ ЭМОТИВНОЙ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ (на материале англоязычного художественного дискурса)

А. В. Корзун

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

Сегодня мало кто станет спорить с тем, что жизнь человека невозможна без социума и вне социума. Связь с социумом, его влияние на человека (равно как и наоборот) происходит через общение посредством языка, так как именно коммуникация обеспечивает процесс передачи той или иной информации. А любое общение, в свою очередь, неразрывно связано с эмоциями. На протяжении долгого времени существенная роль эмоций не выносилась на первый план при изучении языка. Первыми, кто обратил внимание на их важность, были психолингвисты. Но и их научные изыскания в основном сводились лишь к классификации эмоций и к описанию средств их выражения в языке. Этого, конечно же, стало уже недостаточно, когда в лингвистике встал вопрос о роли эмоций и их влиянии на человека в процессе его общения (как с другими людьми, так и с окружающим миром в целом). Эмоции, вызванные у человека стимулом извне, находят выражение в языке. Чем они положительнее, тем лучше психологическое (а затем и физическое) состояние человека и тем позитивнее языковые средства выражения эмоций. Именно на эту взаимосвязь обратили внимание ученые во второй половине XX века, что, в свою очередь, вылилось в новое направление в языкознании — эмотивную лингвоэкологию. В рамках этого направления особый интерес вызывает то, как полученная в процессе коммуникации информация, а также способ и средства ее передачи влияют как на успешность или неуспешность общения в целом, так и на психофизиологическое состояние коммуникантов в частности. Таким образом, целью исследования является попытка описать виды коммуникативной информации и способы ее языкового выражения через призму эмотивной лингвоэкологии, а именно: какова взаимосвязь между информацией, ее репрезентацией и экологичностью / неэкологичностью коммуникации. Материалом для исследования послужили произведения из англоязычной художественной литературы XX—XXI веков. Фундаментальные исследования В. И. Шаховского в области лингвистики эмоций и эмотивной лингвоэкологии обеспечили теоретическую основу данной работы. Научная новизна статьи заключается в попытке проиллюстрировать коммуникативно-эмоциональные ситуации с помощью примеров из англоязычного художественного дискурса. Теоретическая и практическая значимость статьи обусловлена относительной новизной и малой изученностью эмотивной лингвоэкологии как нового направления лингвистики, получившего развитие лишь в конце XIX — начале XX века. Возможность экстраполяции методов эмотиологии (лингвистики эмоций) при анализе различных дискурсов через призму эколлингвистики открывает широкие перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

Ключевые слова: эколлингвистика; эмотивная лингвоэкология; эмоции; коммуникация; экологичность / неэкологичность общения; художественный дискурс.

Цитирование: Корзун А. В. Виды коммуникативной информации и ее языковая репрезентация в свете эмотивной лингвоэкологии (на материале англоязычного художественного дискурса) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 72–86. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-72-86.

**Types of Communicative Information and
Its Linguistic Representation through the Lens of Emotive Lingvoecology
(Based on English-Language Fiction Discourse)**

Anna V. Korzun
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Today, few people will contest the fact that human life is impossible without society and outside society. Communication with society, its influence on a person (and vice versa) is carried out through communication via language, since communication is the process of transmitting information. Any human communication, in its turn, is strongly linked with emotions. For a long time, the essential role of emotions was not brought to the foreground when studying language, and psycholinguists were the first to draw attention to their importance. Their research, however, was generally limited to classification of emotions and description of the means of their expression in language. This, of course, was no longer enough when in linguistics there arose a question about the role of emotions and their influence on a person in the process of communication (both with other people and with the world around). Emotions, evoked in a person by external stimuli, find their expression in language. The more positive they are, the better the psychological (and then physical) state of a person is, and the more positive the language means of expressing their emotions are. As scholars began to explore this correlation in the second half of the 20th century, their work eventually led to the emergence of a new branch of linguistics, namely: emotive lingvoecology. This new linguistic field focuses on how information received in the process of communication, as well as the method and means of its transmission, affect either success or failure of communication in general, also taking into account the psychophysiological state of communicants. In this paper, using modern English language literary fiction, the author attempts to describe various types of communicative information and ways of its linguistic expression through the lens of emotive lingvoecology, namely: what is the correlation between information, its representation, and ecological/non-ecological communication. In terms of its theoretical framework, this research is based on V. I. Shakhovskiy's fundamental study in the field of linguistics of emotions and emotive lingvoecology. The novelty of the article lies in the author's attempt to illustrate communicative and emotional situations with examples from English-language literary fiction. The theoretical and practical significance of the article lies in the relative novelty and insufficient attention yet given by scholars to emotive lingvoecology as a new branch of linguistics, which emerged only in the late 19th – early 20th century. The possibility of extrapolating the methods of emotiology (linguistics of emotions) to the analysis of various types of discourse in the light of ecolinguistics opens up broad prospects for further research in this area.

Key words: ecolinguistics; emotive lingvoecology; emotions; communication; ecology / non-ecology of communication; artistic discourse.

Citation: Korzun, Anna V. (2023) Types of Communicative Information and Its Linguistic Representation through the Lens of Emotive Lingvoecology (Based on English-

Language Fiction Discourse). *LUNN Bulletin*, 2 (62), 72–86. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-72-86.

1. Введение

В данном исследовании приводится краткое описание истории развития и становления нового направления в языкознании — эмотивной лингвоэкологии — с обоснованием его актуальности. Описывается взаимосвязь и взаимозависимость между компонентами триады «окружающая среда — человек — язык», а также влияние экологичной / неэкологичной коммуникации на психофизиологическое здоровье человека через призму эмотивной лингвоэкологии. Кроме того, рассматриваются виды информации (положительная и отрицательная), передаваемой и получаемой коммуникантами в процессе общения, и способы ее языковой репрезентации (по В. И. Шаховскому). Соотношение информации и ее выражения иллюстрируется примерами диалогов из современного англоязычного художественного дискурса, так как их можно рассматривать как наиболее приближенные к ситуациям живого общения между людьми в реальной жизни.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала для исследования были выбраны отрывки из произведений англоязычного художественного дискурса XX—XXI веков, выделенные методом текстового анализа. А именно: сказочной повести британского писателя Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика» (*Charlie and the Chocolate Factory* by Roald Dahl, 1964), научно-фантастического романа американского писателя Дэниэла Киза «Цветы для Элджернона» (*Flowers for Algernon* by Daniel Keyes, 1966) и сборника рассказов канадской писательницы Маргарет Этвуд «Каменная подстилка» (*Stone Mattress* by Margaret Atwood, 2014). Все авторы являются лауреатами престижных премий в области литературы, а отобранные произведения изобилуют коммуникативно-эмоциональными ситуациями, что явилось главным критерием для отбора материала, так как для данного исследования важно рассмотреть именно ситуации живого эмоционального общения между людьми, что находит свое отражение в форме диалогов между главными героями. Художественные примеры анализировались с помощью методов контекстного и компонентного анализа, а также лексико-семантического анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. От лингвистики эмоций к эмотивной лингвоэкологии

Как уже отмечалось, окружающий мир и человек существуют не обособленно друг от друга, а в очень тесном взаимодействии. А там, где есть

взаимодействие, возникают и другие типы отношений, а именно взаимное влияние. Таким образом, совершенно очевидно, что подобно тому, как человек влияет на мир и социум вокруг него, так и мир с социумом влияют на человека.

Взаимное влияние окружающей среды и человека широко изучено в экологии. Отношения человека и социума — в социологии. Роль эмоций всесторонне рассматривается и описывается в психологии (Леонтьев 1975; Гозман 1987; Рубинштейн 1989; Дак 2001 и др.). Роль языка в этих взаимодействиях, равно как и языковые средства выражения эмоций — в лингвистике (Величкова, Абакумова, Иванова, Серикова 2010). Но в последние десятилетия все больше внимание ученых начал привлекать вопрос о влиянии эмоций, выраженных через язык, на здоровье и благополучие человека в процессе его взаимодействия с окружающей действительностью. Ю. Н. Караулов писал: «Культурная речь представляет собой речь живую и оживляющую действительность» (Караулов 2001: 27–28). В этой цитате хорошо отражается влияние человека на окружающий мир посредством языка. Кроме того, обоснованной представляется закономерность: чем культурнее язык, тем благотворнее влияние, что, однако работает и в обратную сторону.

Современную действительность с трудом можно назвать благоприятной средой для жизни и деятельности человека: ухудшающаяся экологическая ситуация, гонка за материальными благами, ускорение темпа жизни — все эти стрессовые факторы оказывают негативное воздействие на уровень нашей жизни. Как правило, человек выражает мысли и чувства через язык, который оказывается подвержен этому пагубному влиянию, например, «многие грамматические изменения оказываются производными от социальных трансформаций» (Кодалаева, Акай 2022: 43). Еще Э. Хауген писал, что «по мнению многих исследователей, современный язык переживает период деградации» (Haugen 2001: 57–58). Для того чтобы остановить этот процесс, ученые начали искать способы сохранения языка, а также его оздоровления. Так, в лингвистический вокабуляр Э. Хаугеном был введен термин «экология языка», который в дальнейшем дал начало новому направлению в языкознании — эколингвистике, основной задачей которой стала работа о языке. Исчерпывающее определение лингвоэкологии или эколингвистики (разные авторы используют разное наименование этой дисциплины) дал А. П. Сковородников: «это исследование проблематики языковой и речевой деградации (исследование факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематики языковой и речевой реабилитации (исследование путей и способов обогащения языка и совершенствования системы этических и прагматических постулатов речевого общения)» (Сковородников 2000: 70).

Почему же так важно заботиться о языке? Выше уже говорилось о том, что человек взаимодействует с окружающим миром и обществом посредством языка. Соответственно, качество используемых языковых средств напрямую влияет на качество получения информации, на качество самой информации, а также на качество реакции на полученную информацию. А все перечисленное, в свою очередь, влияет на физическое и психическое здоровье самого человека, и это наиболее ярко выражается через эмоции. Так, в начале 1990-х годов на базе лингвоэкологии начало оформляться новое направление — лингвистика эмоций (эмотиология) (Трошина 2020: 36). Название этой научной области в сознании отечественной научной общности ассоциативно прочно связано с именем руководителя волгоградской школы лингвистики эмоций, доктора филологических наук, профессора В. И. Шаховского (Ионова 2019: 124). Эмотиология внесла огромный вклад в изучение эмоций в языковой плоскости: сформулирован понятийный аппарат, даны определения многим концептам, созданы классификации эмоций, текстов и многое другое. Также эмотиология разграничила такие схожие лингвистические концепты, как «эмоциональность» и «эмотивность»: «эмоциональность» связана с психологической характеристикой субъекта, состоянием его эмоциональной сферы, «эмотивность» же понимается как «лингвистический аспект категории эмоциональности», т. е. «лингвистическое выражение эмоций» (Шаховский 2008: 145). «Разница между эмоциональной и эмотивной компетенцией в том, что первая приобретается в процессе накопления жизненного опыта, а вторая — через научающую и художественную коммуникацию» (Ежик 2021: 53).

Следующим шагом стало внимательное рассмотрение влияния эмоций, выражаемых через язык, на состояние здоровья человека, что явилось предметом изучения еще одного направления — эмотивной лингвоэкологии (Панченко 2012: 125), которая представляет собой некий сплав эмотиологии (как направления, изучающего эмоции в их языковом оформлении), экологии (как науки, изучающей взаимное влияние человека и окружающей среды) и валеологии (как науки, изучающей принципы и способы сохранения и поддержания здоровья человека). В. И. Шаховский пишет: «Ослабленный человек, находящийся в негативно воздействующей на него среде, не способен и не намерен продуцировать “здоровые” высказывания» (Шаховский 2017: 19). Таким образом, одной из основных функций эмотивной лингвоэкологии является забота о сохранении здоровья человека через заботу о языке, которым он пользуется.

3.2. Виды информации и ее языковое выражение

Поскольку человек — существо социальное, большая часть его жизни проходит в общении с другими людьми. Основой любого общения является

в большинстве своем передача информации (Гулевич 2007). В последнее время особое внимание в процессе коммуникации уделяется не столько характеру передаваемой информации (которая может быть положительной или отрицательной), сколько именно способу ее передачи. Одну и ту же информацию можно передать по-разному: с помощью позитивно окрашенных языковых средств (которые вызывают у адресата положительные эмоции, а значит, благотворно влияют на его эмоциональное состояние) или с помощью негативно окрашенных языковых средств (в таком случае воздействие будет, соответственно, негативным). Согласно общей логике лингвоэкологии, чем положительнее способ подачи информации, тем экологичнее воздействие на адресата, и наоборот (Колосова 2015: 106). Конечно же, всем участникам коммуникации необходимо стремиться к тому, чтобы общение было наиболее экологичным, с целью поддержания эмоционального здоровья друг друга.

«Коммуникативные ситуации, характеризующиеся повышенной конфликтогенностью, вызывают особый интерес современных лингвистов ввиду существующего социального запроса на поиск стратегий урегулирования конфликтов в процессе речевого взаимодействия» (Старостина, Леонтович 2022: 65). Приведенная выше цитата во многом объясняет предпосылки возникновения и развития эмотивной лингвоэкологии, которая в этом отношении довольно тесно связана с теорией вежливости: «Категория вежливости представляет собой систему коммуникативных стратегий и тактик, нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание, она включает в себя все то, что способствует гармоничному, бесконфликтному общению» (Ларина 2009: 167).

Но, к сожалению, приходится признать тот факт, что в современных реалиях это не всегда возможно. Во-первых, очень часто реакция человека на полученную информацию обусловлена неконтролируемыми эмоциями, которые способны заглушать голос разума. В итоге человек реагирует чрезмерно, что не является экологичным по отношению к собеседнику. Во-вторых, зачастую один из собеседников намеренно может подать информацию таким образом, чтобы вызвать определенную реакцию у адресата (будь то какие-либо эмоции, слова или даже действия), причем далеко не всегда положительную. Такое общение также нельзя назвать экологичным. Иными словами, «существует прагматика говорящего (инициальная интенция) и прагматика слушающего (терминальная интенция), неконгруэнтность которых мешает оптимизации общения» (Шаховский 2017: 15). Кроме того, установление параметров экологичности / неэкологичности коммуникации также представляет некоторые трудности, на что, по мнению О. Д. Тарасовой, влияет множество факторов: амбивалентность эмоций,

контекст употребления тех или иных эмоциональных слов или выражений, наконец, психофизиологические особенности самих коммуникантов (Тарасова 2016).

Исходя из обозначенной проблемы, одной из главных задач эмотивной лингвоэкологии является сведение к минимуму негативного влияния общения на коммуникантов. Для того чтобы установить, является коммуникация экологичной или нет, необходимо проанализировать конкретную коммуникативно-эмоциональную ситуацию с двух сторон: а) характер передаваемой информации; б) языковые средства передачи информации.

Соотношение информации и ее языкового выражения предполагает следующие их виды:

- позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация;
- негативная информация и ее негативная языковая репрезентация;
- позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация;
- негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация

(Шаховский, Штеба 2013: 20).

Вышеперечисленные виды можно проиллюстрировать с помощью художественных текстов, поскольку именно художественный дискурс является отличной репрезентацией реального общения между людьми в различных жизненных ситуациях. В. И. Шаховский писал: «Художественная коммуникация, в которой неизбежно представлено эмоциональное поведение персонажей, является стилизованным вариантом естественной коммуникации, которая невозможна без называния, выражения и описания эмоций» (Шаховский 2017: 17). Кроме того, «языковое пространство любого информационно-содержательного материала характеризуется использованием аффективных языковых средств, что связано с желанием автора текста оказать эмоционально-оценочное воздействие на читателя» (Шатских 2021: 98). Именно поэтому для иллюстрирования и анализа различных видов эмоционально-коммуникативных ситуаций нами был выбран художественный дискурс.

3.3. Практические наблюдения и результаты

Рассмотрим следующие примеры согласно пунктам, указанным выше:

- позитивная информация и ее позитивная языковая репрезентация

(1) *The big fat boy stepped up. "I'm Augustus Gloop," he said. "Augustus!" cried Mr. Wonka, seizing his hand and pumping it up and down with terrific force. "My dear boy, how good to see you! Delighted! Charmed! Overjoyed to have you with us! And these are your parents? How nice! Come in! Come in! That's right! Step through the gates!" Mr. Wonka was clearly just as excited as everybody else.* (Dahl 1964: 36) / *Вперед выступил большой толстый мальчик. «Я — Огастес Глуп», — сказал он. «Огастес!» — воскликнул мистер Уонка, схватив его за*

руку и с невероятной энергией раскачивая взад-вперед. — «Как я рад тебя видеть, мой мальчик! Я восхищен! Очарован! А это твои родители? Как мило, что они тоже пришли! Прошу вас! Вот сюда. Проходите, пожалуйста, в ворота!» Пожалуй, мистер Уонка был **возбужден** не меньше, чем все остальные (пер. Богданов, Кибирский 1991).

В данной ситуации мы видим, как хозяин шоколадной фабрики Вилли Вонка приветствует своих гостей. Он искренне рад их видеть, что выражается в большом количестве слов с ярко выраженной положительной коннотацией. Например, *my dear boy* (a friendly way of talking to a man) — мой мальчик (здесь и далее толкование значений слов приводится по [Cambridge Dictionary 2023]); *dear* (a dear person is someone who you know and like very much) — дорогой, близкий; *good* (enjoyable, pleasant or interesting) — хороший, приятный; *delighted* (very pleased) — довольный, радостный; *charmed* (very lucky, or managing to avoid danger) — удачливый, зачарованный; *overjoyed* (very happy) — вне себя от радости; *nice* (pleasant) — милый, приятный; *right* (correct or true) — правильный, верный; *excited* (feeling very happy and enthusiastic) — возбужденный.

Такое общение является очень **экологичным** как со стороны адресанта, так и со стороны адресата, так как вызывает положительные чувства у обоих коммуникантов, а значит, позитивно влияет на общее эмоциональное состояние участников диалога. Цель говорящего — произвести хорошее впечатление на слушающего и создать дружескую атмосферу, реакция слушающего — соответствующая.

– негативная информация и ее негативная языковая репрезентация

(2) “Where are you going?” she says. “We need to discuss the details.” He’s tempted to come out with something **hurt** and **petulant**: “Onto the street.” “As if you care!” “No longer any of your **fucking** business, is it?” But that would be a tactical **error**. “We can do that later,” he says. “The legal **crap**. I need to pack.” (Atwood 2014: 28) / «Ты куда это? — говорит она. — Нужно обсудить детали». Его подмывает ответить чем-нибудь **жалобным, ребячливым**: «На улицу», «А тебе не все равно?», «Уже не твое дело!». Но это было бы тактической **ошибкой**. «Это можно оставить на потом, — говорит он. — Всякую юридическую **хрень**. Мне нужно уложить вещи» (пер. Боровикова 2017).

В этом примере описывается ссора между супругами с последующим решением развестись. Оба героя находятся в крайне тяжелом эмоциональном состоянии, которое выражается в употреблении ненормативной лексики, т. е. слов и выражений с крайне отрицательной коннотацией. Например, *hurt* (upset or unhappy) — обиженный; *petulant* (behaving in an angry, silly way like a child) — капризный, вздорный; *fucking* (offensive

used to emphasize a statement, especially an angry one) — чёртов; **error** (*a mistake, especially one that can cause problems*) — ошибка; **crap** (*a very impolite word for something that you think is wrong or bad*) — чушь, дерьмо.

Такое общение крайне **неэкологично** для обоих коммуникантов. Цель обоих говорящих — как можно сильнее обидеть друг друга, задеть, причинить психологическую боль. В результате такого общения супруги злятся и обвиняют друг друга в сложившейся ситуации, что создает общую неблагоприятную атмосферу для жизни и самочувствия обоих героев.

– позитивная информация и ее негативная языковая репрезентация

(3) “**And not the faux-leopard stole either.**” “*But they’re in fashion again!*” “*Exactly. They’re far too in fashion. Don’t pout, you look like a camel.*” “*So you’re voting for the grey. May I say yawn?*” “*You may say it, but that won’t change reality. The grey has a beautiful cut. Understated. Maybe with a scarf?*” “**To cover up my scraggy neck?**” “*You said it, not me.*” “*I can always depend on you,*” says Jorrie. *She means it* (Atwood 2014: 23) / «**И леопёрдовая накидка — тоже нет**». «*Но они опять вошли в моду!*» «*Именно поэтому. Они слишком в моде. Не дуй губы, становишься похожа на верблюда*». «*Значит, ты голосуешь за серое. Можно я зевну?*» «*Можешь зевать, но объективную реальность это не изменит. У серого костюма прекрасный покрой. Лаконичный. Может быть, с шарфом?*» «**Чтобы прикрыть мою жилистую шею?**» «*Заметь, не я это сказал*». «*Я знаю, что всегда могу на тебя положиться*», — говорит она. *И не иронизирует* (пер. Боровикова 2017).

В этом примере, на первый взгляд, много негативно окрашенной лексики. Например, **to pout** (*to push your lips forward because you are annoyed or because you want to look sexually attractive*) — надувать губы; **to yawn** (*to take a deep breath with your mouth wide open, because you are tired or bored*) — зевать; **scraggy** (*very thin and not looking healthy*) — худой, тощий, костлявый.

Однако данный диалог в целом можно охарактеризовать как **экологичный**. Разговор происходит между братом и сестрой, которые общаются довольно саркастично, но при этом они очень привязаны друг к другу, нежно любят и заботятся друг о друге, поэтому не обижаются даже на порой довольно резкие высказывания в свой адрес, что видно по последней фразе диалога: “*I can always depend on you,*” says Jorrie. *She means it* / «*Я знаю, что всегда могу на тебя положиться*», — говорит она. *И не иронизирует*. Цель общения в данном случае — не обидеть собеседника, а, наоборот, поддержать с помощью иронии. Атмосфера общения позитивная, а эмоциональное состояние говорящих можно охарактеризовать как положительное.

– негативная информация и ее позитивная языковая репрезентация

(4) *He shrugged. "The Foundation has arranged to send you to the Warren State Home and Training School." "What the hell!" "Part of the agreement with your sister was that all the home's fees would be assumed by the Foundation, and you would receive a regular monthly income to be used for your personal needs for the rest of your life." "But why there? I was always able to manage on my own on the outside, even when they committed me there, after Uncle Herman died. Donner was able to get me out right away, to work and live on the outside. Why do I have to go back?" "If you can take care of yourself on the outside, you won't have to stay in Warren. The less severe cases are permitted to live off the grounds. But we had to make provision for you — just in case." He was right. There was nothing for me to complain about. They had thought of everything* (Keyes 1966: 42) / *Он пожал плечами. «Фонд устроил все так, что тебя отослали бы в Уоррен». «Какого черта?!» «В соглашении с мисс Гордон было оговорено, что все расходы по твоему содержанию возьмет на себя фонд Уэлберга. Он же обязался до конца твоей жизни выделять ежемесячно сумму, необходимую для твоих личных потребностей». «Но почему туда? Когда умер дядя Герман, я ухитрялся обходиться сам. Даже Доннер не допустил, чтобы меня забрали в Уоррен, я жил и работал у него. Почему мне предназначили именно Уоррен?» «Если ты сможешь заботиться о себе сам, никто не станет держать тебя там насильно. Людям разрешают жить отдельно в куда более тяжелых случаях... Но мы должны были обеспечить тебя — на всякий случай». Конечно, он прав. Мне не на что жаловаться. Они подумали обо всем* (пер. Шаров 2014).

В этой ситуации мы видим разговор между профессором Немуром и Чарли, человеком, который пережил операцию по увеличению интеллекта. Чарли интересуется у профессора, что его ждет в случае негативных последствий операции. Профессор пытается успокоить Чарли, сообщая, что они позаботились о его дальнейшей судьбе. Профессор Немур пытается подать информацию крайне корректно и аккуратно, чтобы как можно меньше расстроить Чарли. Например, *to arrange* (*to make the necessary plans and preparations for something to happen*) — *устраивать, договариваться; to assume* (*to take a position of control / power / responsibility, etc.*) — *брать на себя ответственность; income* (*money that you earn by working, investing, or producing goods*) — *доход*. Это подтверждается и размышлениями самого Чарли: *He was right. There was nothing for me to complain about. They had thought of everything* / *Конечно, он прав. Мне не на что жаловаться. Они подумали обо всем*.

Однако, несмотря на нейтральную лексику и вполне положительное языковое выражение, этот разговор все же **нельзя назвать экологичным**,

поскольку информация, которую получает главный герой, — негативная (ему придется отправиться в приют для душевнобольных пациентов), что, безусловно, сильно расстраивает Чарли и крайне отрицательно сказывается на его общем психологическом состоянии. В результате разговора главный герой эмоционально подавлен.

4. Заключение

Проанализировав примеры выше, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, модус (положительный или отрицательный) информации и способ ее выражения не обязательно должны всегда совпадать. Действительно, иногда негативная информация может передаваться с помощью языковых средств с положительной коннотацией, а положительная — с помощью негативно окрашенной лексики.

Во-вторых, выбор способа языкового выражения зачастую зависит от конкретной коммуникативной ситуации, а также от отношений между говорящими. Например, близкие люди могут общаться довольно резко, не стесняясь в выражениях, и при этом не обижаться друг на друга.

В-третьих, важную роль при передаче информации и выборе способа ее выражения играет исходное намерение говорящего. Если адресант стремится намеренно задеть адресата, он может добиться своего, даже используя относительно нейтральную или даже положительную лексику.

Для того чтобы общение между людьми было максимально экологичным, нужно внимательно относиться и к тому, что мы говорим, и к тому, как мы говорим. Неэкологичная коммуникация оказывает негативное влияние на физическое и психологическое состояние человека, а значит, на его здоровье в целом. Экологичная, напротив, способна оздоравливать. Здоровый человек — это часть здорового общества, здоровой окружающей среды и так далее по цепочке. Взаимосвязь, взаимозависимость и взаимное влияние человека, языка и природы отрицать невозможно. Благополучие одного оказывает положительное воздействие на другие, равно как и наоборот, упадок любого из элементов неизбежно влечет за собой деградацию всех остальных. Многие современные ученые стремятся к сохранению жизни человека как биологического вида, окружающей среды как места обитания человека и языка как инструмента общения человека с окружающим миром. Именно поэтому эмотивная лингвоэкология и стала таким актуальным направлением в современной лингвистике, целью которого является оздоровление общества в целом через экологичную коммуникацию и оздоровления языка в частности.

Список литературы / References

- Величкова Л. В., Абакумова О. В., Иванова В. Ю., Серикова О. Н. Экспрессивные средства речи: психолингвистические исследования: монография / Под ред. Л. В. Величковой. Воронеж: ВГУ, 2010. [Velichkova, Lyudmila V., Abakumova, Ol'ga V., Ivanova, Valentina Yu., & Serikova, Ol'ga N. (2010) *Ekspressivnye sredstva rechi: psiholingvisticheskie issledovaniya: monografiya* (Expressive Language Means: Psycholinguistic Researches. Monograph). In Velichkova Lyudmila V. (ed.). Voronezh: VGU. (In Russian)].
- Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. М.: МГУ, 1987. [Gozman, Leonid Ya. (1987) *Psihologiya emocional'nyh otnoshenij* (Psychology of Emotional Relationships). Moscow: MGU. (In Russian)].
- Гулевич О. А. Психология коммуникации. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. [Gulevich, Ol'ga A. (2007) *Psihologiya kommunikacii* (Psychology of Communication). Moscow: MPSU. (In Russian)].
- Дак С. Начало, развитие и сохранение межличностных отношений. В кн.: Межличностное общение // Сост. и общая ред. Н. В. Казариновой, В. М. Погольши. СПб.: Питер, 2010. [Duck, Steven. (2010) *Nachalo, razvitie i sohranenie mezhlichnostnyh otnoshenij* (The Beginning, Development and Preservation of Interpersonal Relationships). In *Mezhlichnostnoe obshchenie* (Interpersonal Communication). In Kazarinova, Nadezhda V., & Pogol'sha, Valentina M. (eds.). Saint Petersburg: Piter. (In Russian)].
- Ежик Е. С. Концепт в аспекте эмотиологии: к постановке вопроса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 49–59. [Ezhik, Evgeniya S. (2021) *Koncept v aspekte emotiologii: k postanovke voprosa* (The Concept in the Context of Emotiology: Problems and Issues). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 49–59. (In Russian)].
- Ионова С. В. Лингвистика эмоций — наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (169). С. 124–131. [Ionova, Svetlana V. (2019) *Lingvistika emociy — nauka budushchego* (Linguistics of Emotions — The Science of the Future). *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 6 (169), 124–131. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. О состоянии современного русского языка // Русская речь. 2001. № 3. С. 25–30. [Karaulov, Yurij N. (2001) *O sostoyanii sovremennogo russkogo yazyka* (On the State of the Modern Russian Language). *Russkaya rech'* (Russian Speech), 3, 25–30. (In Russian)].
- Кодалаева Х. Г., Акай О. М. Медиадискурс как источник грамматических сдвигов в русском языке: лингвоэкологический аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 39–50. [Kodalaeva, Khansiyat G., & Akay, Oksana M. (2022) *Media diskurs kak istochnik grammaticheskikh sdvigo v russkom yazyke: lingvoekologicheskij aspekt* (Media Discourse as a Source of Grammatical Changes in the Russian Language: Linguoecological Aspect). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 39–50. (In Russian)].
- Колосова (Солодовникова) Н. Г. Эмотивный анализ как метод экологического мониторинга текстов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (100). С. 100–110. [Kolossova (Solodovnikova), Nataliya G. (2015) *Emotivnyj analiz kak metod ekologicheskogo monitoringa tekstov* (Emotive

- Analysis as a Means of Ecological Monitoring of Texts). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 5 (100), 100–110. (In Russian)].
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва: Языки славянских культур, 2009. [Larina, Tat'yana V. (2009) *Katergoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokul'turnikh tradiciy* (The Category of Politeness and Style of Communication: Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions). Moscow: Yazyki slavianskih kul'tur. (In Russian)].
- Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Изд-во полит. лит., 1975. [Leont'ev, Aleksej N. (1975) *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* (Activity, Consciousness, Personality). Moscow: Izd-vo polit. lit. (In Russian)].
- Панченко Н. Н. Правда и искренность в экологичной / неэкологичной коммуникации // Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 124–135. [Panchenko, Nadezhda N. (2012) *Pravda i iskrennost' v ecologichnoj / neecologichnoj kommunikacii* (Truth and Sincerity in Ecological / Non-Ecological Communication). *Nauchnyj dialog (Scientific Dialogue)*, 12: Filologiya (Philology), 124–135. (In Russian)].
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1989. [Rubinshtein, Sergej L. (1989) *Osnovy obshchej psihologii* (Fundamentals of General Psychology). Moscow: Pedagogika (Pedagogics). (In Russian)].
- Сковородников А. П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 70–78. [Skovorodnikov, Aleksandr P. (2000) *K stanovleniyu sistemy lingvoekologicheskoy terminologii* (To the Formation of the System of Lingvoecological Terminology). *Rechevoye obshcheniye: spetsializirovannyj vestnik*, 3 (11), 70–78. (In Russian)].
- Старостина Ю. С., Леонович Л. М. Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 63–75. [Starostina, Julia S., & Leonovich, Larissa M. (2022) *Lingvoaksiologicheskie osnovy kommunikativnyh konfliktov v angloyazychnom dramaturgicheskom diskurse* (Linguoaxiological Foundations of Communicative Conflicts in the English Drama Discourse). *LUNN Bulletin*, 2 (58), 63–75. (In Russian)].
- Тарасова О. Д. Категория экологичности как важный параметр для эмотивной лингвоэкологии // Интерактивная наука. 2016. № 4. С. 94–96. [Tarasova, Ol'ga D. (2016) *Kategoriya ecologichnosti kak vazhnyj parametr dlya emotivnoj lingvoekologii* (The Category of Ecology as an Important Parameter for Emotive Lingvoecology). *Interactive Science*, 4, 94–96. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Экология языка: аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания: Редкол.: Е. О. Опарина, М. Б. Раренко М.: Ин-т научной информации по общественным наукам, 2020. [Troshina, Natal'ya N. (2020) *Ecologiya yazyka: analiticheskiy obzor* (Ecology of Language: an Analytical Review). RAN. INION. Tsentr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. yazykoznaniya: Redkoll.: Oparina, Elena O., Rarenko, Mariya B. (Centre for Humanitarian Scientific and Informational Research. Department of Linguistics: Oparina, Elena O., & Rarenko, Mariya B. (ed. board). Moscow: Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam. (In Russian)].

- Шатских М. В.* Метафора как базовый компонент эмоционального пространства текстового материала // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 96–111. [Shatskikh, Marina V. (2021) Metafora kak bazovyyj component emocional'nogo prostranstva tekstovogo materiala (Metaphor as a Basic Component of the Emotional Space of Texts). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 96–111. (In Russian)].
- Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. [Shahovskij, Viktor I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emocij: monografiya* (Linguistic Theory of Emotions: Monograph). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Шаховский В. И.* Триада экологий — человек, язык, эмоции — в современной коммуникативной практике: монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. [Shahovskij, Viktor I. (2017) *Triada ekologij — chelovek, yazyk, emocii — v sovremennoj kommunikativnok praktike: monografiya* (The Triad of Ecologies — Man, Language, Emotions — in Modern Communicative Practice: Monograph). Volgograd: Izd-vo VGSPU “Peremena”. (In Russian)].
- Шаховский В. И., Штеба А. А.* Экология, валеология, лингвистика — три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: коллективная монография / Науч. ред. В. И. Шаховский, отв. ред. Н. Н. Панченко. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. С. 8–23. [Shahovskij, Viktor I., & Shteba, Aleksej A. (2013) *Ekologiya, valeologiya, lingvistika — tri istochnika lingvoekologii* (Ecology, Valeology, Linguistics — Three Sources of Linvoecology). In Shahovskij, Viktor I. (scien. ed.), Panchenko, Nadezhda N. (ed.) *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kollektivnaya monografiya* (Emotive Linvoecology in Modern Communicative Space: Joint Monograph). Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 8–23. (In Russian)].
- Haugen, Einar. (2001) The Ecology of Language. In Fill, Alvin, Muehlhaeusler, & Peter (eds.). *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. London, New York: Continuum, 57–66.

Словари / Dictionaries

Cambridge Dictionary (2023, March 16). Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/>.

Источники языкового материала / Language material resources

- Даль Р.* Чарли и шоколадная фабрика [Электронный ресурс] / Пер. с англ. И. Богданов, С. Кибирский, 1991. URL: https://librebook.me/charlie_and_the_chocolate_factory (дата обращения: 15.03.2023). [Dahl, Roald (1991) (2023, March 15) *Charli i shokoladnaya fabrika* (Charlie and the Chocolate Factory / translated by I. Bogdanov, S. Kibirskij). Retrieved from https://librebook.me/charlie_and_the_chocolate_factory (In Russian)].
- Киз Д.* Цветы для Элджернона [Электронный ресурс] / Пер. с англ. С. Шаров, 2014. URL: <https://iknigi.net/avtor-deniel-kiz/9049-cvety-dlya-eldzhernona-deniel-kiz/read/page-1.html> (дата обращения: 15.03.2023). [Keyes, Daniel (2014) (2023, March 15) *Tsvety dlya Eldzhernona* (Flowers for Algernon / translated by S. Sharov). Retrieved from <https://iknigi.net/avtor-deniel-kiz/9049-cvety-dlya-eldzhernona-deniel-kiz/read/page-1.html> (In Russian)].

- Этвуд М. Каменная подстилка [Электронный ресурс] / Пер. с англ. Т. Боровикова, 2017. URL: <https://knigionline.net/2766-kamennaya-podstilka-sbornik.html#book> (дата обращения: 15.03.2023). [Atwood, Margaret (2017) (2023, March 15) *Kamennaya podstilka* (Stone Mattress / translated by T. Borovikova). Retrieved from <https://knigionline.net/2766-kamennaya-podstilka-sbornik.html#book> (In Russian)].
- Atwood, Margaret. (2014) (2023, March 15) *Stone Mattress*. Retrieved from <https://lib-cat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/102746-margaret-atwood-stone-mattress-nine-tales.html#text>.
- Dahl, Roald. (1964) (2023, March 15) *Charlie and the Chocolate Factory*. Retrieved from <https://englishfox.ru/wp-content/uploads/2017/08/Charlie-factory.pdf>.
- Keyes, Daniel. (1966) (2023, March 15) *Flowers for Algernon*. Retrieved from <https://lib-cat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/socialno-psihologicheskaya-fantastika/325210-daniel-keyes-flowers-for-algernon.html#text>.

УДК 81.42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-87-114

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ГЕЙША» В КИНОДИСКУРСЕ И ДИСКУРСЕ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ

И. А. Мурзинова¹, Е. Ю. Пишкова², В. В. Богомазова¹

¹Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Современные исследования особенностей коммуникативного поведения и ценностной ориентации типичных представителей разных социумов выводят на передний план термин «лингвокультурный типаж», т. е. концепт типизируемой языковой личности, в концентрированном виде репрезентирующий значимые для лингвокультурных сообществ модели поведения и ценности. Целью исследования является изучение стратегии и тактик коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «гейша» в типовых коммуникативных ситуациях и языковых средств, используемых в речи лингвокультурным типажом «гейша». С точки зрения методологии лингвокультурный типаж «гейша» рассматривается как коммуникативный лингвокультурный типаж, т. е. при его изучении акцентируется коммуникативная сторона лингвокультурного типажа. Комплекс методов исследования включает метод концептуального анализа, алгоритм изучения лингвокультурного типажа, описательный метод, метод речевого портретирования, метод контекстуального анализа, семантико-дефиниционный метод, метод стилистической интерпретации, метод анализа лингвокультурных скриптов, метод коммуникативно-прагматического анализа. Согласно результатам исследования, коммуникативный аспект вербального поведения лингвокультурного типажа «гейша» характеризуется реализацией стратегии сотрудничества с помощью коммуникативных тактик учтивости, проявления интереса, вежливого несогласия, смены темы, прямого ответа, подчёркивания значимости, положительной оценки, а также тактик побуждения к действию, похвалы, покровительства, наставничества, поддержки, передачи опыта. Речь гейши отличается грамотностью, повышенной эмоциональной и смысловой наполненностью, содержит речевые этикетные формулы, выражающие уважение, согласие, несогласие, извинение, и характеризуется использованием общеупотребительной лексики, профессиональной лексики, простых или нераспространённых сложносочинённых предложений, а также сложноструктурированных высказываний. Образность и экспрессивность речи гейши достигается за счёт использования ею стилистических приёмов (парцелляций, усечённых конструкций, анафорического повтора, неоконченных фраз, персонификации, метафор и метафорических эпитетов). Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нём определяются лингвистические факторы, лежащие в основе особенностей коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «гейша». Практическая значимость исследования состоит том, что основные его положения могут быть использованы в пре-

подавании вузовских курсов по социолингвистике, лингвоконцептологии, лингвоперсоналогии, лингвокультурологии, стилистике, лексикологии и фразеологии английского языка.

Ключевые слова: лингвокультурология; теория лингвокультурных типажей; языковая личность; коммуникативное поведение; лингвокультурный типаж «гейша»; коллективное языковое сознание.

Цитирование: Мурзинова И. А., Пишкова Е. Ю., Богомазова В. В. Особенности репрезентации коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» в кинодискурсе и дискурсе мемуарной прозы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 87–114.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-87-114.

Representation of the Communicative Behavior of the Linguocultural Type “Geisha” in the American and Japanese Film Discourse

Irina A. Murzinova¹, Elena Yu. Pishkova², Viktoriya V. Bogomazova¹

¹Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Modern studies of communicative behavior and value orientations of typical representatives of different societies bring to the fore the term “linguocultural personality type,” i. e. the concept of a typified personality, which, in a concentrated form, represents behaviors and values significant for specific linguocultural communities. The aim of the study is to explore the strategy and tactics of communicative behavior of the linguocultural personality type “geisha” in typical communicative situations as well as the language means used in speech by this linguocultural type. From the point of view of methodology, the linguocultural type “geisha” is considered as a communicative linguocultural personality type, i. e. when studying it, the communicative side of the linguocultural type is emphasized. The research methods utilized in this study include the method of conceptual analysis, the algorithm for studying the linguocultural personality type, the descriptive method, the speech portrait method, the method of contextual analysis, the semantic-definitional method, the method of stylistic interpretation, the method of analyzing linguocultural scripts, and the method of communicative-pragmatic analysis. According to the results of the study, the communicative aspect of verbal behavior of the linguocultural personality type “geisha” is characterized by the strategy of cooperation through the communicative tactics of courtesy, showing interest, polite disagreement, changing the topic, direct answer, emphasizing significance, positive assessment, as well as tactics of encouraging action, praise, patronage, mentoring, support, sharing the experience. A geisha’s speech is distinguished by grammatical correctness and rich emotional and semantic content; it contains polite speech etiquette formulas expressing respect, agreement, disagreement or apology and is characterized by the use of common vocabulary, professional vocabulary, simple or non-expanded compound sentences, as well as complex-structured statements. The figurativeness and expressiveness of a geisha’s speech is achieved through the use of stylistic devices (parcellations, truncated constructions, anaphoric repetition, unfinished phrases, personification, metaphors and metaphorical epithets). The theoretical significance of the study lies its attempt to define the linguistic factors that shape the communicative behavior of a typified geisha. The practical significance of the study lies in that its results can be used in teaching university courses in sociolinguistics,

linguoculturology, linguopersonology, linguoculturology, stylistics, lexicology, and phraseology of the English language.

Key words: linguoculturology; the theory of linguocultural types; speech personality; communicative behavior; linguocultural personality type of geisha; collective linguistic consciousness.

Citation: Murzinova, Irina A., Pishkova, Elena Yu., Bogomazova, Viktoriya V. (2023) Representation of the Communicative Behavior of the Linguocultural Type “Geisha” in the American and Japanese Film Discourse. *LUNN Bulletin*, 2 (62), 87–114.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-87-114.

1. Введение

В современной лингвистике наметилась ориентированность на интенсификацию изучения концептов типизируемых личностей, лингвокультурных типажей, в рамках той или иной лингвокультуры. Исследования осуществляются в русле лингвокультурологического подхода, основанного на рассмотрении типов языковой личности, их коммуникативного поведения и ценностной ориентации через призму коллективного сознания носителей той или иной культуры.

Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления значимых концептов различных культур, в том числе лингвокультурных типажей, несущих важную лингвистическую и социокультурную информацию об изучаемых лингвокультурах; лингвокультурный типаж «гейша» относится к числу таких концептов.

Целью исследования является выявление особенностей коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «гейша».

Объектом исследования является лингвокультурный типаж «гейша», предметом — признаки коммуникативного поведения типизируемой личности «гейша» в разных типах дискурса и особенности ее языковой репрезентации.

Из поставленной цели следует ряд исследовательских задач:

- 1) рассмотреть понятие лингвокультурный типаж;
- 2) обозначить место теории лингвокультурных типажей в лингвокультурологии;
- 3) определить методы анализа коммуникативного поведения лингвокультурных типажей;
- 4) дать определение коммуникативного лингвокультурного типажа;
- 5) определить основные лингвокультурные скрипты коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша», а также стратегию и тактики их реализации;
- 6) выявить языковые средства, используемые для репрезентации коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша»;
- 7) обозначить основные ценностные ориентиры коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша».

Гипотеза исследования: в ряду лингвокультурных типажей с исследовательской целью можно выделить категорию коммуникативных лингвокультурных типажей, основное внимание при изучении которых сфокусировано на их коммуникативном поведении; в данной категории можно выделить коммуникативный лингвокультурный типаж «гейша», чьё поведение опирается на базовые лингвокультурные скрипты, в которых он использует определённую коммуникативную стратегию и коммуникативные тактики, определённые ценностные ориентиры, а также определённые языковые средства, которые могут быть изучены с помощью специальных методов лингвокультурологического анализа.

Лингвокультурология является одним из направлений лингвистических исследований, в котором языковые явления изучаются через осмысление коллективного языкового сознания социума через призму его культуры. В рамках данного направления сегодня активно развиваются области лингвистики, связанные с изучением языковой личности (см., например, [Карасик 2002] и др.).

Впервые понятие «языковая личность» было введено Ю. Н. Карауловым, который подразумевал под этим понятием «любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения им видения окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире» (Караулов 1987: 111).

Дальнейшее углубление и развитие понятия «языковая личность» позволило оформить отдельное направление лингвистики, которое было обозначено В. П. Нерознаком как «лингвоперсонология» (Нерознак 1996).

Наряду с лингвоперсонологией активное развитие в конце XX и начале XXI века получили лингвоконцептология и лингвокультурология, в русле которых и проводится наше исследование, — науки, изучающие лингвокультурные концепты (абстрактные феномены культуры, отражённые в языке). Возникновение этих областей научного знания было обусловлено появлением антропоцентрической научной парадигмы — языковая личность рассматривалась уже не изолированно в текстах культуры, а как «погружённая» в культуру своего народа, как элемент коллективного языкового сознания, испытывающий на себе воздействие этого коллективного сознания в плане выбора коммуникативных стратегий, тактик и языковых средств и сам оказывающий влияние на выбор коммуникативных стратегий, тактик и языковых средств представителями данной лингвокультуры. Исследователи Т. Г. Попова и Е. Г. Саушева отмечают, что «наиболее полно и всесторонне национальный характер проявляется именно в национальной культуре» (Попова, Саушева 2019: 62).

Из всех существующих на сегодняшний день определений концептов наиболее кратким и ёмким мы считаем определение концептов как «мыслительных образов, стоящих за языковыми знаками» (Никишина 2002: 5). В настоящем исследовании мы придерживаемся этого определения, а также определений концепта, дополняющих приведённое выше. Так, В. И. Карасик определяет концепт как «единицу культуры», представляющую собой «фиксацию коллективного опыта, который становится достоянием индивида» (Карасик 2004: 133), уточняя, что концепты — это «многомерные культурно-значимые социопсихические образования в коллективном сознании, предметные в той или иной сфере» (Карасик 2002: 98). Мы также солидарны с В. З. Демьянковым, считающим, что концепт представляет собой «содержательную сторону словесного знака, за которой, в свою очередь, стоит понятие, относящееся к умственной, духовной и материальной сфере существования человека, закреплённое в общественном опыте народа» (Демьянков 2007: 607). С позиций эмотиологии Е. С. Ежик считает, что «концепт может рассматриваться своего рода “камерой хранения” эмоциональной памяти народа о ценности культуры, из которой все последующие поколения извлекают, как из энциклопедии, необходимую для эмоционального общения информацию» (Ежик 2021: 56).

Мы рассматриваем лингвокультурный концепт как форму мысли, привязанную к какому-либо абстрактному или реально существующему в физическом мире элементу культуры и фиксирующую как наиболее существенные его свойства, так и наиболее «частотные» фоновые смыслы, образы, модели поведения, оценочные суждения, ассоциируемые в коллективном сознании народа — носителя языка с данным элементом культуры.

Актуализация концепта в языке происходит посредством коммуникативного действия. Ю. Хабермас показывает, что коммуникативное действие служит для передачи и обновления культурных знаний (Habermas 1984).

В начале XXI века на стыке лингвокультурологии и лингвоконцептологии стала формироваться новая область научного знания — теория лингвокультурных типажей (см., например, [Карасик, Дмитриева 2005]), внимание исследователей в которой сфокусировалось на мысли о человеке, типизируемом коллективным языковым сознанием, как значимом элементе культуры. В. И. Карасик впервые определил концепты типизируемых личностей, лингвокультурные типажы, как «обобщённые образы носителей культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» (Карасик 2011: 115).

Исходя из вышесказанного, в нашем исследовании под лингвокультурным типажом, вслед за В. И. Карасиком, мы понимаем обобщённый тип личности, выделяемый по ряду социально значимых параметров

и проявляющий определенные речеповеденческие характеристики, а также узнаваемый носителями определённой культуры по особым характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации (Карасик 2002: 244).

В рамках данного исследования, вслед за В. И. Карасиком и О. А. Дмитриевой (Карасик, Дмитриева 2005: 22), мы рассматриваем лингвокультурный типаж одновременно как языковую личность и как концепт.

Отметим, что в более ранних трудах В. И. Карасика, а также в трудах Е. О. Клименко, И. И. Дубининой, М. В. Мироненко, Г. П. Джинджолия, Я. А. Волковой, Н. Н. Панченко и других исследователей мы обнаружили обращение к понятию «коммуникативный типаж». При этом понятия «лингвокультурный типаж» и «коммуникативный типаж» в ряде работ являются полностью синонимичными (см., например [Джинджолия 2013]), а в некоторых трудах разграничиваются (см., например [Мироненко 2005; Панченко 2009; Мискичева, Поспелова 2020]).

И. А. Мурзинова не разделяет понятия «лингвокультурный типаж» и «коммуникативный типаж», считая, что любой концепт типизируемой личности не может рассматриваться изолированно, вне какой-либо лингвокультуры, поэтому термин «лингвокультурный типаж» является гиперонимом по отношению к термину «коммуникативный (лингвокультурный) типаж». Таким образом, с методологической точки зрения термином «коммуникативный лингвокультурный типаж» предлагается обозначать любой лингвокультурный типаж, «особое внимание при изучении которого уделяется коммуникативному поведению как наиболее значимой в данном социуме или для целей исследования составляющей концепта изучаемой типизируемой личности» (Мурзинова 2020: 90). В нашей работе, с исследовательской целью, мы будем использовать термин «коммуникативный лингвокультурный типаж», т. е. рассматривать его как методологический термин, помогающий отграничить коммуникативный аспект изучения лингвокультурного типажа «гейша» от других аспектов его изучения.

Анализ коммуникативного поведения лингвокультурного типажа как концепта в данной работе будет базироваться на понимании коммуникативного поведения как совокупности норм и традиций общения народа, которая определяется концептосферой этнической лингвокультуры (см., например, [Умирзакова 2018]).

В нашей работе коммуникативный лингвокультурный типаж «гейша» рассматривается как феминный, однако в Японии существовал его гендерный вариант — маскулинный типаж отоко-гейша (см., например, [Becker 2007: 67]).

2. Характеристика материала и методов исследования

Современные исследователи считают перспективными интерпретацию и детальный анализ фильмов с позиций дискурса и социолингвистики (см., например, [Афанаскина 2017; Колосова, Коробова, Уханова 2018] и др.). Важно отметить, что адресант кинодискурса «является множественным, поскольку в данное понятие включаются сценаристы, режиссёр, композитор, оператор и т. п.; продюсер, исполнительный директор также обладают значительным влиянием. Если фильм снят по мотивам литературного художественного произведения, правомерно подчеркнуть и роль автора данного произведения» (Колосова, Коробова, Уханова 2018: 44). Добавим, что интерпретация своей роли актёрами также вносит существенный вклад в коллективное творчество и влияет на формирование коллективной коммуникативно-языковой личности персонажей художественного фильма.

В качестве материала для исследования особенностей коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «гейша» были выбраны драматический художественный фильм «Мемуары гейши» / *Memories of a Geisha* (2005, страны производства: США, Япония, Франция; режиссер Р. Маршалл) по роману американского автора Артура Голдена и одноимённый роман, лёгший в основу сюжета фильма, принадлежащий к жанру мемуарной прозы. Единицами для анализа выступили фрагменты скриптов монологов и диалогов героинь-гейш в данных произведениях.

Основным методом нашего исследования служит концептуальный анализ, позволяющий выявить лингвокультурную специфику исследуемого концепта. А. А. Рыжкина трактует концептуальный анализ как «методику описания вербальных репрезентаций концепта путём построения словесной модели концепта» (Рыжкина 2014: 120). Э. Ю. Гусева определяет суть концептуального анализа как «отслеживание пути познания смысла концепта и фиксирование результатов в формализованном семантическом языке» (Гусева 2012: 26). При этом автор, вслед за А. Вежбицкой, подчёркивает важность использования приёма лингвистической интроспекции для достижения конечной цели концептуального анализа — вербальной формулировки соответствующего концепта (Там же).

В настоящем исследовании мы опираемся на схему концептуального анализа, предложенную В. И. Карасиком, предполагающую рассмотрение понятийной, образной и оценочной сторон лингвокультурного типажа как концепта (Карасик 2005). Концептуальный анализ предполагает изучение эмблематических характеристик концепта как знаков принадлежности того или иного индивидуума к определённой группе (Карасик 2020).

О. А. Дмитриева уточняет и расширяет схему концептуального анализа, предложенную В. И. Карасиком, применительно к анализу лингвокультурных типажей, предлагая следующий алгоритм их моделирования:

1) составление социокультурной справки (исторический, культурный, социальный, психологический аспекты);

2) анализ перцептивно-образных представлений (зафиксированных в языке внешнего облика, одежды, возраста, гендерной принадлежности, речевых особенностей, социального статуса, места жительства, сферы деятельности, досуга, семейного положения, окружения, поведения, речевой специфики исследуемой типизируемой личности);

3) описание понятийной стороны концепта (анализ словарных дефиниций, энциклопедических толкований, этимологии, ассоциаций, сочетаемости лексем, репрезентирующих данный концепт типизируемой личности);

4) оценка лингвокультурного типажа в настоящем и современниками типажа, а также самоидентификация лингвокультурного типажа (Дмитриева 2007).

Одним из методов изучения коммуникативной составляющей концепта типизируемой личности является анализ прецедентных ситуаций, т. е. «манеры поведения конкретного лингвокультурного типажа, которая отображает типичные модели поведения, узнаваемые и появляющиеся в сознании носителя родного или иностранного языка» (Дмитриева, Мурзинова 2016). Прецедентные ситуации коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» могут быть смоделированы с помощью лингвокультурных скриптов, — ценностно маркированных и этнокультурно обусловленных алгоритмов коммуникативного поведения, закрепленных в сознании человека. М. Коул описывает скрипт как событийную схему, которая «определяет, какие люди должны участвовать в событии, какие социальные роли они играют, какие объекты используют и каковы причинные связи» (Коул 1997: 150). По мнению исследователя, каждый лингвокультурный скрипт имеет свое языковое обеспечение, которое не является строго определенным, однако включает ряд устойчивых словесных формулировок, по которым легко может быть опознана типовая коммуникативная ситуация (Там же). Я. В. Зубкова показывает на примере скрипта академического дискурса, что лингвокультурный скрипт описывает и объясняет коммуникативное поведение участников ситуации ценностного характера в динамике и включает в себя доминанты культуры, доминанты коммуникации в определенном типе дискурса, доминанты языковой личности. К изучению лингвокультурных скриптов обращались как отечественные, так и зарубежные лингвисты (Wierzbicka 1996, 2006; Wong 2004; Ye 2004; Yoon 2004; Goddard 2006; Зубкова 2008; Моторина 2015). В частности, А. Вежбицкая,

проводящая исследования в области психолингвистики, говорит о «культурно-специфичных сценариях», приводя в качестве примера культурные скрипты японской культуры (Wierzbicka 2006). Приведём один из таких «культурных сценариев» японской культуры, представленных в работе А. Вежбицкой, репрезентирующий концепт «гостеприимство»:

*when I want someone to feel something good
it is not good to say to this person something like this:
“I want to know what you want”
it is good to think about it
if I think about it I can know what I can do
this person doesn't have to say any thing
(Wierzbicka 2006).*

В нашей работе мы использовали метод анализа лингвокультурных скриптов при описании прескриптивов, регулирующих поведение коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша».

Также мы будем использовать коммуникативно-прагматический подход к изучению коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша», основанный на изучении коммуникативных стратегий и тактик (см. [Карасик 2002]), применяемых гейшей как типизируемой коммуникативной личностью.

Таким образом, процедура анализа коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» представляет собой комплексное антропоцентрическое описание коммуникативно-ценностного аспекта концепта типизируемой языковой личности с помощью как традиционных для структурной лингвистики методов (описательный метод, метод речевого портретирования, метод контекстуального анализа, семантико-дефиниционный метод, метод стилистической интерпретации), так и современных методов описания лингвокультурных концептов (концептуальный анализ, анализ лингвокультурных скриптов, коммуникативно-прагматический анализ стратегии и тактик в коммуникативном взаимодействии лингвокультурного типажа «гейша»).

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Лингвокультурные скрипты коммуникативного поведения типажа «гейша»

Коммуникативный лингвокультурный типаж «гейша» является если не ключевым, то далеко не периферийным концептом японской культуры и рассматривается как таковой представителями других лингвокультур. Так,

американский антрополог Л. Дэлби пишет, что гейши «встроены в японскую культуру», японцы считают их «более японскими», чем почти любую другую социальную группу (Dalby 2000).

Для анализа коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «гейша» и его языкового обеспечения рассмотрим лингвокультурные скрипты «чайная церемония», «сопровождение клиента» и «общение гейши с другой гейшей», которые были выделены нами как наиболее типичные акты речевой коммуникации в профессиональной и повседневной деятельности гейш.

3.1.1. Лингвокультурный скрипт «чайная церемония»

Основная работа гейш — проведение банкетов в чайных домиках (тясицу), где гейша выступает хозяйкой вечеринки, развлекая гостей. Банкет в традиционном стиле носит название о-дзасики (яп. お座敷, дословно «комната с татами»). Гейша должна направлять беседу и способствовать весёлому времяпрепровождению своих гостей, зачастую флиртуя с ними, но сохраняя при этом своё достоинство (Dalby 2000; Downer 2002; Varley 2015).

Японская чайная церемония направлена на внутреннее состояние и очищение сознания, она предъявляет особые требования и к поведению гостей, и к убранству, и к ритуальным действиям.

Чайная церемония (яп. 茶の湯 *тя-но ю*, дословно переводится как «искусство чая»), имеет древнюю традицию и неукоснительно соблюдается по сегодняшний день. Превращение чаепития в церемониал было обусловлено философией дзен-буддизма, благодаря чему оно приобрело духовный аспект, став элементом национальной японской культуры.

Самая важная часть церемонии — приготовление и питье густого порошкового зелёного чая, маття. Гейша является ведущей чайной церемонии.

Неотъемлемой частью лингвокультурного скрипта «церемония чаепития» являются определённые знако-символические характеристики лингвокультурного типажа «гейша». Большое значение в разворачивании данной прецедентной коммуникативной ситуации имеет реализация аспектов невербальной коммуникации, компонентами которой являются определённые позы, точные и последовательные движения тела во время чайной церемонии. Гости наблюдают за тем, как гейша грациозно опускает в котелок с кипящей водой ковш, вынимает его оттуда полным. Примерно треть этой воды наливается в чашку, куда насыпан чайный порошок, а две трети возвращаются обратно в котелок. Чайный порошок взбалтывается в чашке при помощи бамбуковой кисти, в результате чего получается

достаточно густая пеннистая жидкость, по консистенции близкая к соусу. Таким образом, делается 15–20 движений венчиком, все движения при этом церемониальные, а выражение лица строгое, неподвижное.

Гость держит чашку, поставив ее на ладонь левой руки и чуть прикрыв правой. Поведение гейши в ходе чайной церемонии включает строгую последовательность размеренных действий (ката): как садиться и вставать, открывать и закрывать раздвижные двери, обращаться с ящичком для чая, погружать черпак в котел с водой. Невербальное коммуникативное поведение гейши характеризуется грациозностью, учтивостью.

Чайная церемония в книге *Memoirs of a Geisha* описывается несколько раз. Будучи майко, Сайюри обучается искусству церемонии, впечатления о которой описаны следующим образом:

(1) *My last lesson of the morning was in tea ceremony. But basically, a tea ceremony is conducted by one or two people who sit before their guests and prepare tea in a very traditional manner, using beautiful cups, and whisks made from bamboo, and so forth. Even the guests are a part of the ceremony because they must hold the cup in a certain manner and drink from it just so. If you think of it as sitting down to have a nice cup of tea . . . well, it's more like a sort of dance, or even a meditation, conducted while kneeling. The tea itself is made from tea leaves ground into a powder and then whisked with boiled water into a frothy green mix we call matcha, which is very unpopular with foreigners. I'll admit it does look like green soapy water and has a bitter taste that takes a certain getting used to* (здесь и далее, если не указано иное, цитаты по [Golden 2005]).

Как видно из приведённого выше описания, чайная церемония в Японии — медитативный ритуал, а не простое чаепитие. Эмблематические характеристики концепта «чайная церемония» включают церемониальные действия гейши и гостей, а также набор специальной посуды и инвентаря из традиционных материалов (керамика, глина, бамбук), например чашки и венчики для взбивания чая.

Коммуникативное событие «чайная церемония» разворачивается в динамике, поведение участников соответствует нормам, принятым в обществе: гейша является лишь ведущей чайной церемонии, сама заваривает чай и подает его гостям, но непосредственно наравне с другими не пьет его. Рассмотрим текстовый фрагмент романа А. Голдена:

(2) *I certainly wasn't expecting to be served tea; and in fact, nothing like this had happened to me since dinner at Mr. Tanaka's house years earlier. I bowed to thank her and took a few sips, so as not to seem rude.*

Из данного примера мы видим, что гейшу Сайюри удивляет приглашение присоединиться к церемонии на равных, по канонам поведения гейша должна была вежливо отказаться, но не сделала этого, чтобы угодить

данному конкретному господину. Мы наблюдаем своеобразный «конфликт прескриптивов» японской лингвокультуры — с одной стороны, «не следует самой принимать участие в чаепитии», с другой — «нужно стараться, чтобы гость чувствовал себя комфортно», при этом гейша осуществляет внутренний выбор из двух «конфликтующих» коммуникативных норм одной, наиболее значимой для неё. Скорее всего, критерием выбора коммуникативной тактики в поведении гейши является ориентация на стратегию сотрудничества (см., например, [Евдокимова 2017]), реализуемую не только в рамках лингвокультурного скрипта «чайная церемония», но и в коммуникативном поведении гейши в целом.

Целевые установки других участников ситуации — принять участие в чайной церемонии, получить удовольствие от напитка, визуальной и эстетической культуры его принятия и беседы во время чайной церемонии.

Из приведённого выше анализа лингвокультурного скрипта «чайная церемония» можно сделать следующие выводы об особенностях коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «гейша»:

1) прецедентная ситуация «чайная церемония» коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» характеризуется высоким уровнем ритуальности, строгости последовательности и содержания элементов церемонии;

2) от гейши — ведущей чайной церемонии ожидают высокого уровня соблюдения национальных традиций, уважения, соответствующего культурным ожиданиям и нормам поведения;

3) базовый прескриптив гейши при реализации лингвокультурного скрипта чайной церемонии может быть сформулирован следующим образом: «нужно стараться, чтобы гость чувствовал себя комфортно»;

4) реализация гейшей лингвокультурного скрипта «чайная церемония» происходит при помощи определённых тактик общения, продиктованных традициями культуры, а также соответствующих невербальных и знаково-символических средств, таких как чайный домик, чашки и бамбуковые венчики для взбивания чая, церемониальные движения при приготовлении чая, строгое, неподвижное выражение лица гейши во время церемонии заваривания и подачи чая;

5) в процессе реализации лингвокультурного скрипта может возникнуть «конфликт прескриптивов», при этом гейша осуществляет внутренний выбор одного из вариантов коммуникативного поведения, ориентируясь на коммуникативную стратегию сотрудничества.

3.1.2. Лингвокультурный скрипт «сопровождение клиента»

Исследование события «сопровождение клиента» позволяет проанализировать тактико-стратегическое поведение гейши в разных ситуациях реализации этого события при неизменных целевых и ценностных установках.

Сопровождение клиента осуществлялось гейшей как во время о-дзасики, так и в выходах в свет, на матчах сумоистов, в небольших путешествиях и прогулках.

Обратимся к ключевым концептам японской культуры, ассоциируемым с лингвокультурным скриптом «сопровождение клиента». В его основе, на наш взгляд, лежит концепт «счастье». Задача гейши — выглядеть счастливой женщиной, гости и клиенты должны видеть её излучающей состояние радости и удовольствия: на лице гейши непременно должна быть улыбка, тон её голоса должен быть музыкально-напевным, движения — плавными.

Лексико-семантическое поле концепта «счастье» образуют слова и лексические сочетания, представленные в следующих наиболее типичных примерах:

(3) *They know that the next time they visit Gion, she'll probably join them at the table for a while **to give them the pleasure of her company.***

(4) *Considering that Awajiumi had such an important job, it was to every geisha's advantage **to keep him happy.***

Мы видим из примеров, что языковое выражение концепта «счастье» (*to give them the pleasure of her company, to keep him happy*) связано с установкой на поддержание у клиента ощущение удовольствия от общения с ней.

Базовый прескриптив лингвокультурного скрипта «сопровождение клиента» может быть представлен следующим образом: «необходимо делать общение приятным для клиента, делать его счастливым».

Анализ материала исследования показал, что основная коммуникативная стратегия, используемая гейшей в прецедентной ситуации «сопровождение клиента», — стратегия сотрудничества. Для её реализации в общении с клиентами-мужчинами гейша использует комплекс коммуникативных тактик, тщательный подбор которых обеспечивает успех коммуникации и позволяет ей умело управлять не только актом общения, но и иногда мнением своего собеседника.

Рассмотрим некоторые тактики коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» при реализации стратегии сотрудничества в рамках лингвокультурного скрипта «сопровождение клиента».

Приведенные ниже реплики были произнесены гейшей Сайюри во время её разговора с инженером Нобу-сан на соревнованиях по сумо:

(5) *Perhaps Nobu-san would be kind enough to explain the rules of the match.*

(6) *I humbly beg to differ.*

Как видно из примеров, при обращении к клиенту гейша прибегает к тактике учтивости, используя вежливые формулы речевого этикета, представляющие собой сложноструктурированные высказывания, что позволяет выразить максимально возможное почтение к мужчине. Вместе с тем мы видим, что, наряду с уважением, гейша проявляет любознательность, интересуюсь правилами матча (тактика проявления интереса). Кроме того, для поддержания вовлечённости собеседника в диалог, гейша прибегает к коммуникативной тактике вежливого несогласия, демонстрируя независимость суждений. Примером может служить использование ею при обмене репликами с собеседником вежливой формулы несогласия *I humbly beg to differ / Осмелюсь не согласиться*.

Ещё одна коммуникативная тактика гейши, обнаруженная нами в исследуемом материале при анализе коммуникативных приёмов реализации лингвокультурного скрипта «сопровождение клиента», — тактика сдержанности.

(7) “*Certainly not!*” the Baron answered. <...> *there’s only one kind of man! And while we’re on this subject, here’s something for you to keep in mind: Every man seated here has at some point this afternoon thought of how much he would enjoy seeing you naked. What do you think of that?*”

I was sitting with my hands in my lap, gazing down at the wooden platform and trying to seem demure.

Как видим, юная гейша, несмотря на то что она смущена откровенными словами мужчины (о смущении говорят невербальные характеристики её поведения, репрезентированные предикатом с причастным боротом *sitting with my hands in my lap, gazing down at the wooden platform*), стремится выглядеть спокойной, уравновешенной (*trying to seem demure*), видимо, следуя наставлениям, полученным от старших гейш в процессе обучения профессии.

Стратегия сотрудничества в коммуникативном взаимодействии гейши с клиентом также может реализовываться посредством тактик согласия с собеседником и тактики учтивости, реализуемых невербальными средствами. Рассмотрим пример из диалога между инженером Нобу-сан и гейшей Сайюри.

(8) “*He [Baron]’s been a supporter of our company, and I owe him a great debt. But I don’t like to waste my time thinking about him when I don’t have to. Does that answer your question?*”

I bowed to him in reply, and he strode off down the hallway to the toilet, so quickly that I couldn’t reach the door first to open it for him.

В данном примере гейша выражает согласие с помощью невербального этикетного движения — поклона. Она не успевает совершить второе этикетное

движение — открыть дверь для мужчины, но сама интенция показательна. Можно сделать вывод о том, что при реализации гейшей тактики согласия и тактики учтивости вербальные средства в поведении коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» сочетаются с невербальными.

С позиций стилистики нами были отмечены случаи повтора лексико-грамматических конструкций в речи лингвокультурного типажа «гейша» при реализации лингвокультурного скрипта «сопровождение клиента». Рассмотрим следующий пример использования повтора в беседе гейши с клиентом о сумо:

(9) *What is sumo but a dance between giants? What is business but a dance between companies? I'd like to know about every kind of dance.*

В данном случае анафорический повтор является элементом эмоционально-художественного воздействия на адресата и используется адресантом для дополнительной актуализации высказывания, в котором проводится параллель между сумо и бизнесом (оба понятия, по мнению автора высказывания, напоминают танец), с тем чтобы как можно более полно донести мысль до слушателя, что свидетельствует о высоком интеллектуальном уровне говорящего. С. Т. Атажахова отмечает второстепенную ритмическую функцию повтора, способствующую более чёткой ритмической организации предложения, которая сопровождает другие функции повтора (Атажахова 2019). На наш взгляд, ритмическая функция повтора является одной из важнейших характеристик речи гейши.

К стилистическим особенностям речи лингвокультурного типажа «гейша» относится использование неоконченных фраз и усечённых конструкций. Рассмотрим в качестве примера диалог из фильма «Мемуары гейши», состоявшийся между гейшей Сайюри и доктором Крабом после её успешного выступления в театре.

(10) — *I hope my performance pleased you, doctor.*

— *Aah, you danced with such profound fury. <...>*

— *I most humbly thank you. <...> And I am most grateful. **If you have heard any gossip...***

— *Ah yes?*

— ***Then I hope you will follow your own advice.***

— *And what would that be, pray tell?*

— ***Seek a second opinion.*** (Marshall, Rob (Director). (2005). *Memoirs of a Geisha* [Film]. United States: Columbia Pictures).

В данном примере мы наблюдаем использование неоконченных фраз (*If you have heard any gossip...*), смысловых недосказанностей, создающих ситуацию интриги (*Then I hope you will follow your own advice...*). При этом

подобная ненавязчивая интрига сопряжена со сложной смысловой нагрузкой и одновременно с коммуникативной тактикой смысловой недосказанности и тактикой смены темы (на тему, интересующую гейшу). Также в рассматриваемом примере гейша использует короткие усечённые предложения (*Seek a second opinion*), прибегая к тактике прямого ответа, которая в данной коммуникативной ситуации является оптимальной для реализации стратегии сотрудничества.

Стратегия сотрудничества в коммуникативном поведении гейши может быть представлена тактикой положительной оценки и тактикой подчёркивания значимости. Рассмотрим ещё один диалог из анализируемого фильма — Сайюри беседует с женщиной при прогулке по вишневному саду Барона.

(11) — *Sayuri, <...> There's something I've been wanting to say to you for some time now. I'd like to... to thank your attention to Nobu-san. Nobu can be a difficult man. So severe. Hates parties, sake only in moderation. And he disdains geisha! But he... is fond of you.*

— ***Because you admire him, I respect him more.***

В данной коммуникативной ситуации гейша подчёркивая значимость мнения собеседника для неё, одобрительно высказываясь о друге, которым он восхищается. Отметим, что местоимение *you* в фильме Сайюри выделяет с помощью логического ударения, что усиливает эффект от выбранной тактики.

Таким образом, лингвокультурный скрипт «сопровождение клиента» реализуется лингвокультурным типажом «гейша» посредством грамотного использования коммуникативной стратегии сотрудничества и коммуникативных тактик сдержанности, учтивости, проявления интереса, вежливого несогласия, смысловой недосказанности, смены темы, прямого ответа, подчёркивания значимости, положительной оценки, а также вербальных и невербальных средств (лексики, выражающей концепт «счастья», речевых этикетных формул, анафорического повтора, этикетных движений).

3.1.3. Лингвокультурный скрипт «общение гейши с другими гейшами»

Общение с другими гейшами, как правило, затрагивает сферу профессиональной деятельности.

Проводя анализ лингвокультурных особенностей речи исследуемого коммуникативного лингвокультурного типажа, мы обратили внимание на её лаконичность, которая обнаруживается при общении гейко с гейшами-ученицами. Наставницей для героини фильма — юной Сайюри — стала Ма-меха, воплотившая (как и сама Сайюри) в фильме образ истинного величия и ценности японских гейш. Рассмотрим следующие примеры:

(12) *Don't kneel. You are not a servant girl anymore.*

(13) *Rise. Not like a horse.*

(14) *Don't drop your head. Fingertips together.*

Мы видим, что коммуникативное поведение старшей гейко характеризуется реализацией стратегии сотрудничества посредством тактики побуждения к действию. Речь гейши-наставницы в ситуации общения со своей ученицей чёткая и лаконичная — в примерах используются предложения в форме повелительного наклонения, как утвердительной, так и отрицательной, — но при этом экспрессивная и образная (гейко прибегает к сравнению *Not like a horse*). Стремление к лаконичности со стороны Мамехи обусловлено назидательным характером той информации, которую следует усвоить Сайюри перед тем, как выйти в свет. В наставлениях старших гейко проявляется кладезь женской мудрости, всех правил и тайн, эталонов поведения гейши в обществе мужчин. Отметим, что наставница чётко разграничивает социальное положение служанки и гейши на социальной лестнице, подчёркивая более высокий социальный статус гейши. При анализе грамматической структуры высказываний лингвокультурного типажа «гейша» мы также обратили внимание на факт наличия в них большого количества парцеллированных конструкций. Парцеллированная конструкция в примере (14) имеет двучленную структуру — имплицитную базовую часть (*Hold*) и парцеллят (*Fingertips together*), образованный в результате расчленения на смысловые единицы простого предложения *Hold your fingertips together*. Как отмечает А. А. Чуруксаева, «парцелляция в первую очередь выполняет функции детализации, что позволяет создавать эффект остановки взгляда на каком-то факте» (Чуруксаева 2008: 34). Е. М. Александрова и О. А. Астафьева приходят к выводу о том, что при парцелляции структура текста намеренно нарушается говорящим, в результате изменяется коммуникативная структура высказывания, происходит усиление эмоционального воздействия адресанта на адресата (Александрова, Астафьева 2015). Для гейши-наставницы важно интенсифицировать эмоциональное содержание высказывания, акцентируя внимание ученицы на необходимости контроля положения головы, ног и даже пальцев, что позволяет гейше достичь высшей степени грации как важной составляющей её профессионального мастерства.

Отметим, что в речевой коммуникации гейш друг с другом очень часто звучит слово *work* (работа, профессиональная деятельность). Рассмотрим примеры, в которых актуализован концепт «профессия»:

(15) *"If someone as senior as Granny works hard all day to make Ha-tsumomo's job easier, think how much harder you have to work."*

"Yes, Mother, I'll continue working very hard."

"I don't want to hear that you've upset Hatsumomo again. The other little girl manages to stay out of her way; you can do it too."

Мы видим из примера, что гейша есть в большей степени профессия, требующая максимального усердия. Под влиянием профессии формируются определенный стиль жизни и требования личности к самой себе. Это подтверждается и данными источников: к началу XIX века термин «гейся» (или «гейша») стал обозначением исключительно женской профессии (см., например, [Дмитриева 2004: 82]).

В беседе с главной героиней Чио старшая гейко противопоставляет статус гейши статусу куртизанки и статусу жены. Рассмотрим два отрывка:

(16) *Remember, Chiyo, geisha are not courtesans. And we are not wives. We sell our skills, not our bodies. We create another secret world. A place only of beauty. The very word “geisha” means “artist”. And to be a geisha is to be judged as a moving work of art.*

(17) *Agony and beauty, for us, live side by side. Your feet will suffer, your fingers will bleed. Even sitting and sleeping will be painful.*

Как видно из примеров, гейша отождествляет себя с особой социальной общностью, имеющей собственную систему ценностей. В отличие от куртизанок, гейши не продают своё тело. Не является гейша и женой, и хотя гейко не уточняет, какие именно признаки отличают гейшу от жены, с помощью анализа дефиниций слова «жена» в японском, английском и русском языках, а также приёма лингвистической интроспекции выделяем инвариантную базовую сему ‘состоящая в официальном браке’, а также вариативные ‘проживающая совместно с мужчиной’, ‘ведущая совместное с мужчиной хозяйство’. В отличие от жены, гейша не находится с мужчиной в брачных отношениях, зарегистрированных в установленном порядке, не проживает с ним и не ведёт с ним общее хозяйство. Кроме того, в данных фрагментах гейко, с одной стороны, подчёркивает главную отличительную особенность гейши как творческой личности, владеющей искусством создавать мир прекрасного и оцениваемой обществом как произведение искусства, с другой — указывает на ту тяжёлую цену, которую приходится платить гейше, достигающей совершенства в профессии тяжким трудом. Таким образом, к ценностям лингвокультурного типажа «гейша» относится беззаветная преданность своему делу. Грамматически высказывания гейши в данных примерах представлены простыми и нераспространёнными сложносочинёнными предложениями. Образность речи гейши усиливается за счёт метафор (*create another secret world, a moving work of art*), персонификации (*Agony and beauty, for us, live side by side*). М. В. Шатских отмечает, что «образные метафоры — это мощный инструмент воздействия на читателя, не потерявший свою актуальность в цифровую эпоху. Метафоры делают текст ярче и привлекают внимание читателя, они создают в сознании человека

конкретные образы, помогающие быстрее и доходчивее объяснить читателю точку зрения автора» (Шатских 2021: 109).

Из вышеприведённых примеров мы видим, что в коммуникативном поведении гейши манифестируются такие ценностные составляющие концепта «гейша», как стремление к совершенству, требовательность, даже безжалостность по отношению к себе.

В коммуникативных ситуациях разговоров гейши-наставницы с более молодой гейшей (своего рода протеже) проявляются тактики похвалы, покровительства, наставничества, поддержки, передачи опыта:

(18) *“You’re a clever girl, Sayuri. I don’t need to tell you what will become of your future if Dr. Crab or Nobu should lose interest in you. **You mustn’t let either of them think you’re paying too much attention to the other. But of course a certain amount of jealousy won’t do any harm. I’m certain you can manage it.**”*

Как мы видим из примера, в коммуникативных ситуациях взаимодействия гейш могут проявляться и тактики ревности, противоборства, соперничества, которое было связано со стремлением быть «лучшей», наиболее ценной, «дорогой», «красивой», «востребованной в обществе», о чём и предупреждает гейко свою ученицу.

Среди гейш могут выделяться «модельные личности», наиболее успешные гейши в представлении других гейш:

(19) *Whatever any of us may have thought about Hatsumomo, she was **like an empress in our okiya since she earned the income by which we all lived.***

(20) *It is Hatsumomo who **pays for your supper...the clothes on your back.** By the time she was 20... she had already **earned back her purchase price.** Unheard of.*

(21) *My danna is **a generous man and bought me most of these robes.** That’s why I’m **more successful than Hatsumomo.** She hasn’t had one in years.*

(22) *Someday, if you are fortunate, you will have **a patron** too.*

Мы видим из примеров, что в среде гейш успех гейши ассоциируется с умением зарабатывать самой и, по сути, содержать других гейш. Отметим использование гейшей сравнения *like an empress* — наиболее успешная гейша похожа на императрицу, которая, с одной стороны, профессионально выполняет свою «работу», с другой — обеспечивает средствами к существованию остальных. Ценностный аспект коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «гейша» также характеризуется стремлением гейши иметь покровителя (*danna*), что в понимании гейши является критерием успешности. В рассмотренных примерах мы наблюдаем актуализацию концепта «успех» как одного из ключевых концептов, входящих в концептосферу лингвокультурного типажа «гейша».

Следует отметить, что обсуждение тем, касающихся профессии, достаточно часто является содержанием речевого общения гейши с другими гейшами. В речи гейш содержатся лексемы *кимоно*, *прическа*, *осанка*, *танцы*, *макияж*, *белила*, *веер*, *банкет*, называющие всё то, что составляет предмет профессиональной сферы деятельности гейш. Рассмотрим следующие примеры:

(23) *“I’m very sorry, ma’am. I was looking at your **kimono**,” I told her. «I don’t think I’ve ever seen anything like it.”*

(24) *A geisha needs **an elegant wardrobe**... just like an artist needs ink. If she’s not **properly dressed**, then she is not a true geisha.*

По тематическому содержанию и использованию лексем *kimono*, *an elegant wardrobe*, *properly dressed* можно сделать выводы о том, что наиболее актуальными для гейш являются темы, связанные с содержанием их профессиональной деятельности. Мы также видим, что элементы наставлений могут присутствовать в общении гейш, примерно равных по статусу. Как видим, коммуникативное поведение гейш, не находящихся в статусе наставника и наставляемого, характеризуется стратегией сотрудничества, так же как и в ситуации с наставничеством. В рассматриваемых примерах гейко использует тактику передачи опыта. С позиций стилистики отметим использование метафорического сравнения гардероба гейши с чернилами художника — и то, и другое является важнейшим профессиональным атрибутом, без которого невозможна реализация в профессии.

Несмотря на то что в речи гейш в ситуациях общения друг с другом выявлено большое количество профессиональной лексики, их речь не содержит признаков лексики высокого стиля. Это объясняется тем, что гейши стремятся быть ближе к клиентам, быть понятными, вследствие чего лексика, используемая ими в речи, преимущественно общеупотребительная. Также нами не были обнаружены слова-архаизмы, вульгаризмы, бранная лексика.

Анализ материала показал, что одним из концептов, входящих в концептосферу лингвокультурного типажа «гейша», является концепт «сексуальность». Рассмотрим фрагмент из романа А. Голдена, в котором гейша Сайюри рассказывает о восприятии гейш мужчинами.

(25) *One night a man said to me: “Most of these innocent little girls have no idea **how provocative the ‘split peach’ hairstyle really is!** Imagine that you’re walking along behind a young geisha, thinking all sorts of naughty thoughts about what you might like to do to her, and then you see on her head this split-peach shape, **with a big splash of red inside the cleft** ... And what do you think of?”*

Собеседник гейши говорит о «провоцирующей» форме причёски гейш («форма расщепленного персика») и даже её цвете, навевающим определённые сексуальные ассоциации. С позиций стилистики мы видим, что во втором примере используется метафорический эпитет (*the 'split peach' hairstyle*), соединяющий в себе признаки метафоры (перенос названия по сходству формы причёски гейши с формой расщепленного персика) и эпитета (под эпитетом мы, вслед за Н. П. Булаховой и А. П. Сковородниковым, понимаем «экспрессивное, т. е. образное и / или эмоционально-оценочное определение предмета, явления, признака <...>, создающее или подчёркивающее (интенсифицирующее) их изобразительное качество и / или аксиологическую характеристику, и тем самым воздействующее на адресата» [Булахова, Сковородников 2017: 135]). Следует отметить, что мы обнаружили достаточно большое количество метафор, метафорических эпитетов и метафорических сравнений как в речи самих гейш, так и в высказываниях других персонажей, апеллирующих к концепту «гейша», что может стать предметом отдельного исследования.

4. Заключение

В результате анализа особенностей речевого поведения гейши на материале американского и японского кинодискурса и дискурса мемуарной прозы мы пришли к следующим основным выводам.

1. Коммуникативное поведение лингвокультурного типажа «гейша» в целом отличается высоким уровнем ритуальности, соблюдения протокола, традиционного хода церемонии, характеризуется реализацией стратегии сотрудничества в коммуникативном взаимодействии.

2. Базовые лингвокультурные скрипты коммуникативного поведения лингвокультурного типажа «гейша» сводятся к прецедентным ситуациям «чайная церемония», «сопровождение клиента», «общение с другими гейшами».

3. Важнейший прескриптив коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» в процессе реализации лингвокультурного скрипта «чайная церемония» может быть сформулирован следующим образом: «нужно стараться, чтобы гость чувствовал себя комфортно».

4. Ключевым прескриптивом лингвокультурного скрипта «сопровождение клиента» для коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» является следующий: «необходимо делать общение приятным для клиента, делать его счастливым».

5. Ключевым прескриптивом лингвокультурного скрипта «общение с другими гейшами» для коммуникативного лингвокультурного типажа

«гейша» является следующий: «необходимо делиться опытом с другими гейшами, наставлять и поддерживать их».

6. Стратегия сотрудничества в коммуникативном поведении лингвокультурного типажа «гейша» в рамках лингвокультурного скрипта «сопровождение клиента» характеризуется использованием гейшей комплекса коммуникативных тактик: тактики сдержанности, тактики учтивости, тактики проявления интереса, тактики вежливого несогласия, тактики смысловой недосказанности, тактики смены темы, тактики прямого ответа, тактики подчёркивания значимости, тактики положительной оценки. Речь гейши, обращённая к мужчине-собеседнику, содержит этикетные речевые формулы, выражающие уважение, согласие, несогласие, извинение, обращения, акцентирующие более высокий социальный статус мужчины, и характеризуется использованием сложноструктурированных высказываний, неоконченных фраз, смысловых недосказанностей, создающих ситуацию интриги. Также гейша прибегает к использованию невербальных средств коммуникации (этикетных движений).

7. Коммуникативное поведение лингвокультурного типажа «гейша» при общении с другими гейшами характеризуется использованием тактик побуждения к действию, похвалы, покровительства, наставничества, кооперации, поддержки, передачи опыта. Речь гейши при общении с другими гейшами отличается лаконичностью, использованием простых или нераспространённых сложносочинённых предложений, активным употреблением лексики, связанной с профессиональной сферой деятельности (*кимоно, гардероб, патрон*).

8. При реализации коммуникативным лингвокультурным типажом «гейша» лингвокультурных скриптов может возникнуть «конфликт прескриптивов», при этом гейша самостоятельно выбирает коммуникативную тактику и осуществляет внутренний выбор одной из двух коммуникативных норм, ориентируясь на стратегию сотрудничества как на ключевую.

9. Речь гейши отличается грамотностью, повышенной эмоциональной и смысловой наполненностью. Образность и экспрессивность речи гейши придают стилистические приёмы анафорического повтора, метафор и метафорических эпитетов, сравнений, персонификации, парцелляций, неоконченных фраз, интенсификации эмоционального содержания высказывания с помощью повелительного наклонения и коротких усечённых предложений.

10. Эмблематические характеристики коммуникативного лингвокультурного типажа «гейша» включают знако-символические средства невербальной коммуникации, связанные с церемонией приготовления чая. Реализация гейшей лингвокультурного скрипта «чайная церемония» происходит при помощи невербальных тактик общения, продиктованных традициями

культуры, а также соответствующих невербальных и знако-символических средств, таких как чайный домик, набор специальной посуды и инвентаря из керамики, глины, бамбука, церемониальные движения при приготовлении чая, строгое, неподвижное выражение лица гейши во время церемонии заваривания и подачи чая.

11. В коммуникативном поведении лингвокультурного типажа «гейша» манифестируются такие базовые ценностные составляющие концепта «гейша», как стремление к совершенству, требовательность, даже безжалостность по отношению к себе, преданность своему делу. Ключевыми концептами концептосферы лингвокультурного типажа «гейша» являются концепты «счастье» и «успех».

Список литературы / References

- Александрова Е. М., Астафьева О. А.* Парцелляция как экспрессивно-синтаксический приём расчленения текста (на материале коротких анекдотов) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 6 (48). Ч. I. С. 13–17. [Aleksandrova, Elena M., & Astaf'eva, Olga A. (2015) Partsellyatsiya kak ekspressivno-sintaksicheskii priem raschleneniya teksta (na materiale korotkikh anekdotov) (Parcelling as an Expressive Syntactical Means for the Fragmentation of a Text (by the Material of the Short Anecdotes). *Philology. Theory and Practice*, 6 (48), Part I, 13–17. (In Russian)].
- Атажахова С. Т.* Стилистические функции повторов в художественном тексте // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 2 (75). С. 341–343. [Atazhakhova, Saykhat T. (2019) Stilisticheskie funktsii povtorov v khudozhestvennom tekste (Stylistic Functions of Repetition in an Imaginary Text). *The World of Science, Culture and Education*, 2 (75), 341–343. (In Russian)].
- Афанаскина Н. Ю.* Киноперевод как объект исследования лингвистики, социологии, межкультурной коммуникации и теории перевода // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2017. № 4. С. 58–66. [Afanaskina, Natalya Yu. (2017) Kinoperevod kak ob'ekt issledovaniya lingvistiki, sotsiologii, mezhkul'turnoi kommunikatsii i teorii perevoda. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 4, 58–66. (In Russian)].
- Булахова Н. П., Сквородников А. П.* К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017. № 2. С. 122–143. [Bulakhova, Natalya P., & Skovorodnikov, Aleksandr P. (2017) K opredeleniyu ponyatiya ehpitet (predugotovlenie k funktsional'noi kharakteristike) (Concerning the Definition of Epithet (Preparation to the Functional Characteristic)). *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2, 122–143. (In Russian)]
- Гусева Э. Ю.* Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2012. Спецвыпуск. С. 24–26. [Guseva, Ella Yu. (2012) Kontseptual'nyi analiz kak metod lingvisticheskikh issledovaniy (Concept Analysis as a Method of Linguistic Research). *Intellect. Innovations. Investments, Special Issue*, 24–26. (In Russian)].

- Джинджолия Г. П. Коммуникативный типаж «мымра» // Научные записки Луганского национального университета. 2013. № 2. С. 212–235. [Dzhindzholiya, Gigla P. (2013) Kommunikativnyi tipazh «mymra» (Communicative type “mymra”). *Nauchnye zapiski Luganskogo natsional'nogo universiteta*, 2, 212–235. (In Russian)].
- Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 606–622. [Dem'yankov, Valery Z. (2007) Termin “kontsept” kak element terminologicheskoi kul'tury (The Concept “Term” as an Element of Terminological Culture). *Yazyk kak materiya smysla: sb. statei v chest' akademika N. Yu. Shvedovoi* (Language as a Matter of Meaning: a Collection of Papers in Honor of Academician Shvedova N. Yu.). Moscow: Izdatel'skii tsentr “Azbu-kovnik”, 606–622. (In Russian)].
- Дмитриева И. И. Гейша — носительница традиций Японии // Дискурс-Пи. 2004. Т. 4. № 1. С. 81–85. [Dmitrieva, Irina I. (2004) Geisha — nositel'nitsa traditsii Yaponii (Geisha as a Bearer of Japanese Traditions). *Diskurs-Pi*, Vol. 4, Iss. 1, 81–85. (In Russian)].
- Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажии России и Франции XIX века: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. [Dmitrieva, Olga A. (2007) *Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Frantsii XIX veka: monografiya* (Linguocultural Archetypes of Russia and France of XIX Century: Monograph). Volgograd: Izd-vo VGPU “Peremena”. (In Russian)].
- Дмитриева О. А., Мурзинова И. А. Теория лингвокультурных типажей: учебное пособие. Издательские решения, 2016. [Dmitrieva, Olga A., & Murzinova, Irina A. (2016) *Teoriya lingvokul'turnykh tipazhei* (Theory of Linguocultural Archetypes): *uchebnoe posobie*. Izdatel'skie resheniya. (In Russian)].
- Евдокимова (Уразгалиева) О. А. Коммуникативная стратегия сотрудничества как разновидность кооперативной стратегии // Современные исследования в филологии, лингводидактике и журналистике: материалы конференции. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2017. С. 216–219. [Evdokimova (Urazgalieva), Oksana A. (2017) Kommunikativnaya strategiya sotrudnichestva kak raznovidnost' kooperativnoi strategii (Communicative Strategy of Collaboration as a Type of Cooperative Strategy). *Sovremennye issledovaniya v filologii, lingvodidaktike i zhurnalistike: materialy konferentsii* (Modern Studies in Philology, Linguodidactics and Journalism: Proceedings of the Conference). Astrakhan': ID “Astrakhanskiy universitet”, 216–219. (In Russian)].
- Ежик Е. С. Концепт в аспекте эмотиологии: к постановке вопроса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 49–59. [Ezhik, Evgeniya S. (2021) Kontsept v aspekte ehmotiologii: k postanovke voprosa (The Concept in the Context of Emotiology: Problems and Issues). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 49–59. (In Russian)].
- Зубкова Я. В. Лингвокультурные скрипты в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2008. № 5 (29). С. 34–38. [Zubkova, Yana V. (2008) Lingvokul'turnye skripty v akademicheskom diskurse. *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University. Seriya «Filologicheskie nauki»*. 2008. № 5 (29), 34–38. (In Russian)].

- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. [Karasik, Vladimir I. (2002) *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. № 2. С. 130–159. [Karasik, Vladimir I. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty: podkhody k izucheniyu* (Linguocultural Concepts: Approaches to Study). *Sotsiolingvistika vchera i segodnya*, 2, 130–159. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25–61. [Karasik, Vladimir I. (2005) *Lingvokul'turnyi tipazh "russkii intelligent"* (Linguocultural Archetype "Russian Intellectual). In Karasik, Vladimir I. (ed.) *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: Sb. nauch. tr.* (Axiological Linguistics: Linguocultural Archetypes: Collection of Scientific Papers). Volgograd: Paradigma, 25–61. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Языковая личность как предмет изучения антропологической лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 62. № 8. С. 109–115. [Karasik, Vladimir I. (2011) *Yazykovaya lichnost' kak predmet izucheniya antropologicheskoy lingvistiki* (Linguistic Personality as the Subject of Anthropological Linguistics Study). *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, Vol. 62, Iss. 8, 109–115. (In Russian)].
- Карасик В. И.* Эмблематические характеристики лингвокультурных скриптов // Язык. Культура. Перевод: научные парадигмы и практические аспекты: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Одинцово, 20–21 февраля 2020 г.). В двух частях. Часть I / Под ред. В. А. Иконниковой, Н. Д. Паршиной. Москва: Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 2020. С. 42–46. [Karasik, Vladimir I. (2020) *Ehblematicheskie kharakteristiki lingvokul'turnykh skriptov* (Emblematic Properties of Linguistic Cultural Scripts). In Ikonnikova, Valentina A., & Parshina, Natalia D. (eds.) *Yazyk. Kul'tura. Perevod: nauchnye paradigm i prakticheskie aspekty: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Odintsovo, 20–21 fevralya 2020 g.). V dvukh chastyakh. Chast' I* (Language. Culture. Translation: Research Paradigms and Practical Aspects: Proceedings of International Scientific and Practical Conference (Odintsovo, February 20–21, 2020). In two parts. Part I). Moscow: Odintsovo Campus of MGIMO University, 42–46. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yury N. (1987) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* (The Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)]
- Карасик В. И., Дмитриева О. А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия. // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25. [Karasik, Vladimir I., & Dmitrieva, Olga A. (2005) *Lingvokul'turnyi tipazh: k opredeleniyu ponyatiya* (Linguocultural Archetype: Definition). In Karasik, Vladimir I. (ed.) *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi: Sb. nauch. tr.* (Axiological Linguistics: Linguocultural Archetypes: Collection of Scientific Papers). Volgograd: Paradigma, 5–25. (In Russian)].
- Колосова Т. Ю., Коробова Н. В., Уханова О. А.* Кинотекст как средство реализации (кино)дискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического

- университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 41. С. 39–47. [Kolosova, Tatyana Yu., Korobova, Natalya V., & Ukhanova, Olga A. (2018) Kinotekst kak sredstvo realizatsii (kino)diskursa (Film Construct as Realization of Film Discourse). *LUNN Bulletin*, 41, 39–47. (In Russian)].
- Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-центр, 1997. [Cole, Michael. (1997) *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* (Cultural-historical psychology). Moscow: Kogito-tsentr. (In Russian)].
- Мироненко М. В. Шутник как коммуникативная личность: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. [Mironenko, Marina V. (2005) *Shutnik kak kommunikativnaya lichnost'*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (Joker as a Communicative Personality: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Volgograd. (In Russian)].
- Мискичева А. С., Поспелова Н. В. Лингвокультурный типаж LONE RANGER: дефиниционный анализ // Наукосфера. 2020. № 10-1. С. 112–115. [Miskicheva, Aleksandra S. & Pospelova, Nadezhda V. (2020) Lingvokul'turnyi tipazh LONE RANGER: definitsionnyi analiz (LONE RANGER Linguistic and Cultural Type: Definitional Analysis). *Naukosfera*, 10-1, 112–115. (In Russian)].
- Моторина Н. В. Лингвокультурные скрипты коммуникативного поведения: монография. Волгоград: ВолгГТУ, 2015. [Motorina, Natalya V. (2015) *Lingvokul'turnye skripty kommunikativnogo povedeniya: monografiya* (Linguocultural Scripts of Communicative Behavior: Monograph). Volgograd: VolgGTU. (In Russian)].
- Мурзинова И. А. О соотношении понятий «лингвокультурный типаж» и «коммуникативный типаж» // Российская наука в современном мире: Сборник статей XXX Международной научно-практической конференции. Часть II. М.: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2020. С. 88–92. [Murzinova, Irina A. (2020) O sootnoshenii ponyatii «lingvokul'turnyi tipazh» i «kommunikativnyi tipazh» (On Correlation between the Concepts “Linguocultural Archetype” and “Communicative Archetype”). *Rossiiskaya nauka v sovremennom mire: Sbornik statei XXX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' II* (Russian Science in Modern World: Proceedings of XXX International Scientific and Practical Conference. Part II). Moscow: «Nauchno-izdatel'skii tsentr «Aktual'nost'.RF», 88–92. (In Russian)].
- Мухаметова А. И. Функции японоязычных вкраплений в романах А. Голдена «Мемуары гейши» и М. Ивасаки «Гейша из района Гион» // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Том 15. № 2. С. 69–73. [Mukhametova, Anna I. (2018) Funktsii yaponoyazychnykh vkraplenii v romanakh A. Goldena «Memuary geishi» i M. Iwasaki «Geisha iz raiona Gion» (Functions of the Japanese Language Inclusions in the Novels of A. Golden's “Memoirs of a Geisha” and M. Iwasaki's “Geisha of Gion”). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, Vol. 15, Iss. 2, 69–73. (In Russian)].
- Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. трудов. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С. 112–116. [Neroznak, Vladimir P. (1996) Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny (Linguistic Personology: Defining the Status of Discipline). *Yazyk. Poetika. Perevod: sb. nauch. trudov* (Language. Poetics. Translation: Collection of Scientific Papers). Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 112–116. (In Russian)].
- Никишина И. Ю. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, И. А. Изотов. Вып. 21. М:

- МАКС Пресс. 2002. С. 5–7. [Nikishina, Irina Yu. (2002) Ponyatie “kontsept” v kognitivnoi lingvistike (The Notion “Concept” in Cognitive Linguistics). In Kranykh, Viktor V., & Izotov, Indrey A. (eds.) *Yazyk. Soznanie. Kommunikatsiya: Sb. statei* (Language. Consciousness. Communication: Collection of Papers), Issue 21. Moscow: MAKS Press, 5–7. (In Russian)].
- Панченко Н. Н. Коммуникативный типаж «притворщик» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (148). Филология. Искусствоведение. Вып. 30. С. 94–98. [Panchenko, Nadezhda N. (2009) Kommunikativnyi tipazh «prityvorshchik» (Communicative Type “Pretender”). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 10 (148). Philology. Art history, 30, 94–98. (In Russian)].
- Попова Т. Г., Саушева Е. В. Факторы, влияющие на формирование национального характера // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 45. С. 57–66. [Popova, Tatyana G., & Sausheva, Elena V. (2019) Faktory, vliyayushchie na formirovanie natsional'nogo kharaktera (Factors Influencing the Formation of a National Character). *LUNN Bulletin*, 45, 57–66. (In Russian)].
- Рыжкина А. А. О методах анализа концепта // Вестник ОГУ. 2014. Вып. 11 (172). С. 117–120. [Ryzhkina, Alisa A. (2014) O metodakh analiza kontsepta (On Methods of Analysis of Concept). *Vestnik of the Orenburg State University*, 11 (172), 117–120. (In Russian)]
- Умирзакова З. А. Об изучении коммуникативного поведения в лингвистике // Norwegian Journal of development of the International Science. 2018. № 16. С. 59–61. [Umirzakova, Zaure A. (2018) Ob izuchenii kommunikativnogo povedeniya v lingvistike (On Studying Communicative Behaviour in Linguistic). *Norwegian Journal of development of the International Science*, 16, 59–61. (In Russian)].
- Чуруксаева А. А. Усеченные высказывания в функциональном поле «рубленые конструкции» // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 33–34. [Churuksaeva, Anna A. (2008) Usechennye vyskazyvaniya v funktsional'nom pole “rublenye konstruktсии” (Shortened Constructions in the Functional Field “Chopped Constructions”). *Tomsk State University Journal*, 317, 33–34. (In Russian)].
- Шатских М. В. Метафора как базовый компонент эмоционального пространства текстового материала // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 96–111. [Shatskikh, Marina V. (2021) Metafora kak bazovyi komponent ehmtsional'nogo prostranstva tekstovogo materiala (Metaphor as a Basic Component of the Emotional Space of Texts). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 96–111. (In Russian)].
- Becker, Joseph E. (2007) *The Nightless City: Geisha and Courtesan Life in Old Tokyo*. Mineola, N. Y.: Dover Publications, Inc.
- Dalby, Liza C. (2000) *Geisha*. London: Vintage.
- Goddard, Cliff. (2006) *Ethnopragmatics: Understanding Discourse in Cultural Context*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Downer, Lesley. (2002) *Women of the Pleasure Quarters. The Secret History of the Geisha*. N. Y.: Broadway Books.
- Habermas, Jürgen. (1984) *The Theory of Communicative Action*. London: Heinemann, Vol. 1.
- Varley, Paul. (2015) *Japanese Culture*. Honolulu: University of Hawaii Press (4th ed.).
- Wierzbicka, Anna. (1996) Japanese Cultural Scripts: Cultural Psychology and “Cultural Grammar”. *Ethos*, Vol. 24, Iss. 3, 527–555.

- Wierzbicka, Anna. (2006) *English: Meaning and Culture*. New York: Oxford University Press.
- Wong, Jock. (2004) Cultural Scripts, Ways of Speaking and Perceptions of Personal Autonomy: Anglo English vs. Singapore English. *Intercultural Pragmatics*, 1 (2), 231–248.
- Yoon, Kyung-joo. (2004) Not Just Words: Korean Social Models and the Use of Honorifics. *Intercultural Pragmatics*, 1 (2), 189–210.
- Ye, Zhengdao. (2004) Chinese Categorization of Interpersonal Relationships and the Cultural Logic of Chinese Social Interaction: An Indigenous Perspective. *Intercultural Pragmatics*, 1 (2), 211–230.

Источник языкового материала / Language material resource

- Golden, Arthur. (2005) *Memoirs of a Geisha*. New York: Vintage Books.
- Marshall, Rob (Director). (2005). *Memoirs of a Geisha* [Film]. United States: Columbia Pictures.

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-115-129

ОСНОВЫ РАБОТЫ ПЕРЕВОДЧИКА С ТЕКСТОМ КАК ПРОПЕДЕВТИЧЕСКИЙ КУРС ПЕРЕВОДА

М. Ю. Родионова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

При обучении студентов-переводчиков преподаватели перевода все чаще обращают внимание на проблемы, связанные с непониманием текста как на иностранном, так и на родном языке. Это связывают с ростом функциональной неграмотности, низким уровнем владения родным языком и клиповым мышлением. Присущая клиповому мышлению фрагментарность восприятия получаемой информации затрудняет восприятие текста как целостной коммуникативной единицы, имеющей определенную структуру и совокупность смыслов. При подготовке переводчиков необходимо не приспособливать процесс обучения к клиповому мышлению студентов, а развивать у них полноценное системное мышление и способность воспринимать тексты большого объема. Умение воспринимать исходный текст как целостную структурно-семантическую единицу и порождать текст, также обладающий структурно-семантической целостностью, является одним из ключевых для профессиональной деятельности будущего переводчика. В образовательных программах вузов представлен обширный набор профессиональных переводческих компетенций, которыми овладевают студенты-переводчики в процессе обучения. Но при этом не уделяется должного внимания формированию основного для профессии переводчика навыка — умения читать текст профессионально, для чего необходима целенаправленная работа по обучению студентов-переводчиков работе с текстом в рамках отдельного учебного курса. Целесообразно вводить такой курс на начальном этапе обучения, то есть на этапе, предшествующем курсам межъязыкового перевода. Поскольку именно в рамках этого курса начинается формирование тех умений, которые впоследствии составят основу профессиональной компетенции переводчика.

Ключевые слова: восприятие текста; порождение текста; структурно-семантическая целостность; клиповое мышление; обучение пониманию текста.

Цитирование: Родионова М. Ю. Основы работы переводчика с текстом как пропедевтический курс перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 115–129.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-115-129.

Basics of Working on a Text as a Preliminary Translation Course

Maria Yu. Rodionova

N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Translation teachers are often confronted with the situation when students have problems understanding the original text both in a foreign language and in their mother tongue. It can be accounted for by an increase in functional illiteracy, a low level of native language proficiency, and clip thinking. Fragmented perception of information, inherent to the clip mentality, makes it difficult to perceive a text as an integral communicative unit with a certain structure and a set of meanings. When training translators, it is important to develop in students full systemic thinking and the ability to perceive large texts rather than adapt the learning process to their clip thinking. The ability to perceive the source text as an integral structural-semantic unit and then to generate a text that is also characterized by structural-semantic integrity, is one of the key professional skills to be developed in translation students. However, among the many professional competences that universities seek to develop in translation students, one of the main skills — the ability to read a text professionally — is conspicuously absent. Developing this skill requires a painstaking purpose-driven process of teaching students to work on texts. An expedient way to do this may involve launching a special course at the initial stage of training, i. e. at the stage preceding interlingual translation courses, since it is in this course that the formation of basic professional competences begins.

Key words: perceiving a text; producing a text; structural-semantic integrity; clip thinking; text comprehension training.

Citation: Rodionova, Maria Yu. (2023) Basics of Working on a Text as a Preliminary Translation Course. *LUNN Bulletin*, 2 (62), 115–129. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-115-129.

1. Введение

В настоящее время преподаватели перевода все чаще и чаще говорят о том, что студенты-переводчики не воспринимают текст как целостную единицу, не видят в нем логических связей, не знают правил лексической сочетаемости. И такие комментарии можно слышать не только при работе с текстами на иностранном языке, что отчасти можно списать на недостаточный уровень владения иностранным языком, но и при работе с текстами на родном языке. Это связывают с отсутствием навыка чтения более или менее длинных текстов, с клиповым мышлением и развитием функциональной неграмотности, уровень которой, как отмечают многие исследователи, стремительно растет (Vágvölgyi, Coldea, Dresler, Schrader, Nuerk 2016). К проявлениям функциональной неграмотности можно отнести недостаточную сформированность речевых умений, ведущую к неправильному пониманию или искажению смысла при восприятии чужих высказываний, а также к неспособности чётко и логично выразить свои собственные мысли. Среди причин роста функциональной неграмотности называют резкое сокращение объема чтения литературных, публицистических и научно-популярных

текстов, то есть тех текстов, в которых в полной мере реализуется принцип связанного логического изложения информации, а репертуар лексических единиц таких текстов богат и разнообразен.

Способствуют росту функциональной неграмотности и серьезные изменения в информационном пространстве, где постоянно увеличивается количество рекламных и информационных текстов, ориентированных на получателя с весьма низким уровнем языковой культуры. Это прослеживается как на уровне лексики, когда нарушается лексическая сочетаемость слов, очень часто употребляемых без учета оттенков их значения, так и на уровне грамматики. Снижение общей грамотности в области русского языка затрагивает и переводческую деятельность. Как отмечает В. В. Сдобников, «переводчики часто производят тексты на русском языке, содержащие нарушения норм и узуса русского языка, нарушения правил и конвенций, в соответствии с которыми создаются тексты соответствующих жанров. Наиболее часто это явление наблюдается в печатных и особенно электронных СМИ, содержащих переводные материалы» (Сдобников 2022: 98).

Усугубляет ситуацию возрастающий объем общения в мессенджерах и чатах, что представляет собой совсем другой тип общения, предполагающий восприятие и порождение других типов текстов (если их вообще можно назвать текстами). В последнее время многие исследователи говорят о формировании особого вида коммуникативного взаимодействия — «компьютерно-опосредованной коммуникации» — и о специфике письменной разговорной речи в условиях такого взаимодействия (Голошубина 2015: 208). Такой тип общения специалисты стали называть определенной разновидностью языка, которая получила широкое распространение у молодого поколения, что и поспособствовало формированию клипового мышления, отличающегося фрагментарностью восприятия информации. Этот тип мышления противопоставлен системному мышлению, которое помогает систематизировать всю получаемую извне информацию, выполняя все логические операции последовательно. Влиянию цифровой информационной среды на формирование особого типа мышления посвящено много работ как российских, так и зарубежных исследователей (Fisher, Goddu, Keil 2015; Mills 2016; Пищальникова 2021). Изучая феномен клипового мышления, многие говорят о необходимости учитывать этот новый тип мышления в процессе обучения, подчеркивая тот факт, что «гораздо продуктивнее было бы использовать те образовательные технологии, которые бы наиболее оптимально учитывали особенности клипового мышления» (Старицина 2018: 270). Так, к клиповому мышлению стали приспосабливаться создатели и разработчики образовательных программ, призывая принимать клиповое мышления студентов как данность современного общества и подстраивать, адаптировать

учебный материал под особенности клипового восприятия. А. Л. Крайнов пишет: «Клиповое мышление молодежи следует воспринимать как данность и вырабатывать новые образовательные практики, способствующие максимальной активизации преимуществ данного вида мышления. Несомненным является факт, согласно которому бороться с феноменом клипового мышления на фоне возрастающей роли информационных технологий в жизни общества не представляется возможным» (Крайнов 2019: 265). Даже если признать целесообразность адаптации процесса преподавания к новому типу мышления при изучении определенных дисциплин, такой подход при обучении студентов-переводчиков нельзя считать целесообразным, поскольку процесс перевода предполагает работу с текстом как с целостной структурно-семантической единицей, где логика изложения, внутритекстовые связи и имплицитные компоненты являются такими же значимыми компонентами, как и фактическая информация.

2. Постановка проблемы

Профессиональную деятельность переводчика можно охарактеризовать как способность извлекать информацию из текста оригинала и представлять ее средствами другого языка. При этом качество перевода полностью зависит от того, насколько полно переводчик понял исходный текст и насколько точно он сумел выразить на переводящем языке всю извлеченную из текста информацию. Отсутствие полного понимания исходного текста приводит к неприемлемому переводу. Ответ на вопрос о том, чем «приемлемый» перевод может отличаться от перевода неприемлемого, представляется достаточно простым: «текст на переводящем языке всегда должен оставаться именно текстом, то есть, он должен характеризоваться такими признаками, как целостность (логико-семантическая и грамматическая соотнесенность и взаимозависимость составляющих его элементов), когерентность и когезия, логическая и структурная завершенность, предполагающая проспекцию и ретроспекцию, членимость, завершенность» (Петрова 2019: 77). Кроме того, на качество перевода негативно влияет нехватка навыков порождения текста с заданными коммуникативными и структурно-семантическими характеристиками. Именно формирование и развитие таких навыков является целью обучения профессиональной переводческой деятельности.

В образовательных программах вузов представлен обширный список профессиональных переводческих компетенций, которыми овладевают студенты-переводчики в процессе обучения. Среди этих компетенций можно отметить и способность осуществлять предпереводческий анализ текста, и владение основными способами достижения эквивалентности в переводе, и способность применять основные приемы перевода, и знание основ теории

перевода и т. д. Но при этом не уделяется должного внимания формированию основного для профессии переводчика навыка — умения читать текст профессионально, максимально полно извлекая из него заложенную автором информацию. Все чаще преподаватели перевода отмечают, что основной причиной ошибок в студенческих переводах становится непонимание текста оригинала, указывая на то, что «эти проблемы возникают в результате формирования у студентов клипового мышления, приводящего к фрагментарному восприятию текста», а как следствие — к неспособности «воспринимать текст как целостную единицу, проследить внутритекстовые связи» (Петрова 2022: 51).

3. Материал наблюдения

Организуя аудиторную и внеаудиторную работу студентов-переводчиков, каждый преподаватель «должен осознавать, какие умения и навыки будут сформированы в результате разных форм такой работы и каким образом они будут использованы в дальнейшей профессиональной деятельности студентов» (Иванов, Сдобников 2020: 118). Традиционно первым шагом при обучении письменному переводу является знакомство студентов с техникой предпереводческого анализа текста. Во многих работах европейских переводчиков, таких как М. Бейкер, К. Норд, можно проследить соотношение предпереводческого анализа с изучением структуры и прагматики текста (Baker 1992; Nord 2005). Наблюдения за тем, как студенты воспринимают предложенный для перевода текст, как выполняют предпереводческий анализ, как отвечают на вопросы преподавателя после того, как они прочитали текст, и какой перевод они в итоге предлагают, привели к выводу о том, что студентов-переводчиков необходимо обучать всем аспектам текстовой деятельности, которая определяется как «система действий на основе знаний, навыков и умений, позволяющих создавать тексты и воспринимать, интерпретировать их» (Жеребило 2010: 395). Так, говоря о параметрах предпереводческого анализа текста, многие переводоведы предлагают алгоритмы, которые включают в себя не только «сбор внешних данных о тексте (источник, реципиент), определение состава информации (когнитивная, оперативная, эмотивная, эстетическая), определение коммуникативно-прагматической функции текста (мотивационные установки, система пресуппозиций, импликации)», но и действия, связанные с «определением типа и жанра текста (конвенциональные параметры текста, средства когезии, тема-рематическое членение предложений), лексико-синтаксический анализ текста (видо-временные формы глагола, синтаксические структуры, лексические средства, стилистические средства)» (Королькова 2013: 53). Опыт показывает,

что на занятиях по переводу, кроме полноценного предпереводческого анализа, необходимо проверять, насколько правильно студенты понимают смысл сказанного в тексте оригинала. Проверить это достаточно легко, попросив студентов перефразировать исходное предложение или фрагмент текста «своими словами». Оказывается, что при перефразировании бывает сложно выразить смысл сказанного в тексте, оторваться от синтаксических конструкций, используемых в тексте, и подобрать синонимы к употребленным в исходном тексте словам и словосочетаниям даже в том случае, если задание на перефразирование выполняется на родном языке. Как отмечает Ю. О. Стрекаловская, будущих переводчиков необходимо «обучать основам внутриязыкового переформулирования для обогащения их словарного запаса и, как следствие, развития вербальной лабильности, необходимой для быстрого и четкого формулирования мысли на переводящем языке» (Стрекаловская 2018: 134). Е. Р. Поршнева, говоря о языковом обучении будущих переводчиков, подчеркивает, что освоение навыков внутриязыкового перевода, который основывается на умении переформулировать и перефразировать сказанное другими словами, позволяет обучающимся «научиться извлекать и переформулировать смысл, реферировать и развертывать текст, объяснять и определять различные понятия», что является профессионально значимыми умениями для будущего переводчика (Поршнева 2015: 141).

Схожие проблемы можно наблюдать и на занятиях в рамках курса по культуре речевого общения на иностранном языке. Особенно остро эти проблемы проявляются на занятиях по домашнему чтению, которые построены на работе с достаточно объемным текстом художественного произведения, например рассказа, и нацелены на формирование у студентов-переводчиков профессионально значимого навыка анализа текста, на обогащение словарного запаса и понимание стоящих за лексическими единицами концептов.

При работе с текстом как на занятиях по практике языка, так и на занятиях по переводу студенты сталкиваются со схожими проблемами: сложности возникают с кратким и лаконичным пересказом прочитанного текста (*the summary of the text*), с формулировкой основной мысли текста (*the message*). Затруднительными оказываются задания, предполагающие ответы на вопросы, в случае если вопросы сформулированы так, что не содержат слов, непосредственно используемых в тексте. Такая формулировка вопросов не позволяет чисто механически соотнести вопрос с определенным фрагментом текста, не поняв смысл текста. Проблемы возникают с выявлением логических связей как между частями текста, так и между отдельными (даже стоящими рядом) предложениями, что является результатом фрагментарности восприятия. Сложности представляют задания, нацеленные на соотнесение двух и более высказываний по содержанию и даже стилю.

4. Результаты наблюдений и их обсуждение

Безусловно, все вышеперечисленные проблемы не могут сосуществовать с успешной профессиональной деятельностью переводчика и должны быть решены в процессе обучения переводческой деятельности. Для формирования и развития соответствующих навыков необходимо выполнять задания и упражнения, ориентированные на развитие каждого из этих умений, с последующей интеграцией их в задания на целостное восприятие текста.

Итак, обобщив все наблюдения, полученные эмпирическим путем, можно сделать вывод о том, что именно в рамках родного языка необходимо формировать навыки работы с текстом, которые потом успешно могут быть перенесены в работу как на занятиях по практике иностранного языка, так и на занятиях по переводу. Необходимо отметить, что, кроме существующего в учебных планах курса русского языка и культуры речи, который имеет свои, не менее важные задачи, студентам-переводчикам необходим специальный курс, направленный на обучение работе с текстом, в рамках которого можно было бы учить студентов-переводчиков воспринимать текст и как целостную семантическую и коммуникативную единицу, имеющую определенную структуру, и как совокупность образующих его смыслов. Перифразирование, поиски синонимических средств выражения, сравнение этих средств позволяют формировать у студентов представление о нормах лексической сочетаемости, о регистровой принадлежности слов, расширяют их словарный запас. Обучение текстовой деятельности предполагает и задания, связанные с культурой речи.

Именно поэтому в Высшей школе перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова разработан и введен в учебный план курс «Основы работы переводчика с текстом», построенный на основе пособия «Читаем и понимаем текст» (Петрова, Родионова 2021), предназначенного для начального этапа обучения, предшествующего курсам межъязыкового перевода. В ходе работы над пособием некоторые упражнения были апробированы авторами на занятиях по переводу у студентов 3-го курса, чтобы предварительно проверить целесообразность предлагаемых заданий. Среди заданий, вызвавших наибольшие затруднения, О. В. Петрова, один из авторов пособия, отмечает задания, предполагающие перифразирование фрагментов текста с учётом требований строить предложения заданного синтаксического типа, нахождение фрагмента текста не по заданным словам, а по выражаемому ими смыслу, выявление смысла определенного фрагмента текста (Петрова 2021: 26).

Таким образом, пособие нацелено на то, чтобы помочь студентам приобрести одно из самых важных профессиональных умений переводчика — умение читать и воспринимать текст как единое смысловое целое, видеть, как текст построен, как связаны между собой его части. В пособии на очень

доступном уровне, ориентированном на знания студентов, которые они получили в школе, рассказывается о том, что такое текст, как он рождается, какими бывают тексты, от чего зависит выбор автором той или иной структуры текста, того или иного жанра и как переводчик должен читать текст.

Каждый теоретический параграф завершается практическим заданием, что дает возможность увидеть, насколько был усвоен материал. Так, например, после параграфа, в котором объясняется, что такое структура текста и насколько структурно тексты могут отличаться, предлагается задание на определение структуры нескольких небольших текстов. В параграфе «Адресат текста» наглядно показано, как в зависимости от целевой аудитории читателей в текстах об одних и тех же событиях будут отличаться стиль, лексическое оформление и даже полнота описания этих событий, а затем предложены задания на определение целевой аудитории для нескольких текстов и на адаптацию предложенного текста к заданной целевой аудитории.

Завершает теоретическую часть пособия параграф о том, что такое профессиональное прочтение текста и почему способность выполнять такое прочтение становится основой для успешной переводческой деятельности. Для того чтобы продемонстрировать, что переводчик должен научиться воспринимать текст нелинейно, выстраивать связи между определенными фрагментами, в пособии подробно разобрано упражнение на анализ искусственно сконструированного текста, в котором все слова заменены на вымышленные, но при этом сохранены все грамматические формы и все служебные слова. Таким образом при отсутствии лексического наполнения, что обычно считается основным источником информации о содержании текста, процесс прочтения и понимания текста будет основываться только на знании грамматики и умении видеть, как внутри текста связаны между собой слова и словоформы и в какие отношения они вступают.

Вторая часть пособия, состоящая из 10 уроков, в основе которых лежат тексты, представляющие собой эссе на различные темы, связанные с жизнью современного общества, нацелена на выполнение практических упражнений, направленных на развитие умений и навыков, связанных с выявлением внутритекстовых связей, с извлечением информации из текста, с перефразированием отдельных его фрагментов в соответствии с заданными требованиями.

В начале работы над текстом студентам предлагается ответить на вопросы, ориентирующие их на соотнесение содержания текста с собственными знаниями и собственным отношением к обсуждаемой теме, например: *согласны ли вы с высказанным мнением? на что бы вы хотели возразить? что бы вы могли добавить к сказанному автором?* Вопросы такого типа

направлены на то, чтобы спровоцировать студентов задуматься на тему, которая обсуждается в тексте, четко сформулировать проблематику текста, а затем и свою точку зрения на проблему. После определенного погружения в тему предлагается выполнить задания, призванные сформировать навыки профессионального переводческого восприятия текста, умение извлекать из текста смысл и выражать его в другом формате. Так, для абзаца текста: «Человек — неотъемлемая часть природы. Но за короткий (в масштабах истории) период эта аксиома подверглась значительной инфляции — настолько, что в конце ее можно смело ставить знак вопроса. Так что же есть человек? Часть природы? Её враг? Или человек стоит над природой?» — задания сформулированы следующим образом:

Сформулируйте смысл первого абзаца, выразив его

- а) сложноподчиненным предложением с одним придаточным;*
- б) одним простым предложением.*

Или Выразите смысл второго абзаца с помощью одного сложносочиненного предложения с союзом «но».

Такие задания предполагают перефразирование фрагментов текста, то есть учат выражать прочитанное в другой форме. Как уже отмечалось, одним из самых трудных оказывается задание на перефразирование того, о чем говорится в каждом абзаце текста, даже если не выстраивать предложения по заданным условиям. А ведь именно умение увидеть основную мысль и выразить в другой форме, то есть другими словами, сохранив при этом смысл, лежит в основе процесса перевода. Требование выстраивать предложения заданного синтаксического типа добавляет определенную сложность. Именно задания такого типа свидетельствуют о том, что если студенты смогли пересказать текст, то это не значит, что они его поняли. Очень часто обычный пересказ сводится к машинальному воспроизведению текста, что не является показателем понимания текста, в то время как такой поабзацный разбор, в процессе которого последовательно формулируется смысл каждого абзаца, способствует осмыслению и пониманию текста в целом.

На умение извлекать информацию из текста и сопоставлять разные форматы выражения смысла нацелены задания, в которых представлены несколько утверждений. Одни связаны с прочитанным текстом и передают мысли автора, а другие лишь составлены из лексических единиц, которые встречаются в тексте, но не содержат выраженной в тексте информации и авторской мысли. Показателем того, что многие ориентируются в основном на лексическое наполнение, а не на смысл, являются ошибки в этих заданиях. Так, часто студенты, ориентируясь только на совпадающие слова и указанные проценты, для фразы из текста: «*Но как-то я прочитала статистические данные о том, что около 90 % пациентов клиник неврозов в США*

и Японии — менеджеры крупного бизнеса и бизнесмены уровня выше среднего» — выбирают вариант *«Я как-то прочитала, что 90 % менеджеров крупного бизнеса и бизнесменов уровня выше среднего в США и Японии являются пациентами клиник неврозов»*, а не *«В США и Японии большинство тех, кто лечится от нервных расстройств, — крупные бизнесмены»*, совсем не обращая внимания на то, что показатель 90 % относится к количеству пациентов, а не менеджеров. Еще чаще ошибаются в выборе, когда в правильном варианте отсутствует тот самый числовой показатель, а в неправильном он есть, что по смыслу абсолютно не соответствует сказанному в тексте. Так, для взятой из текста фразы: *«Средний же пользователь вовсе не хочет платить, и Интернет тут ему всячески помогает — объем пиратского контента в Сети достигает, по некоторым оценкам, 85 % от общего объема»* — выбирают *«Средний пользователь не хочет полностью оплачивать контент, он готов платить только 85 %, и Интернет ему в этом всячески помогает»*, а не *«Средний пользователь хочет получать контент бесплатно, а Интернет ему помогает, так как основную часть контента можно найти на бесплатных торрентах»*, что противоречит сказанному в тексте. Однако требование объяснить свой выбор заставляет найти именно тот фрагмент текста, где выражена эта мысль, что помогает осознать ошибку и понять этот фрагмент правильно.

Есть задания, требующие не только сопоставить разные формы выражения одной и той же мысли, но и обратить внимание на полноту информации и стиль. Так, например, не всегда студенты могут четко объяснить, что для предложения: *«Тем не менее, для меня Интернет остается тем самым морем, которое так хочется выпить»* — два предложенных перефразированных варианта *«Хотя всю имеющуюся в Интернете информацию поглотить невозможно, все равно это хочется сделать»* и *«Сколько Интернет ни читай, все равно всего не прочтешь!»* отличаются стилистически. Необходимость анализировать не только полноту сохранения смысла, но и стилистические особенности приводит к выводу о том, что при полной передаче фактической информации перефразированный вариант *«Мы теперь такие сильные! Мы даже атом усамирили, мы в космос начали летать, да и все другие тайны вселенной, тоже, наверное, скоро разгадаем»* и взятое из текста предложение *«Мы стали могущественны, мы укротили силу атома и вышли в космос, и кажется порой, что вот-вот постигнем все тайны мироздания»* не совпадают по стилю.

Обучение работе с текстом предполагает выполнение заданий, направленных на поиски синонимических средств выражений. Сравнение этих средств позволяет формировать у студентов представление о нормах лексической сочетаемости, о регистровой принадлежности слов, расширяет

их словарный запас, учит грамотной работе со словарями, помогает научиться отличать устойчивые словосочетания и образные фразы от свободных словосочетаний.

Ответы на вопросы по тексту — задание, которое можно назвать самым распространенным и часто используемым при проверке содержания текста — далеко не всегда свидетельствуют о полном понимании текста. Очень часто ответы на вопросы по содержанию текста сводятся к механическому поиску фрагмента текста, содержащего те же слова, что и в вопросе, не гарантируя при этом полного понимания авторской мысли. Поэтому в пособии вопросы по тексту нацелены не столько на то, чтобы проверить, запомнил ли студент содержащуюся в тексте информацию, сколько на анализ этой информации. Такие задания могут предоставлять выбор одного или нескольких (что очень важно!) вариантов ответов на вопрос. При выполнении таких заданий, где предполагается выбор ответа (или нескольких ответов), важно, чтобы студенты не просто выбирали, но и обязательно объясняли, почему они выбрали именно его, чем он отличается от тех вариантов, которые, по их мнению, были бы неверными. Такое выполнение задания призвано исключить выбор наугад, что способствует развитию навыка анализа текстового сообщения и навыка выражения мысли.

Еще один тип вопросов, способствующий пониманию текста, — это вопросы, направленные на поиск дополнительной информации о том, что на первый взгляд лишь мимоходом упомянуто в тексте, но на самом деле является необходимым для полного понимания текста. Так, например, упоминание в тексте персонажа Стругацких: *«Но иногда кажется, что прав персонаж Стругацких Клоп-говорун, утверждавший, что мы — просто калеки, хвастающие своими костылями...»* — сопровождается в пособии рядом вопросов (*Кто такие Стругацкие? Почему автор текста ссылается на одно из их произведений? Персонажем какого произведения является Клоп-говорун? Что это за персонаж?*). Эта информация необходима, поскольку ее отсутствие может привести к определённым проблемам с пониманием, так как автор текста, очевидно, рассчитывает на то, что читатель не только знает имя, но и понимает, какой образ стоит за этим именем. Не всегда поиск нужной и необходимой для понимания текста информации представляет собой легко решаемую задачу. Так, если, например, с поиском информации о Нике Вуйчиче, чье имя упоминается в тексте, особых проблем не возникает, то найти информацию, которая позволила бы четко представить образ Клопа-говоруна, для студентов, незнакомых с творчеством Стругацких, составляет определенную проблему.

После выполнения всех заданий необходимо подвести итог обсуждения и работы с текстом, то есть еще раз сформулировать тему, определить

цель написания текста, суммировать все, о чем говорилось в тексте, и сформулировать позицию автора. Такого задания в конце каждого раздела нет, поскольку оно не предполагает формализованного подхода. Это может быть сделано в форме беседы в группе, краткого устного выступления или мини-эссе в письменной форме с добавлением своего мнения по обсуждаемой в тексте проблеме. Примечательно, что использование пособия в работе со студентами вызвало положительные отзывы как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов. Так, пособие используется в Липецком государственном техническом университете в группах второго и третьего курса специальности 45.05.01 в течение первого семестра изучения дисциплины «Практический курс перевода первого иностранного языка». Среди причин, по которым данное пособие было включено в работу в качестве учебного материала, преподаватели отмечают следующие: пособие дает возможность «краткого знакомства с теорией текста, и с жанрово-стилистическими особенностями текста»; задания практикума, «в которых студенты должны выразить мысль при помощи определенного количества заданных видов предложений», обеспечивают формирование «навыка, который подчас определяет успех перевода»; а «выбор вопросов по лексике текстов направлен на освоение реалий российской культуры, без которых невозможно понимание истории и литературы страны (что такое социализм, кто такие Базаров и Чацкий, кто такие “заядлые” комсомольцы и т. п.)» (Шумилова 2023: 45).

Со стороны студентов можно услышать следующие отзывы: «Иногда трудно понять основную мысль предложения, и подобные упражнения помогают лучше усвоить текст и понять, как лучше его перевести»; «Пособие прекрасно подходит для того, чтобы начинающие переводчики получили все необходимые навыки для понимания текста... <...> Мы стараемся перефразировать предложения, чтобы они звучали привычнее для русских / зарубежных читателей, а также пытаемся передавать смысл целых абзацев одним предложением. <...> Пособие дает нам понять, насколько гибкими могут быть русский и английский языки» (Шумилова 2023: 45).

5. Заключение

В Высшей школе перевода НГЛУ им. Н. А. Дбролюбова пособие используется для работы со студентами 2-го курса в рамках дисциплины «Основы работы переводчика с текстом», то есть до того, как начинаются занятия по межъязыковому переводу. Таким образом, наряду с основной задачей — обучением правильному, профессиональному чтению текста, этот курс носит пропедевтический характер, фактически являясь вводным курсом перевода, так как именно на этих занятиях начинается формирование

тех умений, которые впоследствии составят основу профессиональной компетенции переводчика.

Список литературы / References

- Голошубина О. К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 208–212. [Goloshubina, Olesia K. (2015) Razgovor v messendzhere kak specificheskij zhanr internet-kommunikacii (The Speech Genre “Conversation in the Messenger” as a Specific Genre of Internet Communication). *Herald of Omsk University*, 1, 208–212. (In Russian)].
- Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. [Zherebilo, Tatjana V. (2010) *Slovar' lingvisticheskix terminov* (Dictionary of Linguistic Terms). Nazran': ООО “Pilgrim”. (In Russian)].
- Иванов А. В., Сдобников В. В. Формирование переводческих компетенций как основная задача преподавателей перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 3 (51). С. 115–131. [Ivanov, Andrey V., & Sdobnikov, Vadim V. (2020) Formirovanie perevodcheskix kompetencij kak osnovnaya zadacha prepodavatelej perevoda (Development of Translator Competences as the Main Task of Translator Trainers). *LUNN Bulletin*, 3 (51), 115–131. (In Russian)].
- Крайнов А. Л. Клиповое мышление в контексте образовательных практик: социально-философский анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 262–266. [Krajnov, Andrey L. (2019) Klipovoe myshlenie v kontekste obrazovatel'nykh praktik: social'no-filosofskij analiz (Clip Thinking in the Context of Educational Practices: a Socio-philosophical Analysis). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, Vol. 19, 3, 262–266. (In Russian)].
- Королькова С. А. Текстотипологическая модель обучения письменному переводу. Saarbruecken: LAP Lambert Academic Publishing. 2013. [Korolkova, Svetlana A. (2013) *Tekstotipologicheskaya model' obucheniya pis'mennomu perevodu* (Text-typological Model of Teaching Translation). Saarbruecken: LAP Lambert Academic Publishing. (In Russian)].
- Петрова О. В. Теория перевода, теория текста и рынок // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 46. С. 69–78. [Petrova, Olga V. (2019) Teoriya perevoda, teoriya teksta i rynek (Translation Theory, Text Linguistics, and Market Requirements). *LUNN Bulletin*, 46, 69–78. (In Russian)].
- Петрова О. В., Родионова М. Ю. Читаем и понимаем текст. М.: Р.Валент, 2021. [Petrova, Olga V., & Rodionova, Maria Yu. (2021) *Chitaem i ponimaem tekst* (Reading and Understanding a Text). Moscow: R.Valent. (In Russian)].
- Петрова О. В. Чтение без понимания: этап развития человека или болезнь человечества? // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции. Орел: Картуш, 2021. С. 22–30. [Petrova, Olga V. (2021) Chtenie bez ponimaniya: ètap razvitiya cheloveka ili bolezn' chelovechestva? (Reading without Comprehension: a Stage of Human Development or a Disease of Humanity?). *Yazyk. Kul'tura. Kommunikaciya*:

- izuchenie i obuchenie. Sbornik nauchnykh trudov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Language. Culture. Communication: Studying and Teaching. Proceedings of V International Scientific and Practical Conference). Orel: Kartush, 22–30. (In Russian)].
- Петрова О. В. Подготовка переводчиков: новые проблемы // Перевод. Язык. Культура: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2022. С. 50–54. [Petrova, Olga V. (2022) Podgotovka perevodchikov: novye problemy (Training Translators: New Challenges). *Perevod. Yazyk. Kul'tura: materialy XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (Translation. Language. Culture: Proceedings of XIII International Scientific and Practical Conference). Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, 50–54. (In Russian)].
- Пищальникова В. А. Функциональная неграмотность как следствие утраты доминирующей функции языкового знака в цифровом информационном пространстве // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 2. С. 36–43. [Pishchalnikova, Vera A. (2021) Funkcional'naya negramotnost' kak sledstvie utraty dominiruyushhej funkicii yazykovogo znaka v cifrovom informacionnom prostranstve (Functional Illiteracy as a Consequence of a Language Sign's Loss of its Dominant Function in Digital Information Environment). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistic and Intercultural Communication*, 2, 36–43. (In Russian)].
- Поршнева Е. Р. Использование перевода в процессе языковой подготовки будущих переводчиков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. Вып. 29. С. 136–150. [Porshneva Elena R. (2015) Ispol'zovanie perevoda v processe yazykovoj podgotovki budushhikh perevodchikov (Using Translation / Interpretation in Language Training of Future Translators / Interpreters). *LUNN Bulletin*, 29, 136–150. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Перевод и лингвистическая безопасность // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 1 (57). С. 93–108. [Sdobnikov, Vadim V. (2022) Perevod i lingvisticheskaya bezopasnost' (Translation and Linguistic Security). *LUNN Bulletin*, 1 (57), 93–108. (In Russian)].
- Старицина О. А. Клиповое мышление VS образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 270–274. [Staricina, Olga A. (2018) Klipovoe myshlenie VS obrazovanie. Kto vinovat i chto delat'? (Mosaic Thinking vs Education. Who is to Blame and What to Do?). *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 7, 2 (23), 270–274. (In Russian)].
- Стрекаловская Ю. О. Обучение внутриязыковому переводу как подготовительный этап профессионального тренинга устного переводчика // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 43. С. 132–139. [Strekalovskaya, Yulia O. (2018) Obuchenie vnutriyazykovomu perevodu kak podgotovitel'nyj etap professional'nogo treninga ustnogo perevodchika (Intralingual Translation / Interpretation as a Preparatory Stage for Professional Training of Interpreters). *LUNN Bulletin*, 43, 132–139. (In Russian)].
- Шумилова Т. А. Опыт обучения переводу с использованием пособия О. В. Петровой и М. Ю. Родионовой «Читаем и понимаем текст» // Подготовка переводчиков:

- анаоиз систем и подходов в странах мира: Сборник тезисов Третьей Международной научной конференции / Отв. ред. Р. М. Шамилов. Н. Новгород: НГЛУ, 2023. С. 44–45. [Shumilova, Tatjana A. (2023) Opyt obucheniya perevodu s ispol'zovaniem posobiya O. V. Petrovoj i M. Yu. Rodionovoj "Chitaem i ponimaem tekst" (Using the Manual "Reading and Understanding a Text" by O. V. Petrova and M. Yu. Rodionova in Translation Classes). In Shamilov, Raviddin M. (ed.) *Podgotovka perevodchikov: analiz sistem i podxodov v stranax mira: Sbornik tezisov Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Translators Training: Analysis of Systems and Approaches in the Countries of the World: Proceedings of the Third International Scientific Conference). Nizhny Novgorod: NGLU, 44–45. (In Russian)].
- Baker, Mona. (1992) *In Other Words: A Coursebook on Translation*. N.Y.: Routledge.
- Fisher, Matthew, Goddu, Mariel K., & Keil, Frank C. (2015) Searching for Explanations: How the Internet Inflates Estimates of Internal Knowledge. *Journal of Experimental Psychology*, 144 (3), 674–687.
- Mills, Kathryn L. (2016) Possible Effects of Internet Use on Cognitive Development in Adolescence. *Media and Communication*, 4 (3), 4–12.
- Nord, Christiane. (2005) *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*. Amsterdam: Rodopi.
- Vágvölgy, Reka, Coldea, Andra, Dresler, Thomas, Schrader, Josef, & Nuerk, Hans-Christoph. (2016) A Review about Functional Illiteracy: Definition, Cognitive, Linguistic, and Numerical Aspects. *Frontiers in Psychology*, Vol. 7:1617. DOI:10.3389/fpsyg.2016.01617.

УДК 811

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-130-143

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДМЕТНОГО КОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ
(на основе произведения Ф. Саган
«Сара Бернар. Несокрушимый смех»)**

Ю. А. Соломон, В. Ф. Фор

Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия

Работа посвящена анализу предметного кода в лингвистике. В статье рассматривается важность употребления метафорических единиц французского языка, осмысляющих область быта человека и его окружения. Цель статьи состоит в определении предметного кода и его роли во французской литературе. Материалом исследования являются авторская картотека, собранная методом сплошной выборки из толкового и фразеологического словаря французского языка, а также произведение Франсуазы Саган *Sarah Bernhardt, ou le rire incassable* («Сара Бернар. Несокрушимый смех»). Основными методами исследования являются сравнительно-языковой анализ, классификация, синтез научных концепций, гипотеза и сравнение. Результаты исследования подтвердили функциональную подвижность предметного кода. Теоретическая значимость заключается в исследовании средств выразительности предметного кода на примере художественной литературы. Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в преподавании лексикологии и семантики современного французского языка, теории языка, лингвокультурологии и теории перевода, а также на профильных элективных курсах, олимпиадах, лингвистических конкурсах. Новизна исследования состоит в рассмотрении предметного кода культуры как культурологической категории, выражающей и систематизирующей опыт семиотических, лингвистических и других исследований в этой сфере.

Ключевые слова: семиотика; лингвокультура; предметный код; литературные тропы; французская литература.

Цитирование: Соломон Ю. А., Фор В. Ф. Репрезентация предметного кода лингвокультуры (на основе произведения Ф. Саган «Сара Бернар. Несокрушимый смех») // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. 2023. Вып. 2 (62). С. 130–143. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-130-143.

**Representation of the Object Cultural Code in Françoise Sagan's Novel
“Dear Sarah Bernhardt” (« Sarah Bernhardt, ou le rire incassable »)**

Julia A. Solomon, Valerie F. For
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Exploring the object cultural code in linguistics, the article focuses on the frequent use in French of metaphoric units used to reflect on people's lives and their environment. The aim of the article is to determine the object cultural code and its role in French literature. The

research is based on an indexed collection of entries from French explanatory and phraseological dictionaries, compiled with the help of the continuous sampling method, and the text of « *Sarah Bernhardt, ou le rire incassable* » (“*Dear Sarah Bernhardt*”) by Françoise Sagan. The main research methods used in this study are comparative language analysis, classification, synthesis of scientific concepts, hypothesis, and comparison. The results of the research confirm the functional mobility of the object cultural code. The theoretical significance of the study lies in its attempt to explore the expressiveness of the object code using fiction. Practically, its results can be used in teaching lexicology and semantics of modern French as well as courses in language theory, cultural linguistics, and translation theory. The novelty of the research consists in considering the object code of culture as a culturological category which expresses and systematizes achievements of semiotic, linguistic, and other types of research in this area.

Key words: semiotics; linguistic culture; object code; literary tropes; French literature.

Citation: Solomon, Julia A., For, Valerie F. (2023) Representation of the Object Cultural Code in Françoise Sagan’s Novel “*Dear Sarah Bernhardt*” («*Sarah Bernhardt, ou le rire incassable*»). *LUNN Bulletin*, 2 (62), 130–143. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-130-143.

1. Введение

Человек на протяжении всей своей жизни живет в пространстве языка, поэтому язык входит в одну из самых важных категорий культуры, поскольку посредством языка формируется и выражается миропонимание человека. Однако в межкультурной коммуникации необходимо учитывать не только умение говорить на языке, но и экстралингвистические знания, которые связаны с определенным культурным кодом страны изучаемого языка.

Термин «код» появился еще в научно-техническом метаязыке для обозначения системы знаков и символов, имеющих ключ к прочтению. Например, код Морзе или генетический код (Пименова, Маслова 2016).

Важно подчеркнуть и семиотику, исследующую свойства знаков и знаковых систем. В семиотическом смысле язык служит синонимом термина «знаковая система».

Соответственно, код в лингвокультуре — это средство коммуникации: естественный язык (русский, английский, сомали и т. п.), искусственный язык типа эсперанто или типа современных машинных языков, морская флажковая сигнализация и т. п.

И именно из-за распространенности кода в лингвокультуре определение понятию «код» дают множество научных деятелей. Например, доктор филологических наук М. В. Пименова считает, что «код культуры — это макросистема характеристик объектов картины мира, объединенных общим категориальным свойством»; а также «таксономия элементов картины мира, в которой объединены природные и созданные руками человека объекты (натурфакты и артефакты), объекты внешнего и внутреннего миров (физические и психические явления)» (Пименова 2006: 18).

Код культуры характерен для каждой нации, но тем не менее и универсален. Любое культурное явление, которое вербализируется в языке, получает статус национально-культурного кода, однако становится общенациональным достоянием лишь в том случае, когда покидает границы языковой или речевой действительности одного человека (Красных 2001).

Также стоит упомянуть, что профессор филологии В. А. Маслова утверждает, что понятие кода мигрировало в лингвистику из семиотики и базируется на соответствии плана содержания плану выражения: «Кодом задается значимость знака, а интерпретатор эту информацию расшифровывает. Правила прочтения задаются культурой: культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора. Следовательно, код вырабатывается и функционирует в культуре» (Маслова 2011: 137).

Таким образом, В. А. Маслова резюмирует вышеперечисленные мнения лингвистов и указывает, что «культурный код — это сеть универсальных и национально специфичных явлений, формирующая национальную картину мира, это репертуар сигналов и одновременно способ структурирования культурного знания» (Пименова, Маслова 2016).

Также, разбирая код лингвокультуры, необходимо отметить, что большее распространение в современном языкознании получил список культурных кодов, предложенный В. В. Красных, которая выделила те коды, которые являются, по ее мнению, базовыми и «в которых фиксированы наивные представления о мироздании». А именно:

1. Соматический (телесный) код культуры — это совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают части тела человека, несущих культурно значимые смыслы. И именно тело человека является носителем самого древнего кода культуры — соматического.

2. Пространственный код культуры — это совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают кодирование существования человека в материальном и нематериальном мирах.

3. Временной код культуры — это совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают представления, связанные с членением временной оси на отрезки и выражением движения человека по временной оси.

4. Предметный код культуры — это совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают объекты и предметы повседневного обихода, а также приписываемые им свойства. Данный код связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Предметный код обслуживает метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира.

5. Биоморфный код культуры — это совокупность имен и их сочетаний, обозначающих флору и фауну, в которых отражены представления о мире растений и животных.

6. Духовный код культуры — это совокупность имен и их сочетаний, которые обозначают сакральные и светские аспекты жизни человека (Красных 2003).

Обобщая вышеперечисленное, все представленные коды культуры задают и определяют метрически-эталонную сферу, участвующую в паттернах и оценке материального мира. Коды лингвокультуры образуют систему координат, задающую эталоны культуры, которые мы можем встретить в художественной литературе.

Таким образом, на любом этапе обучения иностранным языкам работа с художественным текстом остается приоритетным аспектом, учитывая цели лингвистического образования. Так, в задачи профессиональной деятельности филологов и лингвистов входят анализ и интерпретация на основе существующих научных концепций отдельных языковых, литературных и коммуникативных явлений и процессов, текстов различного типа, включая художественные, с формулировкой аргументированных умозаключений и выводов в научно-исследовательской сфере. В прикладной сфере работа с текстом предполагает освоение методов и приемов практической работы в области филологического анализа различных типов текстов (научного, публицистического, художественного и т. д.), а также аннотирование и реферирование документов, научных трудов и художественных произведений на иностранных языках (Голубева, Сухарева 2022).

Рассматривая подробнее предметный код культуры, который является совокупностью имен и их сочетаний со значением предметов повседневной жизни человека, необходимо знать, что предметный код лингвокультуры реализуется в языке как набор технических, строительных, транспортных и астрономических метафор (Пименова, Маслова 2016).

Кроме того, внутри предметного кода выделяются также несколько подгрупп:

1. Предметно-посудный код культуры, который объединяет совокупность наименований предметов домашнего обихода.

2. Костюмный код культуры — вбирает в себя то, что имеет отношение к одеянию или аксессуарам человека, что воплощает в себе те или иные смыслы с ценностным содержанием.

3. Гастрономический код культуры — представляет собой систему образных и символических смыслов, связанных с блюдами традиционной кухни, а также их функционирование на бытовом и сакральном уровнях.

4. Денежный код культуры — объединяет наименования денежных единиц и их элементов.

5. Код наименований жилых и хозяйственных зданий, элементов здания и его частей, их характеристик.

6. Транспортный код культуры — объединяет наименования различных видов транспорта и их элементов и частей, их характеристики.

Таким образом, предметный код базируется на лексических и фразеологических единицах со значением предметов нашего окружения. И именно предметный код является часто употребляемым кодом в лингвокультуре, так как он связан как с предметами, заполняющими наше пространство, так и с предметами, составляющими неотъемлемую часть окружающего мира.

Из чего следует, что предметный код является часто используемым кодом в различных сферах, и особенно в художественной литературе. В целом различные художественные средства выразительности часто базируются на предметном коде лингвокультуры, так как их применение не только создает в художественной речи новые сочетания слов с глубоким значением, но и обогащает речь новыми оттенками смысла.

Так, тропы — это слова или обороты речи в переносном, иносказательном значении, а также важный элемент художественного мышления. Существуют различные виды литературных тропов, такие как:

1. Сравнение — это сопоставление двух предметов, понятий или состояний, имеющих общий признак.

2. Эпитет — это образное определение, характеризующее свойство, качество, понятие или явление.

3. Олицетворение — это перенесение свойств человека на неодушевленные предметы.

4. Метонимия — это замена одного слова другим на основе смежности двух понятий.

5. Метафора — это переносное значение слова, основанное на сходстве двух понятий. В целом метафора является сложным феноменом, возникающим в результате взаимодействия двух смысловых комплексов — содержания и оболочки (Ожегов Шведова 1999).

Метафоры делают текст ярче и привлекают внимание читателя, они создают в сознании человека конкретные образы, помогающие быстрее и доходчивее объяснить читателю точку зрения автора, и наконец, метафоры вытесняют логические средства аргументации, приучая читателя верить суждениям, основанным на эмоциональном представлении ситуации (Шатских 2021).

Таким образом, предметный код культуры играет огромную роль в художественной литературе за счет использования различных литературных тропов. И, что особенно важно, умение анализировать средства художественной выразительности позволяет читателям составлять основную сюжетную линию, характеризовать персонажей, определять проблематику текста, выделять идею, выражать собственное отношение к героям; обосновывать содержательные аспекты анализа примерами из текста; анализировать роль выразительных языковых средств в передаче смысла; применять знания теории языка в области стилистики и лексикологии на практике при раскрытии содержания художественного произведения и обосновании собственного отношения к описываемым событиям и проблемам (Королева, Коробова 2019).

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом для анализа предметного кода являются средства художественной выразительности на примере произведения французской писательницы Франсуазы Саган *Sarah Bernhardt, ou le rire incassable*. В данной работе используется сравнительно-языковой анализ на основе классификаций и сравнения.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Чтение художественного произведения позволяет обучающимся знакомиться с социальным, культурным устройством иноязычного общества, что способствует эффективному усвоению лингвострановедческих знаний и является средством формирования вторичной языковой личности (Гильманова, Никитина, Даминава 2016).

Работа с художественным текстом является неотъемлемым компонентом аудиторной и внеаудиторной деятельности по практике иностранных языков на всех этапах обучения в вузе. Это вполне закономерно, так как систематическое обращение к художественной литературе на иностранном языке имеет ряд преимуществ и позволяет решать конкретные учебные задачи (Загуменкина, Крюкова 2016).

В примерах художественного дискурса можно также заметить предметный код, формируемый представлениями об окружающих предметах, задающий определенную систему эталонов, по которым человек структурирует и оценивает окружающий мир.

И действительно, предметный код в художественной литературе встречается постоянно. Великие писатели часто используют в своих произведениях метафоры предметного кода. Например, одна из самых популярных французских писательниц прошлого века, Франсуаза Саган,

в своём произведении *Sarah Bernhardt, ou le rire incassable* («Сара Бернар. Несокрушимый смех») использует ряд языковых средств на основе предметного кода.

В этом произведении ярко представлены примеры всех подгрупп предметного кода.

1. Предметно-посудный код культуры:

(1) *J'aime mieux être assise entre deux chaises, partagée entre mes habitudes de luxe et ma compassion, que de rester vautrée au fond d'un fauteuil* (здесь и далее цит. по [Sagan 1987]).

Лучше я буду сидеть между двумя стульями, разрываясь между своей привычкой к роскоши и своим состраданием, чем оставаться растянувшейся в кресле (здесь и далее перевод наш. — Ю. С., В. Ф.).

В данном контексте существуют два примера предметно-посудного кода культуры. Например, метафора *de rester vautrée au fond d'un fauteuil* — *оставаться растянувшейся в кресле* означает расслабленно жить, игнорируя все проблемы внешнего мира. Сара Бернар не жестока, как это может показаться на первый взгляд, напротив, ее беспокоят мировые проблемы и судьбы людей, однако в первую очередь она тревожится за свою жизнь, в которой было много боли и сожалений.

Вторым примером предметно-посудного кода является фразеологизм *être assise entre deux chaises* — *сидеть между двумя стульями*, который означает неопределившегося человека, ищущего выгоду или неспособного сделать верный выбор. В данном случае речь идет о Саре Бернар, которая делится своими переживаниями о людях, испытывающих голод и мучения во время войны. Ей невыносимо больно видеть страдающих от бедности людей, но в то же время Бернар не готова пожертвовать им свои деньги, ведь в первую очередь ей важен собственный комфорт. К тому же человек, переживший бедность, тяжело расстается с деньгами.

Вообще, тема денег в жизни Сары Бернар ярко раскрыта в произведении. Юность актрисы проходила неблагополучно, девушку мучили финансовые затруднения, она жила то в монастыре, то в доме свиданий. Именно от вечной нехватки средств появилась страсть к деньгам. Отношение Сары Бернар к деньгам прослеживается с помощью примеров денежного кода.

2. Денежный код культуры:

(2) *Nous faisons partie de l'infime minorité de la rarissime minorité qui sait dépenser son argent.*

Мы являемся частью крошечного меньшинства, чрезвычайно редкого меньшинства, которое умеет тратить свои деньги.

Писательница использовала такую стилистическую фигуру, как литота *nous faisons partie de l'infime minorité* — Мы являемся частью крошечного меньшинства, чтобы подчеркнуть исключительность характера Сары Бернар. Выражение *sait dépenser son argent* — умеет тратить свои деньги свидетельствует о способности Сары Бернар рационально пользоваться собственными финансами. Актриса знала не понаслышке, что деньги зарабатываются огромным трудом, она всегда с большой ответственностью относилась к собственному кошельку, не рассчитывая ни на кого.

(3) *Il est étrange que, lorsqu'on touche brusquement quelque argent, cela réveille tout le monde à chaque coin de la planète, tous les créanciers, veux-je dire.*

Странно, что когда ты внезапно прикасаешься к деньгам, то все люди из каждого уголка планеты просыпаются, все кредиторы, я имею в виду.

В данном отрывке метафора *lorsqu'on touche brusquement quelque argent* — когда ты внезапно прикасаешься к деньгам передает значение заработка. Так, актриса считает, что, как только у человека появляются деньги, каждый пытается на них посягнуть.

(4) *Il m'arrivait souvent, comme mon argent, de rentrer par la porte et de sortir par la fenêtre ou le contraire.*

Мне часто приходилось, как и моим деньгам, заходить через дверь, а выходить через окно, или наоборот.

В данном контексте также подчеркивается проблема расточительства, при этом олицетворение *Il m'arrivait souvent, comme mon argent, de rentrer par la porte* — Мне часто приходилось, как и моим деньгам, заходить через дверь наглядно демонстрирует остроту денежного вопроса, который действительно беспокоил Сару Бернар, была ли она богатой или бедной.

(5) *De mon temps, l'argent sortait gaiement de leurs poches.*

В мое время деньги весело сыпались из карманов.

В этом контексте Сара Бернар повествует о времени работы в театре. Олицетворение *l'argent sortait gaiement* — деньги весело сыпались подчеркивает внезапный успех в карьере актрисы. И действительно, при воспоминаниях об этих временах Сара Бернар испытывает исключительно теплые чувства. Именно поэтому деньги всегда играли важную роль в ее жизни.

Подробнее узнать об успехе исполнительницы на сцене можно посредством гастрономического кода культуры.

3. Гастрономический код культуры:

(6) *Par les exceptions à cette règle cruelle et sottise qui font de la gloire un simple condiment du bonheur!*

Исключениями из этого жестокого и глупого правила, делающего славу лишь приправой к счастью!

В данном отрывке метафора *un simple condiment du bonheur* — лишь приправа к счастью имеет ироничную окраску. На самом деле писательница считает, что слава окрыляет человека, что, напротив, является не приправой к счастью, а основным блюдом жизни.

И действительно, Сара Бернар обожала играть в театре, это была ее страсть, ее жизнь. Доказательством этому послужит костюмный код культуры.

4. Костюмный код культуры:

(7) *Ils ne s'attendaient pas à voir une séductrice jouer avec les feux de la rampe, jouer avec les vêtements qui flottaient autour d'elle.*

Они не ожидали увидеть соблазнительницу, находящуюся в центре внимания и играющую с одеждой, которая плавала вокруг нее.

В данном случае олицетворение *jouer avec les vêtements* — играющую с одеждой свидетельствует о кокетливом характере актрисы, что также говорит и об использовании костюмного кода культуры. Работа актрисой по-настоящему вдохновляла Сару Бернар, она любила лицедействовать — это было ее призванием.

Загадочность, экстравагантность и роскошность — все это привлекало зрителей Сары Бернар. Бесспорно, исполнительница являлась довольно эксцентричной персоной, это доказывают примеры на основе кода наименований жилых и хозяйственных зданий, элементов здания, его частей и их характеристик.

5. Код наименований жилых и хозяйственных зданий, элементов здания и его частей, их характеристик:

(8) *A seize ans, j'y dormis parce que c'était « mon » cercueil, que c'était le seul objet « à moi » de toute cette maison, que c'était mon refuge at mon abri.*

В шестнадцать лет я спала там, потому что это был «мой» гроб, это был единственный «мой» предмет во всем этом доме, это было мое убежище в моем укрытии.

Несмотря на странность выбора места для сна, а именно гроба, стоит также подчеркнуть роль *refuge* (убежища) или *abri* (укрытия), являющегося комнатой актрисы, ее личным пространством. Ей были чужды люди, посещавшие дом свиданий, где она жила, их разговоры и предложения. Поэтому именно ее комната стала «пристанищем» от большого общества.

Отрочество Сары Бернар действительно было тяжелым, мать была холодной и отчужденной, а окружающие не понимали ее. Подходящим примером является следующая фраза из транспортного кода культуры.

6. Транспортный код культуры:

(9) *Ces doutes et ces hypothèses finirent par laisser tout le monde et l'on but du thé en me jetant des regards navres, comme a une jument qui n'aurait pas été primée pour la grande vente aux étalons de l'armée.*

Возникшие сомнения и предположения под конец всех утомили, и все занялись чаем, бросая на меня удрученные взгляды, словно на кобылу, не занявшую первого места на конном армейском аукционе.

Сравнение *en me jetant des regards navres, comme a une jument* — бросая на меня удрученные взгляды, словно на кобылу указывает на отстраненность окружающих актрису людей и их нежелание понять девушку.

Из приведенных выше примеров можно сделать вывод, что Франсуаза Саган смогла раскрыть личность актрисы Сары Бернар, подчеркнуть ее достоинства и рассказать о недостатках посредством использования красочных стилистических фигур, связанных с предметным кодом и его подгруппами.

Именно своей естественной раскованностью и эксцентричностью Сара Бернар притягивала толпы поклонников. А с помощью предметного кода культуры и его подгрупп главная героиня была раскрыта не только как мировая звезда, но и как сильная женщина с тяжелым прошлым. Именно поэтому предметный код играет важную роль в литературе, раскрывая глубинные смыслы и придавая красочности произведениям.

Так, рассмотрев широкое использование предметного кода и его подгрупп в романе Франсуазы Саган, мы выяснили, что средства выразительности играют важную роль в романе, так как они не только передают эстетическое восприятие произведению, но и несут глубокое скрытое значение.

Как упоминалось выше, тропы — это стилистические фигуры речи, слова или выражения, которые используются в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи.

Рассмотрим подробнее примеры литературных тропов на основе предметного кода лингвокультуры в произведении Франсуазы Саган *Sarah Bernhardt, ou le rire incassable*.

1. Сравнение:

(10) *Vouloir à un ennemi qui vous laisse aussi délicieusement vide, distraite, heureuse et en paix avec vous-même, insouciant et fataliste, a mille lieues de tout nuage, de toute préoccupation même si elles existent et même si elles sont braquées tels des pistolets.*

Желать врага, который оставляет тебя такой восхитительно пустой, рассеянной, счастливой и в мире с самой собой, беззаботной

и фаталистичной, в тысяче лиг от любого облака, от любых забот, даже если они существуют и даже если они направлены, как пистолеты.

Данный отрывок репрезентирует чувство волнующей тревоги при контакте с недоброжелателями с помощью сравнения предметного мира *tells des pistolets* — как пистолеты, ведь от врагов можно ожидать чего угодно, как под дулом пистолета: будет ли «выстрел» или нет. Сара Бернар была почитательницей интриг, скандалов и волнительной суматохи, она чувствовала себя живее, испытывая весь спектр эмоций, поэтому считала, что иметь противников, как и поклонников, важно.

2. Эпитет:

(11) *Elle portait un costume bruquant.*

Она надела громкий костюм.

В данном примере эпитет *un costume bruquant* — громкий костюм берет начало из костюмного кода. С помощью него подчеркивается яркость наряда Сары Бернар во время блестящего выступления на сцене.

3. Олицетворение:

(12) *Le soleil de juillet faisait étinceler Paris, le faisait s'argenter et bleuir.*

Июльское солнце заставило Париж сверкать, окрашивая его в серебристо-голубой цвет.

В этом примере предметное олицетворение *le soleil de juillet faisait étinceler* — июльское солнце заставило сверкать подчеркивает любовь Сары Бернар к Парижу.

4. Метонимия:

(13) *Toute la salle m'a applaudi, ça m'a donné de la confiance.*

Весь зал мне аплодировал, это придавало уверенности.

Метонимия *toute la salle m'a applaudi* — весь зал мне аплодировал обозначает всех зрителей в зале, награждавших аплодисментами Сару Бернар во время ее дебюта. Данный троп также основан на употреблении предметного кода посредством использования лексической единицы *la salle* — зал.

5. Метафора:

(14) *Le gouffre de la salle complètement noire.*

Бездна полностью темной комнаты.

Данная метафора отмечает новое для Сары Бернар место, неизведанное закулисье, во время первой репетиции. Тогда все казалось актрисе таинственным и завораживающим. Также данный троп берет начало из предметного кода посредством употребления лексической единицы *la salle* — комната.

Таким образом, Франсуаза Саган повествует о непростой, но яркой жизни известной актрисы театра Сары Бернар путем декодирования стили-

стических фигур предметного лингвистического кода. Стилистические фигуры способствуют анализу литературных произведений с разных точек зрения, глубокому пониманию характеров и состояний героев, динамики их отношений, а также актуализируют подтекст и служат опорой в создании композиции текста и развитии сюжетной линии. Именно поэтому необходимо анализировать выражения с переносными значениями, которые как передают важную информацию в произведении, так и способствуют развитию языковой и коммуникативной компетенций.

4. Заключение

В современном обществе владение кодами лингвокультуры является необходимым шагом к пониманию межъязыковой коммуникации, так как для эффективного общения нужны знания не только лексики и грамматики изучаемого языка, но и национально-культурной специфики.

Таким образом, рассмотрев виды кодов, мы обнаружили, что предметный код является одним из основных кодов лингвокультуры. А на примере французской литературы подчеркнули важность его употребления в повседневной речи.

Проанализировав тропы предметного мира, мы установили, что они занимают особое место в художественном дискурсе. В рассмотренном нами произведении Франсуазы Саган *Sarah Bernhardt, ou le rire incassable* особенно часто встречается метафора, что позволяет читателю проникнуть в содержательную сторону высказывания или в сущность языковых средств.

Кроме того, с помощью анализа стилистических фигур предметного кода в романе Франсуазы Саган *Sarah Bernhardt, ou le rire incassable* образ главной героини был раскрыт с разных сторон, а также была выявлена жизненная позиция Сары Бернар.

В дополнение было определено, что работа с художественным текстом является неотъемлемым компонентом аудиторной и внеаудиторной деятельности по практике иностранных языков на всех этапах обучения в вузе.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что предметный код лингвокультуры играет важную роль не только в повседневной коммуникации человека, но и в литературе, благодаря которой мы учимся сопереживать героям произведений, развиваем образное мышление, пополняем словарный запас, а самое главное — знакомимся с культурными кодами, расширяющими наш кругозор и делающими мир обширным и необъятным.

Список литературы / References

- Гильманова А. А., Никитина С. Е., Даминова Э. Р. Использование художественных текстов для обучения чтению на иностранном языке // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4 (46). Часть 3. С. 24–27. [Gilmanova, Azalina A., Nikitina, Svetlana E., & Daminova, Elvira R. (2016) Ispolzovanie hudozhestvennykh tekstov dlya obucheniya chteniya na inostrannom yazyke (Using Literary Texts to Teach Reading in a Foreign Language). *Mezhdunarodnyj naucno-issledovatel'skij zhurnal (International Research Journal)*, 4 (46), Part 3, 24–27. (In Russian)].
- Голубева К. Г., Сухарева Т. В. Художественный концепт как инструмент интерпретации текста в образовательной парадигме филологов и лингвистов // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 99–114. [Golubeva, Kristina G., & Sukhareva, Tatyana V. (2022) Literary Concept as an Intepretational Tool in the Educational Paradigm of Philologists and Linguists. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 99–114. (In Russian)].
- Загуменкина В. С., Крюкова Н. Ф. Художественный текст как смысловой конструкт с установкой на распредмечивающее понимание // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 19–30. [Zagumenkina, Valentina S., & Krukova, Natalya F. (2016) Hudozhestvenniy tekst kak smyslovy konstrukt s ustanovkoy na raspredmechivayuscheye ponimaniye (Literary Text as an Interpretation-Oriented Meaning Construct). *LUNN Bulletin*, 33, 19–30. (In Russian)].
- Королева О. П., Коробова Н. В. Методология анализа художественного текста (младший этап обучения) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. Вып. 48. С. 210–218. [Koroleva, Olga P., & Korobova, Natalya V. (2019) Metodologiya analiza hudozhestvennogo teksta (mladshiy etap obucheniya (A Methodology for Interpreting Literary Texts (Undegraduate Level, 1 and 2 year)). *LUNN Bulletin*, 48, 210–218. (In Russian)].
- Шатских М. В. Метафора как базовый компонент эмоционального пространства текстового материала // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 1 (53). С. 96–111. [Shatskikh, Marina V. (2021) Metafora kak bazovyy component emotsional'nogo prostranstva tekstovogo materiala (Metaphor as a Basic Component of the Emotional Space of Textual Material). *LUNN Bulletin*, 1 (53), 96–111. (In Russian)].
- Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М.: Гнозис, 2001. [Krasnykh, Viktoriya V. (2001) *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* (Basics of Psycholinguistics and Theory of Communication). Moscow: Gnozis. (In Russian)].
- Красных В. В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 6–148. [Krasnykh, Viktoriya V. (2003) Predmetnyy kod kul'tury v russkom kul'turnom prostranstve (Substantive Code of Culture in the Russian Culture Space). In *Rusistika na poroge XXI v.: problemy i perspektivy* (Russian Studies around the Turn of the XXI Century: Issues and Prospects). Moscow: IRYa RAN, 6–148. (In Russian)].
- Маслова В. А. Русский язык как совокупность кодов: растительного, архитектурного, духовного // Ученые записки Крымского федерального университета им.

- В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 137–140. [Maslova, Valentina A. (2011) *Russkyu yazyk kak so-vokupnost' kodov: rastitel'nogo, arkhitekturnogo, dukhovnogo* (The Russian Language as a System of Codes: Vegetal, Architectural, Spiritual and Others). *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. Social communications*, Vol. 24 (63), 1, Part 1, 137–140. (In Russian)].
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. [Ozhegov, Sergey I., & Shvedova, Nataliya Yu. (1999) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (An Explanatory Dictionary of the Russian Language). Moscow: Azbukovnik. (In Russian)].
- Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык: коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. С.16–61. [Pimenova, Marina V. (2006) *Problemy kognitivnoy lingvistiki i kontseptual'nykh issledovaniy na sovremennom etape* (Issues of Cognitive Linguistics and Conceptual Studies at the Current Stage). In Pimenova, Marina V. (ed.) *Mental'nost' i yazyk: kollektivnaya monografiya* (Mentality and Language: Collective Monograph). Kemerovo: KemGU, 16–61. (In Russian)].
- Пименова М. В., Маслова В. А. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. [Pimenova, Marina V., & Maslova, Valentina A. (2016) *Kody lingvokul'tury* (Linguocultural Codes). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].

Источник языкового материала / Language material resource

- Sagan, Françoise. (1987) *Sarah Bernhardt, ou le rire incassable*. Paris: Edition Robert Laffont, S.A.

УДК 81'27

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-144-158

**ФЕНОМЕН «ДВОЙНОЕ ПОСЛАНИЕ» (*DOUBLE BIND*)
КАК НАРУШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БАЛАНСА
В КОММУНИКАЦИИ (на материале немецкого языка)**

М. Н. Тришина

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

В статье, выполненной в русле лингвоэкологических исследований, раскрываются некоторые особенности функционирования феномена *double bind* («двойное послание») на примере корпоративной коммуникации, общения партнеров в рамках межличностных (любовных) отношений, а также дискурса с участием взрослого и ребенка. Функционирование данного феномена в речи характеризуется передачей адресантом одновременно двух разноуровневых сообщений, одно из которых парадоксально отрицает другое. В результате адресату представляется сложным или невозможным декодирование получаемого сообщения и выполнение осмысленного коммуникативного действия соответственно сообщению. Получателю сообщения, находящемуся в подобной «двойной ловушке», фактически предоставляется «выбор без выбора», так как каждый из возможных выборов в конечном счете приводит к негативному результату. Адресат не имеет возможности выхода из сложившейся ситуации, в силу нахождения в зависимых, подчиненных отношениях с отправителем сообщения. Явление «двойного послания» рассматривается как лингвотоксичный процесс, деструктурирующий человеческую деятельность (в том числе языковую) и наделяющий реальность дестабилизирующими смыслами и значениями. Исследование фокусирует внимание на рассмотрении типичных особенностей парадигмально сложных, многоуровневых противоречий в ситуациях, в которых наличествуют неконгруэнтность между вербальными и невербальными сообщениями на примере реальных диалогов. Выявляется ряд лингвистических и паралингвистических средств, задействованных в высказываниях, которые коренным образом противоречат постулатам кооперации и этическим правилам общения. Подчеркивается мысль о том, что паттерн *double bind*, помимо нарушения экологического баланса в рамках межличностного общения, провоцирует возникновение других отрицательных последствий, в том числе связанных с физическими и психическими заболеваниями участников коммуникации. В силу существования подобных угроз нарушения не только «здоровья» языка в рассмотренных и других дискурсивных практиках, но и угроз для здоровья коммуникантов перспективным представляется дальнейшее исследование особенностей парадоксальной коммуникации и поиск способов улучшения навыков конструктивной коммуникации среди носителей языка.

Ключевые слова: лингвоэкология; лингвотоксины; токсичная коммуникация; двойное послание; экологический баланс.

Цитирование: Тришина М. Н. Феномен «двойное послание» (*double blind*) как нарушение экологического баланса в коммуникации (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 144–158. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-144-158.

The Double Bind Phenomenon as Disturbance to the Ecological Balance in Communication (Based on the Material of the German Language)

Maria N. Trishina
Smolensk State University, Smolensk, Russia

The study, carried out within the linguoecological framework, explores functional features of the “double bind” phenomenon in corporate communication, communication of partners within the framework of interpersonal (love) relationships, as well as discourse involving an adult and a child. The functioning of this phenomenon in speech is characterized by the simultaneous transmission by the addresser of two different levels of messages, one of which paradoxically denies the other. As a result, it seems difficult or impossible for the addressee to decode the received message and to perform a meaningful communicative action in accordance with the message. The recipient of the message, finding themselves in this “double trap,” is actually given a “choice without a choice,” since each of the possible choices ultimately leads to a negative result. The addressee has no way out of this situation, due to being in a dependent, subordinate relationship with the sender of the message. The “double bind” phenomenon is thus identified as a linguotoxic process that destroys human activity (including language) and endows reality with destabilizing meanings. The study focuses on typical features of paradigmally complex, multi-level contradictions in situations in which there is incongruence between verbal and non-verbal messages, using real dialogues as examples. It identifies a number of linguistic and paralinguistic means involved in such statements, which fundamentally contradict both principles of cooperation and ethical rules of communication. It is emphasized that the double bind pattern, in addition to disturbing the ecological balance within the framework of interpersonal communication, provokes the emergence of other negative consequences, including those associated with physical and mental illness of communication participants. Since such tactics violate not only the “health” of the language in various discursive practices, but also threaten the health of communicants, further study of this type of paradoxical communication seems imperative, with the goal of finding ways to improve constructive communication skills among native speakers.

Key words: linguoecology; linguotoxins; toxic communication; double bind; ecological balance.

Citation: Trishina, Marina N. (2023) The Double Bind Phenomenon as Disturbance to the Ecological Balance in Communication (Based on the Material of the German Language). *LUNN Bulletin*, 2 (62), 144–158. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-144-158.

1. Введение

Язык, являясь открытой, динамичной системой, не может оставаться неизменным в силу влияния на него ряда экстралингвистических факторов: мировой глобализации и миграции, социального неравенства, феминистических идей, дискриминации по ряду признаков, интервенции иноязычных заимствований и т. д.

В результате влияния подобных факторов усиливается «антропогенная нагрузка на язык», увеличивающая количество «языковых травм»

(в терминологии А. П. Сковородникова), случаев языковой агрессии и «загрязнения» языка и речи.

В связи с этим предпринимается попытка научно обосновать отрицательную терапевтическую функцию «неэкологичности общения людей» (Цой 2013: 289) в различных сферах человеческой деятельности.

Одним из явлений, отрицательно сказывающихся как на языке, так и на его носителе, является феномен *double bind* («двойное послание»). Первоначально этот феномен был представлен в рамках психологии и психиатрии (Бейтсон 2000; Вацлавик, Бивии, Джексон 2000; Shoham 2005 и др.), но впоследствии он оказался инкорпорированным в другие области: политику (Unger 2003; Поцелуев 2008 и др.), менеджмент (Shah 2001; Rodriguez, Pérez 2005; Тихомиров 2013; Kutz 2016 и др.), маркетинг и пиар (Бариле 2015) и т. д. Эти и многие другие сферы человеческой деятельности представляют особый интерес и для лингвистики, особенно с точки зрения детекции и анализа лингвотоксичных процессов, которые заложены в коммуникации *double bind*. Как отмечают В. И. Шаховский, А. А. Штеба, эта коммуникация «сопровождается разного рода диффамационными и импозитивными тактиками и стратегиями» (Эмотивная лингвоэкология... 2013: 8).

Коммуникативный паттерн *double bind*, характеризующийся рядом типичных лингвистических и паралингвистических маркеров, зачастую имеющий перверсивный характер, дестабилизирует «здоровье» языка / речи, а также физическое и психоэмоциональное самочувствие человека. Следовательно, проблема требует всестороннего изучения и анализа со стороны лингвистического сообщества.

2. Материалы и методы

Материалом исследования послужили примеры высказываний, содержащих элементы коммуникации *double bind*, заимствованные из немецкоязычных корпоративных чатов, форумов для преподавателей вузов, учителей школ и воспитателей детских садов, а также интернет-порталов, освещающих психологические аспекты межличностных (любовных) отношений.

В статье применяются такие методы исследования, как наблюдение, дискурсивный и интерпретативный анализ, а также метод сплошной выборки, обеспечивающие выявление языковых проявлений токсичной коммуникации. Общее количество примеров составило 100 диалогических ситуаций, содержащих элементы коммуникации *double bind*.

Рассмотрены особенности функционирования подобного феномена на примере корпоративного общения (начальника и подчиненного), взаимодействия партнеров в рамках межличностных (любовных) отношений, а также коммуникации между взрослым и ребенком.

3. Дискуссия

В рамках современной научной парадигмы экологическая метафора переживает процесс «расширения» (в терминологии М. А. Кронгауза [Кронгауз 2001]) своей семантики и сочетаемости, распространяясь на такие области гуманитарного знания, как лингвистика, социология, педагогика, психология и др. (Г. А. Копнина, В. И. Шаховский, Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. Н. Панченко, D. Bolinger, M. Schwarz-Friesel, A. Kutz, A. Stibbe и др.).

Коммуникативно-прагматическое направление в лингвистике — лингвоэкология — занимается среди прочего проблемой существования в языке, речи, дискурсе т. н. лингвотоксинов — «слов и оборотов, которые наносят вред языку, коммуникативной системе и языковому сознанию носителей этого языка вплоть до трансформации их картины мира» (Сквородников, Копнина 2017: 29). Языковые токсины, обладая деструктивным и дестабилизирующим эффектом, являются причиной формирования токсичной коммуникации и «злокачественной» агрессии в рамках различных дискурсов. Например, в работе Р. В. Белютина, подробно освещающего спортивный дискурс, в том числе в аспекте лингвоэкологии, исследуется токсичность в коммуникации футбольных фанатов, которая выражается в использовании немецкими футбольными фанатами (в основном ультраправым сектором) «дискриминирующего языка, проявляющегося в сексизмах, антисемитской риторике и др.» (Белютин 2022: 119).

В результате подобного общения возникает «эксплицитное повреждение диалогического потока, обусловленное взаимным непониманием и неприятием собеседниками позиций друг друга, что подразумевает вербализированное нарушение принципа коммуникативной коллаборации» (Старостина, Леонович 2022: 68).

Данная работа исследует на лингвистической основе концепцию, которая является составляющей «травмирующей, токсичной коммуникации» *double bind*, *Doppelbindungstheorie* (в терминологии А. Кутц) («двойное послание / «двойная ловушка» / «двойной капкан»). Концепция была разработана британо-американским ученым Г. Бейтсоном и позже усовершенствована австрийским психотерапевтом П. Вацлавиком (Бейтсон 2000; Вацлавик, Бивии, Джексон 2000).

Феномен *double bind* описывает «коммуникативную и управленческую ситуацию, в которой адресат получает от адресанта взаимно противоречащие указания (послания), принадлежащие к разным уровням коммуникации и основанные на т. н. “парадигмально сложном (многоуровневом) противоречии”» (Тихомиров 2013: 18). Данный коммуникативный паттерн представляет собой «трудную ситуацию, в которой имеется, по крайней

мере, две возможности выбора, однако каждый из возможных выборов приведет к неприемлемому плохому результату, а выйти из такой ситуации объект коммуникации не может в силу зависимости, подчиненности и т. п.» (Майер 2012: 44).

«Двойное послание» выступает в роли травмирующего элемента в беседе в силу того, что в ходе обмена парадоксальными, противоречивыми высказываниями один из участников коммуникации «не способен принимать ни положительного, ни отрицательного решения о намерениях своего собеседника <...> подобные отношения оказываются губительными в психологическом смысле» (Антух 2020: 18). Подобный феномен выступает в роли разрушающего «традиционные поведенческие паттерны и нормальные ролевые модели, а потому дестабилизирующим социальные институты» (Куликова, Акай, Тедеева 2022: 23).

Как справедливо замечает М. Шварц-Фризель, токсичные языковые структуры творят окружающий нас мир и имеют серьезное влияние на «психическую реальность»: ... *die Semantik von Wörtern kann die Welt abbilden oder Welt erschaffen, kann gravierende Auswirkungen auch für die psychische Realität haben* (Schwarz-Friesel 2022: 16). Эти структуры эксплицируют последствия для собственно адресата «двойных посланий» (например, работника предприятия), адресанта (например, руководителя), предприятия, в рамках которого осуществляется подобного рода коммуникация.

Среди возможных последствий дестабилизирующей коммуникации *double bind* специалисты (см., например, В. И. Шаховский, А. А. Штеба и др.) выделяют: 1) появление у адресата таких чувств, как потеря ориентации в пространстве, истощение, ярость, неспособность действовать, страх, агрессия, аутоагрессия и др.; 2) психические заболевания: тревожный невроз, депрессия, разного рода зависимости и др.; 3) психосоматические заболевания: аллергии, астма, заболевания кожи, желудка, щитовидной железы, бессонница, грыжи межпозвоночных дисков и др.; 4) неэффективная работа как отдельных работников, так и всей компании в целом, конфликты внутри коллектива, формирование негативного образа компании и др.

Обширный список последствий влияния коммуникации *double bind* подтверждает мысль М. Шварц-Фризель о том, что язык обладает огромной силой, так как он является инструментом для формирования наших мыслей и чувств, а токсичное значение слов порой незаметно проникает в глубины нашего сознания, оставляя при этом свои следы, создавая устойчивые чувства и ассоциации. Ср.: *Sprache hat auch Macht, weil sie ein Instrument der Beeinflussung und Lenkung unserer Gedanken und Gefühle ist ... Die toxische*

Bedeutung von Wörtern schleicht sich oft unbemerkt in unseren Geist ein, sie hinterlässt aber Spuren, löst Assoziationen aus, prägt zum Teil langfristig Einstellungen und Gefühle (Schwarz-Friesel 2022: 15).

Заявленная проблематика не ограничивается областью психиатрии и психологии и распространяется на многие сферы социальной коммуникации — политическую, образовательную, маркетинговую и др. Однако, несмотря на распространенность и актуальность ситуации «двойных посланий», в настоящий момент ощущается нехватка лингвистических работ, подробно анализирующих механизмы их функционирования.

В данном исследовании осуществляется попытка анализа паттерна «двойного послания» с точки зрения языковых маркеров, его детерминирующих, на примере трех дискурсивных практик: деловой сферы, коммуникации между лицами, состоящими в любовных отношениях, общения между родителями и детьми.

4. Результаты исследования и их обсуждение

В сфере делового общения объектом анализа становятся такие проявления токсичности, как «нарушения постулатов общения (принципов коммуникации) и норм общения, норм профессиональной этики и профессиональных кодексов» (Глушченко, Гришанин, Кириллина 2021: 164).

Данный запрос является актуальным, так как «профессиональный деятель» (по Е. И. Головановой) обладает способностью изменять положение дел и контролировать окружающую его действительность (Голованова 2008), а его конечной целью в процессе коммуникации является реализация своего замысла и в какой-то степени коррекция модели мира адресата (Иссерс 2021). Профессиональный деятель — например, руководитель — должен выступать уже не только в роли начальника, но партнера, стимулирующего интеллектуальную, эмоциональную и, как следствие, коммуникативную деятельность работников. Ср.: *Die Führungskraft ist nicht mehr Vorgesetzter, sondern ein Partner, der das intellektuelle und emotionale Engagement stimuliert* (Geramanis, Hutmacher, Walser 2021: 23).

Если коммуникативные тактики и стратегии управленца носят токсичный характер, то они неизбежно оказывают разрушительное действие на моральный климат в коллективе. Терпимое отношение и снисходительное оправдание речевой манеры сниженного речевого регистра со стороны руководства способствуют возникновению «асимметричной коммуникации» (Ионова 2018: 6) в коллективе.

Следующие примеры содержат паттерны противоречивых распоряжений, которые могут соотноситься с презентацией продукта, участием

сотрудников в проекте, делегированием задач, привлечением внешнего консультанта и др. в рамках деятельности конкретного предприятия.

(1) *Sie müssen mit Blick auf das neue Produkt proaktiv Kundenkontakte aufnehmen und pflegen und die Kunden für dieses neue Produkt gewinnen, sie neugierig machen, aber auf keinen Fall dürfen Sie über das noch geheime neue Produkt irgendwelche Informationen herausgeben* (здесь и далее, если не указано иное, цит. по [Kutz 2016]).

Данное высказывание профилирует принцип *double bind* следующим образом: на фоне полной конфиденциальности информации о новом продукте руководство компании ставит задачу активно рекламировать его среди клиентов и одновременно, нарушая законы логики, призывает сотрудников, ответственных за реализацию проекта, не распространять засекреченный блок информации. Одним из маркеров «двойного послания» является противительный союз *aber* и выражение запрета при помощи модального глагола *dürfen*, следующего за усиливающим запрет словосочетанием *auf keinen Fall*. Эти маркеры обладают мощной иллюкутивной силой и придают сообщению директивный характер.

(2) *Sie müssen der Runde klar machen, dass wir unter diesen Bedingungen die geforderte Geldsumme nicht aufbringen können, und deswegen aus dem Projekt zum Jahresende aussteigen müssen. Auf keinen Fall darf aber der schwarze Peter zu uns geschoben werden, wenn wegen dieses Ausstiegs das gesamte Projekt „den Bach runtergeht“.*

В примере (2) содержится распоряжение руководства о выходе компании из крупного проекта с одновременным запретом на критику подобного решения в случае провала проекта. Высказывание также содержит противительный союз *aber*, выражение запрета *auf keinen Fall* и не дающий право совершать определенные действия модальный глагол *dürfen* с отрицанием.

(3) *Wieso haben Sie das nicht anders entschieden? Man kann Sie aber auch nichts machen lassen! Sie sind Ihrer Aufgabe wohl nicht gewachsen! Wieso machen Sie sich an, das zu entscheiden? Wie kommen Sie auf die verrückte Idee, dass Sie das zu entscheiden hätten?*

Токсичное «ампутированное» (неполное) делегирование задачи и последующий упрек о неудачном решении выражаются при помощи трех вопросительных предложений: *Почему Вы не поступили иначе? С какой стати Вы считаете, что способны принимать решение по данному вопросу? В результате чего у Вас возникла такая безумная идея?* Обращаясь к метафорическому переводу английского термина *double bind* — «лживая привязка, лживое ограничение», можно проследить функционирование двух взаимоисключающих сообщений в речи руководителя: первое сообщение «развязывало руки» работнику в сфере решения задачи и принятия конкретных

решений, второе сообщение, сопровождаемое экспрессивными маркерами невербальной коммуникации, отменяла ранее сказанное им.

(4) *Dieses Projekt muss heute noch fertig werden. Aber arbeiten Sie sorgfältig, wir können uns keine Fehler erlauben!* (Morel 2023, Double Bind 2023)

Из-за цейтнота и стресса, его сопровождающего, работнику поступает распоряжение от начальника о завершении проекта в кратчайшие сроки с условием недопущения каких-либо ошибок, что вызывает непонимание со стороны подчиненного о стиле его работы — следует ли ему выполнять работу быстро или тщательно. Сочинительный союз *aber*, а также отрицательное предложение со словосочетанием *keine Fehler* имплицитно подразумевает возможность применения санкций, наказания в случае неисполнения приказа

Помимо вербальных способов выражения «двойного послания» реципиент также сталкивается с невербальными сигналами, которые выражаются в приказной интонации, агрессивной мимике и жестах, что оказывает ещё большее ментальное и эмоциональное давление и порождает токсичную коммуникацию, дестабилизирующую психоэмоциональное и физическое состояние коммуникантов.

Принцип *double bind* нередко встраивается в коммуникативные пространства, обслуживающие сферу межличностных (любовных) отношений. Х. Айхер анализирует «ошеломительную», по его словам, силу слова в дискурсе любви и эротики и указывает на то, что слово не просто транспортирует информации из точки А в точку Б, а оставляет глубокие следы в эмоциональной памяти человека: *Worte transportieren nicht nur eine Information von A nach B. Vielmehr hinterlassen sie auch Spuren im emotionalen Gedächtnis, die sehr tief sein können, sowohl in positiver als auch in negativer Hinsicht* (Eicher 2018: 31).

Таким образом, психологический паттерн способен глубоко укорениться в памяти партнера, поскольку речевое сообщение, его формирующее, оказывает влияние с помощью не только лингвистических (собственно слов и выражений), но и паралингвистических (тембра голоса, интонации, жестов и мимики) средств (Егорова 2018: 32).

Подобные речевые сообщения фиксируются в следующих ситуациях *double bind*:

(5) *Sicher kannst du heute Abend mit deinen Freunden weggehen, du bist ein freier Mensch!*

Фраза *ты, конечно, можешь пойти гулять с твоими друзьями, ты же свободный человек*, сказанная женщиной во время беседы со своим супругом, сопровождается определенной интонационной модальностью в виде обиды и упрека, что неизбежно создает эффект двойного сообщения,

фактически не оставляя мужу выбора, так как любое из принятых им решений может оказаться неверным и спровоцировать конфликтогенную ситуацию. В результате сообщение вызывает у супруга недоумение, он не может декодировать послание — стоит ли ему остаться дома или все же реализовать идею о походе на вечеринку.

(6) *Komm zu mir her, lass mich aber in Ruhe.*

Подойди ко мне, но оставь меня в покое — пример коммуникации в деструктивных пограничных отношениях, *Borderline-Beziehungen*. Данное высказывание содержит негативное предписание, противительный союз *aber*, формирующие парадоксальное сообщение, ставящее получателя сообщения в позицию полной растерянности и непонимания, какие действия необходимо предпринять в данный момент. Реципиенту вменяется обязанность, которая «содержит внутреннее противоречие и никоим образом не может быть исполнена в принципе» (Майер 2012: 49). Однако это совершенно не освобождает от наказания за ее неисполнение.

(7) *Du musst mich beim heutigen Arztbesuch nicht begleiten, du hast auf der Arbeit genug zu erledigen* (Morel 2023; Doppelbotschaften in Beziehungen, Alltag 2023).

Ты не должен сопровождать меня сегодня у врача, у тебя хватает дел на работе — сообщение сопровождается обиженным и недоверчивым тоном, содержит повелительное высказывание с модальным глаголом *müssen* и имеет перемежающиеся между собой позитивные и негативные направленности коммуникации.

Еще более драматичное влияние такие сообщения оказывают на детей, которые, находясь в известной зависимости от самых значимых близких людей (родителей), могут получить психологическую травму на всю оставшуюся жизнь. Ср.: *Wiederholtes Double Binding treibt Erwachsene in die Verzweiflung. Umso schlimmer ist dieses Verhalten natürlich für Kinder, auch dadurch, dass sie es oft von ihren engsten Bezugspersonen erfahren und ihr Vertrauen somit nachhaltig erschüttert oder zerstört wird ... Doppelbotschaften seitens der Eltern an ihre Kinder sind immer Teil von zumindest emotionalem Missbrauch, der zu Traumata führt, unter denen die Kinder oft ihr Leben lang leiden* (Morel2023). Обратимся к дискурсу отношений между родителем и ребенком:

(8) *Willst du mir nicht „hallo“ sagen? ... Jetzt brauchst du auch nicht mehr kommen.*

В данной коммуникативной ситуации ключевой становится фраза *Ты не хочешь поздороваться со мной? ... Ну что ж, раз так, тогда сейчас уже не нужно ко мне подходить*, сказанная матерью своему ребенку. Мать, забывая ребенка из детского сада и заставляя его за игрой, требует к себе внимания

с последующим отвержением детского обьятия. Ребенок попадает в ситуацию, в которой он одновременно получает от значимого для него человека два разноуровневых высказывания и не имеет возможности уточнить, на какое из них реагировать. Вербальная и невербальная информация, содержащаяся в сообщении, ставит ребенка в тупик и рождает в нем чувство отверженности. Первоначальное сообщение, свидетельствующее о готовности к коммуникации и содержащее призыв к действию, в то же время имплицитно кодирует в себе обиду и упрек. В дальнейшем конструкция *brauchen + nicht + Infinitiv*, содержащая отрицание и повелительное наклонение, полностью нивелирует сказанное ранее.

(9) *Du kannst mir ruhig sagen, wenn es dir nicht schmeckt!*

В этом примере отец обращается к ребенку, нехотя приступающему к приему пищи, со словами: *Ты можешь мне совершенно спокойно сказать, если для тебя это не вкусно*. Фактическая просьба в сообщении о возможном принятии мнения ребенка (реализующаяся при помощи модального глагола *können*) может сопровождаться паралингвистическими средствами в виде авторитарного, угрожающего тона и мимики. Сообщение и контекст (ситуация) находятся на разных уровнях, не пересекаясь между собой. Образная пропасть между словом и реальным действием отца рождает парадокс, противоречие и непонимание в сознании ребенка.

(10) *Mir macht das auch keinen Spaß, aber weil ich dich liebe / du mich dazu zwingst, muss ich dich bestrafen* (Morel2023)

Вызывающая у ребенка недоумение фраза родителя: *Мне это совершенно не доставляет удовольствия, но, раз уж ты меня к этому принуждаешь / так как я тебя люблю, я должен тебя наказать*. Вторая часть сообщения, содержащая в себе упрек и перекладывание инициативы на ребенка, а также апеллирование к чувству благодарности за причиненное наказание, полностью аннулирует смысл первой части высказывания. Противительный союз *aber*, директивный тон родителя, экспрессивный тон и мимика лишают ребенка права выйти из подобной токсичной ситуации и оказывать какое-либо сопротивление.

5. Заключение

Итак, проведенное исследование подтверждает тезис о том, что паттерн *double bind* представляет собой сложный феномен, характерной чертой которого является наличие в коммуникации парадоксальных высказываний, оказывающихся для одной из сторон в психологическом смысле губительными. Объект беседы не способен дать ни положительную, ни отрицательную оценку намерениям своего собеседника, а также не способен отказаться от этих взаимоотношений.

Наблюдение за подобной практикой с точки зрения лингвистики выявляет такие маркеры, как настоятельные и агрессивные директивные высказывания, к которым относятся команды, приказы, требования, предписания, правила; конструкции с отрицанием, выражающие запрет на какие-либо действия; противительный союз *aber*, который «аннулирует» предыдущее сообщение; конструкции, имеющие модальное значение и включающие модальные глаголы (*wollen, müssen, dürfen, sollen, brauchen + nicht + zu* др.), вопросительные предложения, содержащие скрытый упреки др.

«Двойное послание», помимо лингвистических, задействует также паралингвистические средства, реализующиеся через экспрессивную, упрекающую, обиженную, агрессивную, подозрительную интонацию, которая сопровождается красноречивыми жестами и мимикой.

Получатель сообщения, находящийся в подобной «ловушке-манипуляции», фактически сталкивается с «выбором без выбора», в силу того, что каждый из возможных выборов в конечном счете приводит к плохому результату. Адресат не имеет возможности выхода из сложившейся ситуации, так как находится в зависимых, подчиненных отношениях с отправителем сообщения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ситуация «двойных посланий» противоречит принципам кооперации и правилам этики, постулирующим в том числе идеи об избегании неоднозначности, непонятных выражений, соблюдении личных границ и интересов собеседника.

Столкнуться с такими «двуликими посланиями» могут партнеры, состоящие в любовных отношениях, подчиненные на работе, дети в рамках их отношений с родителями, учителями, воспитателями и т. д.

Широкая распространенность явлений подобной токсичной коммуникации в различных сферах человеческой жизни, социальная значимость и междисциплинарный характер данной проблематики нуждаются в дальнейшем исследовании с целью совершенствования навыков экологичного общения среди носителей языка.

Список литературы / References

- Антух Г. Г.* Психопатология повседневной коммуникации с точки зрения иерархического подхода к решению проблемы парадоксов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 47–58. [Antuh, Gennady G. (2020) Psihopatologiya povsednevnoj kommunikacii s tochki zreniya ierarhicheskogo podhoda k resheniyu problemy paradoksov (Psychopathology of Everyday Communication from the Point of View of a Hierarchical Approach to Solving the Problem of Paradoxes). *Tomsk State University Journal of Philology, Sociology and Political Science*, 56, 47–58. (In Russian)].

- Бариле Н. Брендинг «я» в эпоху эмоционального капитализма. Эксплуатация «просьюмеров» от риторики double-bind к гегемонии исповеди // Логос. 2015. № 3 (105). С. 138–161. [Barile, Nello. (2015) Brendirovanie «ya» v epohu emocional'nogo kapitalizma. Ekspluatatsiya «pros'yumerov» otritoriki double-bind k gegemonii ispovedi (Branding “I” in the Era of Emotional Capitalism. Exploitation of “Prosumers” from Double-bind Rhetoric to Confessional Hegemony). *Logos*, 3 (105), 138–161. (In Russian)].
- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. [Bejtson, Gregory. (2000) *Ekologiya razuma. Izbrannye stat'i po antropologii, psihiatrii i epistemologii* (Ecology of Mind. Selected Papers on Anthropology, Psychiatry and Epistemology). Moscow: Smysl. (In Russian)].
- Белютин Р. В. К вопросу о дискриминации в дискурсе немецких футбольных фанатов // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 119–129. [Belyutin, Roman V. (2022) K voprosu o diskriminacii v diskurse nemeckih futbol'nyh fanatov (On the Issue of Discrimination in the Discourse of German Football Fans). *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 119–129. (In Russian)].
- Вацлавик П., Бивии Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / Пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. [Vaclavik, Paul', Bivii, Dzhannet, & Dzhekson, Don. (2000) *Pragmatika chelovecheskih kommunikacij: Izuchenie pat-ternov, patologij i paradoksov v zaimodejstviya* (The Pragmatics of Human Communication: Exploring Interaction Patterns, Pathologies, and Paradoxes) / In Suvorova, Aleksandra. (trans. from English). Moscow: Aprel'-Press, Izd-vo EKSMO Press. (In Russian)].
- Глушченко О. А., Гришанин Н. В., Кириллина Н. В. Экология коммуникации: факторы токсичности в медийных текстах // Коммуникология. 2021. Т. 9. № 4. С. 160–178. [Glushchenko, Olesya A., Grishanin, Nikita V., & Kirillina, Natalya V. (2021) *Ekologiya kommunikacii: factory toksichnosti v medijnyhtekstah* (Ecology of Communication: the Toxity Factors in Media). *Communicology*, Vol. 9, 4, 160–178. (In Russian)].
- Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. [Golovanova, Elena I. (2008) *Kategoriya professional'nogo deyatelya: Formirovanie. Razvitie. Status v yazyke* (Category of Professional Figure: Formation. Development. Status in the Language). Moscow: Elpis. (In Russian)].
- Егорова Л. Г. Приемы речевого воздействия в современном региональном медиадискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. Вып. 43. С. 30–38. [Egorova, Lyudmila G. (2018) Priemy rechevogo vozdejstviya v sovremennom regional'nom mediadiskurse (Techniques of Speech Influence in Modern Regional Media Discourse). *LUNN Bulletin*, 43, 30–38. (In Russian)].
- Ионова С. В. Токсичный руководитель: лингвоэкология речевого поведения // Экология языка и коммуникативная практика: сетевое издание. 2018. № 4. С. 1–12. [Ionova, Svetlana V. (2018) Toksichnyj rukovoditel': lingvoekologiya rechevogo povedeniya (Toxic Head: Linguoecology of Verbal Behavior). *Ecology of Language and Communicative Practice* (online media) 4, 1–12. (In Russian)].

- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛЕНАНД, 2021. [Issers, Oksana S. (2021) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* (Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech). Moscow: LENAND. (In Russian)].
- Кронгауз М. А. Семантика. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. [Krongauz, Maksim A. (2001) *Semantika* (Semantics). Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russian)].
- Куликова Э. Г., Акай О. М., Тедеева З. К. Синтактика феминитивов и экологическое мышление // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 3 (59). С. 21–32. [Kulikova, Ella G., Akaj, Oksana M., & Tedeeva, Zalina K. (2022) *Sintaktika feminitivov i ekologicheskoe myshlenie* (Syntactics of Feminitives and Ecological Thinking). *LUNN Bulletin*, 3 (59), 21–32. (In Russian)].
- Майер Б. О. О паттерне «Double bind» в современном обществе и образовании // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 44–55. [Majer, Boris O. (2012) *O patterne «Double bind» v sovremennom obshchestve i obrazovanii* (About the Pattern “Double bind” in Modern Society and Education). *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 3, 44–55. (In Russian)].
- Поцелуев С. П. Double bind, или двойные ловушки политической коммуникации // Полис. Политические исследования. 2008. № 1. С. 8–32. [Poceluev, Sergey P. (2008) *Double bind, ili dvojnye lovushki politicheskoy kommunikacii* (Double Binds, or Dual Traps of Political Communication). *Polis. Political Studies*, 1, 8–32. (In Russian)].
- Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28–32. [Skovorodnikov, Aleksandr P., & Koptina, Galina A. (2017) *Lingvotoksichnye yavleniya v rechi i yazyke* (Linguotoxic Phenomena in Speech and Language). *The World of Russian Word*, 3, 28–32. (In Russian)].
- Старостина Ю. С., Леонович Л. М. Лингвоаксиологические основы коммуникативных конфликтов в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 2 (58). С. 63–75. [Starostina, Yulia S., & Leonovich, Larissa M. (2022) *Lingvoaksiologicheskie osnovy kommunikativnyh konfliktov v angloyazychnom dramaturgicheskom diskurse* (Linguo-axiological Foundations of Communicative Conflicts in the English-language Drama Discourse). *LUNN Bulletin*, 2 (58), 63–75. (In Russian)].
- Тихомиров С. А. К вопросу о «двойном послании» (double bind) в корпоративном управлении, управленческом учете и коммуникациях компании в процессе принятия решений // Управленческий учет. 2013. № 6. С. 39–47. [Tihomirov, Sergey A. (2013) *K voprosu o «dvojnomo poslanii» (double bind) v korporativnom upravlenii, upravlencheskom uchete i kommunikaciyah kompanii v processe prinyatiya reshenij* (On the Issue of “Double Bind” in Corporate Governance, Management Accounting and Company Communications in the Decision-making Process). *Upravlenchesky uchet*, 6, 39–47. (In Russian)].
- Цой А. И. Лингвоэкология эмотивного компонента бизнес-коммуникации // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. мон. / науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. [Tsoy, Alla I. (2013) *Lingvoekologiya emotivnogo komponenta biznes-kommunikacii*. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom*

- prostranstve. In Shakhovsky, Viktor I. (scien. ed., prof.), Panchenko, Nadezhda N. (ed., prof.), Volkova, Yana A., Shteba, Aleksey A., & Korobkina, Natalya I. (ed. board) *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kol. mon.* (Linguoecology of the Emotive Component of Business Communication. Emotive Linguoecology in Modern Communicative Space: Collective Monograph). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. мон. / науч. ред. проф. В. И. Шаховский; отв. ред. проф. Н. Н. Панченко, редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. [Shakhovsky, Viktor I. (scien. ed., prof.), Panchenko, Nadezhda N. (ed., prof.), Volkova, Yana A., Shteba, Aleksey A., & Korobkina, Natalya I. (ed. board) *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kol. mon.* (Emotive Linguoecology in Modern Communicative Space: Collective Monograph). Volgograd: Peremena. (In Russian)].
- Eicher, Hans. (2018) *Die verblüffende Macht der Sprache. Was Sie mit Worten auslösen oder verhindern und was Ihr Sprachverhalten verrät.* Salzburg: Springer Fachmedien Wiesbaden. (In German).
- Geramanis, Olaf, Hutmacher, Stefan, & Walser, Lukas. (2021) *Kooperation in der digitalen Arbeitswelt. Verlässliche Führung in Zeiten virtueller Kommunikation.* Wiesbaden: Springer Fachmedien. (In German).
- Rodriguez, Carlos J. F., & Pérez, Daniel O. (2005) (2023, January 10) The “Double Bind” Discourse in Management Narratives, Transdisciplinary Approach. In *Frontiers of Sociology: Proceedings of 37th World Congress of the International Institute of Sociology (Stockholm, July 5–9, 2005)*. Retrieved from http://www.scasss.uu.se/IIS2005/total_webb/tot_html/papers/the_double_bind_discourse.pdf.
- Schwarz-Friesel, Monika. (2022) *Toxische Sprache und geistige Gewalt. Wie judenfeindliche Denk- und Gefühlsmuster seit Jahrhunderten unsere Kommunikation prägen.* Tübingen: Narr Francke Attempto Verlag GmbH. (In German).
- Shah, Rupesh. (2001) (2023, January 10) *Relational Praxis in Transition towards Sustainability: Business-NGO Collaboration and Participatory Action Research Bath* (unpublished PhD; University of Bath, UK). Retrieved from https://people.bath.ac.uk/mnspwr/doc_theses_links/r_shah.html.
- Shoham, Shlomo G. (2005) *Society and the Absurd: A Sociology of Conflictual Encounters.* Liverpool: Liverpool University Press.
- Unger, Frank. (2003) (2023, January 10) *Neo-Gaullismus oder demokratischer Anti-Amerikanismus.* Retrieved from <https://zeitschrift-marxistische-erneuerung.de/article/1014.neo-gaullismus-oder-demokratischer-anti-amerikanismus.html>. (In German).

Источники языкового материала / Language material resources

- Doppelbotschaften in Beziehungen, Alltag? (2023, April 29). Retrieved from <https://conwide.de/doppelbotschaften-in-beziehungen-alltag/>. (In German).
- Double Bind. Wenn doppeldeutige Botschaften zur Belastung werden (2023, April 29). Retrieved from <https://www.bigkarriere.de/ratgeber/arbeitswelt/double-bind/>. (In German).
- Kutz, Angelika. (2016) *Toxische Kommunikation als Krankheitsursache in Unternehmen. Das Double Bind-Phänomen — eine Einführung für Führungskräfte, Berater, Coaches*. Verlag: Springer Fachmedien Wiesbaden. (In German).
- Morel, Elisa. (2023, April 29) Falle Double Bind: So erkennen und vermeiden Sie Doppelbotschaften. Retrieved from <https://www.backwinkel.de/blog/double-bind/>. (In German).

УДК 811.133.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-159-170

**О ПЕРЕВОДЕ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИХ РОЛИ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на примере перевода на русский язык стихотворения
La pioggia nel pineto Г. Д'Аннунцио)**

О. Б. Трубина

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Целью статьи является изучение роли дейксиса в переводческой интерпретации художественного текста. Объектом исследования являются дейктические единицы в тексте стихотворения Г. Д'Аннунцио *La pioggia nel pineto*. Проблема передачи семантики дейктических единиц актуальна, так как связана с интерпретацией таких единиц в художественном тексте. Перевод дейктических единиц является и практической, и теоретической задачей для переводчика; теоретическая связана в первую очередь с обращением к двум аспектам значения и референции в сфере личного, пространственного и временного дейксиса; практическая — с предложением конкретного переводческого решения. В статье представлен полный перевод стихотворения Г. Д'Аннунцио *La pioggia nel pineto*, сделанный автором статьи совместно с G. Velussi. При сравнительном анализе этого перевода и переводческих рецепций других авторов обращается внимание на то, как меняются референтные значения дейктических единиц в неканонической коммуникативной ситуации, в которой изменение референтного значения дейктиков не связано с меной коммуникативных ролей. В работе автор опирается на такие методы исследования, как описательный метод, метод контекстуального анализа и др.

Ключевые слова: дейксис; дейктические единицы; референция; перевод, Г. Д'Аннунцио; *La pioggia nel pineto*.

Цитирование: Трубина О. Б. О переводе дейктических единиц, их роли в интерпретации художественного текста (на примере перевода на русский язык стихотворения *La pioggia nel pineto* Г. Д'Аннунцио) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 159–170.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-159-170.

**Translation of Deictic Units and Their Role in Interpreting Literary Texts
(Looking at Russian Translations of “*La pioggia nel pineto*” by G. D’Annunzio)**

Olga B. Trubina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The purpose of this article is to study the role of deixis in a translator’s interpretation of a literary text; more specifically, the study examines the deictic units in G. D’Annunzio’s poem “*La pioggia nel pineto*.” The problem of interpreting the semantics of deictic units is relevant since it is associated with the complex issue of interpreting such units in a literary text. The translation

of deictic units constitutes both a practical and theoretical challenge for the translator. The theoretical problem is primarily related to addressing two aspects of meaning and reference in the field of personal, spatial, and temporal deixis; the practical one concerns specific translation solutions. The article presents the author's full Russian translation of G. D'Annunzio's poem "La pioggia nel pineto" made in collaboration with G. Belussi. Using primarily the descriptive method and the method of contextual analysis, the author provides a comparative analysis of her translation with how other translators interpreted the poem, drawing attention to the way the reference values of deictic units change in non-canonical communication.

Key words: deixis; deictic units; reference; translation, G. D'Annunzio; "La pioggia nel pineto".

Citation: Trubina, Olga B. (2023) Translation of Deictic Units and Their Role in Interpreting Literary Texts (Looking at Russian Translations of "La pioggia nel pineto" by G. D'Annunzio). *LUNN Bulletin*, 2 (62), 159–170. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-159-170.

1. Введение

Дейктические единицы до сих пор вызывают интерес и российских, и зарубежных лингвистов. К. Бюлер, один из тех, кто заложил основы изучения дейксиса, понимал его как некое указательное поле человека, структурированное через пространственно-временную систему координат, которую выстроил субъект восприятия (Бюлер 1993: 9).

К изучению дейктических единиц обращались в своих работах и Ч. Филлмор, и Дж. Лайонз. (Fillmore 1975; Лайонз 1978). Основы классического подхода к изучению дейксиса в русских лингвистических школах сформировались в исследованиях И. А. Стернина, Ю. Д. Апресяна, А. Д. Шмелева, Е. В. Падучевой и др. (Стернин 1973; Апресян 1986; Шмелев 1995; Падучева 2018).

Однако в настоящее время существует множество точек зрения на основные характеристики дейксиса. Во многих работах, посвященных дейксису, под ним прежде всего понимался местоименный дейксис (Кирвалдзе 1991; Устин 1995; Дымарский 2007). При этом бесспорными характеристиками дейктических единиц признавались: указание на лицо, пространство и время; наличие некой точки отсчета, присутствие наблюдателя; а значит, принималась во внимание его позиция в пространстве и времени. Сформировалось и такое направление в исследовании дейктических единиц, в рамках которого изучался «дейксис текста». Рассматривались следующие вопросы: корреляция дейксиса с категориями связности и цельности текста с позиции наблюдателя в пространстве и времени (Shapiro 1991); роль дейктических единиц в интерпретации текста читателем (Riccobono 1996); отношения между текстом и реципиентом (Waszink 1988). Современные лингвисты все активнее обращаются в своих работах к проблемам моделирования языковыми средствами текста художественного произведения. В работах Н. А. Сребрянской, С. А. Пушминой, О. Г. Мельник предметом изучения

становится «текстовая проекция дейксиса». (Сребрянская 2005; Пушмина 2013; Мельник 2016).

Итак, под дейксисом в нашей работе, вслед за Д. Лайонзом, будет пониматься «локация и идентификация лиц, предметов, событий, процессов и действий, о которых говорят или к которым отсылают относительно пространственно-временного контекста, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участием в нем, как правило, одного говорящего и, по крайней мере, одного адресата» (Лайонз 1978: 539).

Как отмечает Н. А. Сребрянская, «дейксис проецируется на художественный текст через универсальные смыслы человек, пространство, время; через точку зрения наблюдателя, имеющего определенную позицию в пространстве и во времени; через оппозицию близко — далеко по отношению к тексту со стороны наблюдателя; через сфокусированное значение антропоцентризма в тексте, через участие в создании хронотопа и пр.» (Сребрянская 2005: 24).

2. Характеристика материала и методов исследования

В комплексную методику, которая использовалась в настоящем исследовании, вошли такие методы анализа художественного текста, как интерпретационный, интертекстуальный и сравнительно-сопоставительный (сопоставительный анализ перевода или переводов с оригиналом, самих переводов друг с другом), а также дискурсивный анализ. Фактическим материалом для исследования послужили два варианта перевода текста стихотворения Г. Д'Аннунцио *La pioggia nel pineto*: перевод А. Евдокимова и перевод, выполненный автором статьи и G. Belussi.

Итак, рассмотрим интерпретацию дейктических единиц в двух переводческих рецепциях стихотворения Г. Д'Аннунцио:

La pioggia nel pineto	Дождь в сосновом лесу	Дождь в бору
Taci. Su le soglie del bosco non odo parole che dici umane; ma odo parole più nuove che parlano gocciole e foglie lontane.	<i>Тише. На поляных лесных я не слышу слов твоих человеческих. Я слышу, как капли и листья шепчут слова на странных наречьях.</i>	<i>Помолчи. У края леса не слышу слов человеческих, что произносишь; но слышу новее слова, что говорят далекие листья и капли дождя.</i>
Ascolta. Piove dalle nuvole sparse. Piove su le tamerici salmastre ed arse, piove su i pini scagliosi ed irti,	<i>Послушай. Литься продолжают капли по веткам провисшим, тяжелым лапам, по чешуйкам сосновым, колючим кронам,</i>	<i>Послушай. Дождит из рассеянных туч. Дождит на тамариски, солоноватые и жжженные, дождит на сосны, колючие и шершавые,</i>

La pioggia nel pineto	Дождь в сосновом лесу	Дождь в бору
<p>piove su i mirti divini, su le ginestre fulgenti di fiori accolti, su i ginepri folti di coccole aulenti, piove su i nostri volti silvani, piove su le nostre mani ignude, su i nostri vestimenti leggieri, su i freschi pensieri che l'anima schiude novella, su la favola bella che ieri t'illuse, che oggi c'illude, o Ermione.</p>	<p><i>листам зеленым лавровым, по мокрым кистям и листьям дрока, по цветам с душистым тягучим соком, по нашим одиноким лицам вода струится, по ткани, по легким чистым одеждам и по неожиданным надеждам. И дождь станет лаской, волшебной сказкой, что прежде тебя манила, меня так ма- нит, о Эрмиона.</i></p>	<p><i>дождит на священные мирты, на сияющий дрок, приютивший цветы, на можжевельник, полный душистых ягод, дождит на наши лица лесные, дождит на наши руки нагие, на наши одежды невесомые, на свежие мысли, что душа обновленная открывает, на прекрасную сказку, что вчера обманула тебя. что сегодня обманывает нас, о, Эрмионе.</i></p>
<p>Odi? La pioggia cade su la solitaria verdura con un crepitio che dura e varia nell'aria secondo le fronde più rade, men rade.</p>	<p><i>Ты слышишь? Колышет дождь печальные ветки — частые, редкие, — меня звучание на кистях и листьях — звонче, тише...</i></p>	<p><i>Слышишь? Падает дождь на зелень с шурианьем, что длится и меняется в воздухе согласно тому, густы ли, редки ли ветки.</i></p>
<p>Ascolta. Risponde al pianto il canto delle cicale. E il pino ha un suono, e il mirto altro suono, e il ginepro altro ancóra, stromenti diversi sotto innumerevoli dita. E immersi noi siam nello spirto silvestre, d'arborea vita viventi; e il tuo volto ebro è molle di pioggia come una foglia, e le tue chiome</p>	<p><i>Послушай. Так близко вторят хором дождю ци- кады, словно им не преграда нависшее низко небо и тучи. И звучны песни сосен и мирта и говор дрока, словно пальцами дождик к струнам прикасается странным. И в юном лесном мире лишь двое на поляне в роще, и лицо твое строго и вдохновенно, кудрей сплетенья</i></p>	<p><i>Послушай. Отзывается плачем пенье цикад. И у сосны есть свой звук, и у мирта есть звук, но другой, и у можжевельника. Есть и еще один — это звучат инструменты разные под пальцами бесчислен- ными. И погружены мы, лесною жизнью живу- щие, в дух лесной, и твое лицо, ликующее, мягче дождя, словно лист, и волосы твои</i></p>

La pioggia nel pineto	Дождь в сосновом лесу	Дождь в бору
<p>auliscono come le chiare ginestre, o creatura terrestre che hai nome Ermione.</p>	<p><i>пахнут неуловимо цветами жасмина и резедою, о созданье земное, чье имя Эрмиона.</i></p>	<p><i>пахучи, словно светлая душица, о земное создание, с именем Эрмионе.</i></p>
<p>Ascolta, ascolta. L'accordo delle aeree cicale a poco a poco più sordo si fa sotto il pianto che cresce; ma un canto vi si mesce più roco che di laggiù sale, dall'umida ombra remota. Più sordo e più fioco s'allenta, si spegne. Sola una nota ancor trema, si spegne, risorge, trema, si spegne. Non s'ode voce del mare. Or s'ode su tutta la fronda crosciare l'argentea pioggia che monda, il croscio che varia secondo la fronda più folta, men folta. Ascolta. La figlia dell'aria è muta; ma la figlia del limo lontana, la rana, canta nell'ombra più fonda, chi sa dove, chi sa dove! E piove su le tue ciglia, Ermione.</p>	<p><i>Слушай, слушай. Летучих цикад стрекотанье все глуше, и тучи все звонче плачут. Тени прячут в сплетеньи ветвей набухших, как тайну, трескучий отзвук далекий. Слушай, звук гаснет. Лишь влажный воздух задержит эхо. Звук гаснет. И снова дрожит. И гаснет. Шума моря не слышно за шумом капель. Листья колышет дождь серебри- стый, звенит по лужам, стучит торопливо по иглам смолистым — звонче, глуше, — послушай. Молчалива дочь неба птица; в глуши тенистой за корягой заговорила дочь ила. И влага на твоих ресницах, Эрмиона.</i></p>	<p><i>Послушай, послушай. Аккорд воздушных цикад мало-помалу становится тише под плач, что усиливается; но пенье влетается во что-то более хрипкое, что поднимается оттуда, из влажной далекой тени. Более глухое и тусклое стихает, тает. Только одна нота все дрожит, замирает, снова воскресает и опять угасает. Не слышно голоса моря. Слышно, как по всем ветвям звенит серебряный дождь, что очищает, звук, что меняется от того, толще или плотнее ветвь. Послушай. Дочь воздуха теперь нема; но лягушка, далекая дочь тины, поет в самой глубокой тени, кто знает, кто знает где! И дождит на твои ресницы, Эрмионе.</i></p>
<p>Piove su le tue ciglia nere sìche par tu pianga ma di piacere; non bianca ma quasi fatta virente, par da scorza tu esca. E tutta la vita è in noi fresca</p>	<p><i>Дождинки на черных ресни- цах, кажется, что ты плачешь, и на наши лица иначе упала тени зелень, словно с лесом нас породнила. И сок жизни в жилах хмелен,</i></p>	<p><i>Дождит на черные твои ресницы, словно плачешь ты, но от удовольствия; ты уже не белая, но почти зеленеющая, точно из коры выходящая.</i></p>

La pioggia nel pineto	Дождь в сосновом лесу	Дождь в бору
<p>aulente, il cuor nel petto è come pesca intatta, tra le pàlpebre gli occhi son come polle tra l'erbe, i denti negli alvèoli con come mandorle acerbe. E andiam di fratta in fratta, or congiunti or disciolti e il verde vigor rude ci allaccia i mallèoli c'intrica i ginocchi chi sa dove, chi sa dove! E piove su i nostri vólti silvani, piove su le nostre mani ignude, su i nostri vestimenti leggieri, su i freschi pensieri che l'anima schiude novella, su la favola bella che ieri m'illuse, che oggi t'illude, o Ermione.</p> <p><i>Gabriele D'Annunzio (1863–1938)</i></p> <p>https://www.tania-soleil.com/gabriele-dannunzio-la-pioggia-nel-pineto/</p>	<p><i>и сердце плодом застыло сладким, и кажутся родниками два глаза черных, и зубы в деснах — миндаль- ные зерна, и мы идем без оглядки, и нам на поляне оплетают ноги травы стеблями, мочат влагой росной, и мы идем куда-то, куда же?! По нашим одиноким лицам вода струится, по ткани, по легким чистым одеждам и по неожиданным надеждам; и дождь станет лаской, волшебной сказкой, что прежде меня манила, тебя так манит, о Эрмиона.</i></p> <p><i>Перевод А. Евдокимова</i></p> <p>https://www.tania-soleil.com/gabriele-dannunzio-la-pioggia-nel-pineto/</p>	<p><i>И вся жизнь в нас свежа, благоуханна; сердце в груди как персик, нетронутый, живой, глаза меж веками как родники в травах, зубы в деснах, как неспелый миндаль. Мы идем от чащи к чаще, то обнявшись, то порознь, но зеленая сила сурова, и связаны мы по лодыжки, путает она нам колени; куда — кто знает, кто знает! Дождит на наши лица лесные, дождит на наши руки нагие, на наши одежды невесомые, на свежие мысли, что душа обновленная открывает, на прекрасную сказку, что вчера обманула меня, что сегодня обманывает тебя, о Эрмионе.</i></p> <p><i>Перевод О. Б. Трубиной и G. Belussi</i></p>

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Личный (персональный) дейксис

Будем исходить из того факта, что при обращении к тексту стихотворения у переводчика и читателя существуют лишь общее представление о речевой ситуации, об участниках общения. Как известно, понятие говорящего в неканонических коммуникативных ситуациях, в нарративном тексте, условно.

При этом важным фактом можно считать отсутствие в тексте стихотворения мены коммуникативных ролей, что обусловлено тем фактом, что режим речи — «условный монолог». Интересно, что в стихотворении Д'Аннунцио лирический герой не обращается к Эрмионе с признанием в любви, открыто не говорит ей о своих чувствах, но они опосредованно описаны через «отсылку» к пейзажу, нарисованному поэтом. В тексте стихотворения, который начинается с обращения лирического героя к Эрмионе, представлен диалог, который ведет дождь с лирическим героем и Эрмионе, и диалог («диалог в диалоге») дождя с природой («зеленым миром», частью которого постепенно становятся и лирический герой, и его возлюбленная). Это вполне соответствует идее пантеизма, близкой поэту. Лирический герой обращается к Эрмионе — мифическому существу, под этим именем скрывается женщина, с которой у поэта в то время был роман, — Элеонора Дузе; поэт придает этой личной истории черты красивого мифа.

Эрмионе безмолвна, лирический герой в первой и последней строфе прямо обращается к ней, но во всем тексте есть лишь несколько слов, которые адресованы любимой: *taci — ascolta — odi*.

Для адекватной переводческой рецепции дейктических слов и речевых актов (далее — РА), в которые они включены, важно верно интерпретировать их референтную соотнесенность и тип речевого акта, в котором использованы эти языковые единицы. В оригинальном тексте (в начале первой строфы) есть прямой призыв лирического героя к Эрмионе, который выражает просьбу молчать и слушать; но не его, а третье лицо (или третьих лиц) — некий «зеленый мир». Такой призыв может быть выражен как прямым, так и косвенным речевым актом, например, в русском языке — косвенным РА: *тише*.

В своем переводе А. Евдокимов использовал слово *тише*. Такой же вариант перевода представлен в другой переводческой рецепции этого стихотворения: ...*Тише. На лесных полянах / я не слышу слов твоих. / Капли, листья шепчут пьяно непонятный новый стих...* (перевод Сержа Конфона 2, в статье не даем его полностью; <https://stihi.ru/2018/03/31/5686>).

В словаре синонимов Н. Абрамова слово *тише* дается как синоним к слову *молчать* (Абрамов 1999). То есть вполне оправданна такая переводческая рецепция этого РА — *Тише*. Такой вариант перевода вполне возможен, но с некоторой «потерей смысла».

В нашем переводе данный РА транслируется инфинитивной формой — *помолчи*, автор оригинального текста использовал именно императивную форму. В итальянском языке глагол *tacere* имеет следующее значения: *tacére ... A neperex. [intr.] I (non parlare) молча́ть / помолча́ть, не говори́ть • tacére per la vergógnа — молча́ть от стыда́...* (Kovalev 2007).

В толковом словаре русского языка слово *молчать* описано следующим образом: *МОЛЧАТЬ*, -чу, -чишь; нсв. 1. *Ничего не говорить, не издавать звуков голосом (о человеке, животном)...* (Кузнецов 2004).

Важно, что в оригинальном тексте высказывания с глаголами речи (*taci — ascolta — odi*) императивны, что придает просьбе лирического героя некоторую категоричность, которая отчасти нейтрализуется в переводческой рецепции формой совершенного вида, подчеркнутая категоричность, на наш взгляд, неуместна, так как лирический герой с просьбой-призывом обращается к любимой женщине. При этом слово *ascolta* повторяется несколько раз, что усиливает перлокутивный эффект призыва.

Лирический герой включен в диалог не только с Эрмионе, он как безответный слушатель участвует в «метафорическом» диалоге, который ведет с ним /с ними «зеленый мир». Факт существования такого второго диалога подтверждается использованием в тексте глаголов речи (например, *parlare —* буквально: *говорить*; *rispondere —* буквально: *ответить*).

Как известно, особую роль в личном (персональном) дейксисе играют личные местоимения. Важно подчеркнуть следующее: при эмфатическом использовании местоимения передают высказыванию имплицитную дополнительную информацию, она может быть детерминирована и конкретным контекстом, и общим фондом знаний читателя. Таким образом, смысл высказывания при этом складывается из двух компонентов: основного, очевидного, и дополнительного — интерпретации читателем / переводчиком.

И. И. Ковтунова говорит об адресной речи в поэзии, в которой лирическое «я» говорящего включено в своеобразный игровой диалог с теми фрагментами реальной действительности, которые по замыслу автора имеют особую значимость (Ковтунова 1986: 4).

Итак, рассмотрим использование личных местоимений в оригинальном и переводных текстах. Личные местоимение *я (io)*, *мы (noi)*, как известно, прямо соотносятся с говорящим/говорящими и / или с миром говорящего / говорящих; личное местоимение *ты (tu)* — со слушающим лицом, миром слушающего лица или любым лицом.

В тексте стихотворения личное местоимение второго лица *ты* и притяжательное местоимение *твой* имеют определенную идентифицирующую референцию: *ты* — Эрмионе и *твой* — принадлежащий / относящийся к Эрмионе (например, *твои ресницы, твое лицо, твои волосы*).

Референция личного местоимения первого лица *мы (noi)* и притяжательного местоимения *наш (nostro)* менее определена с точки зрения переводческой интерпретации. Местоимение *noi (мы)* может иметь значение (1) *говорящий (лирический герой) и Эрмионе*, но может иметь значение (2) *говорящий*

(лирический герой), Эрмионе и окружающий их «зеленый мир» (природа). Притяжательное местоимение *nostro / nostri* (наш / наши), соответственно, (1) принадлежащий говорящему (лирическому герою) и Эрмионе, (2) принадлежащий говорящему (лирическому герою), Эрмионе и окружающему их «зеленому миру» (природе).

Так, во фразах ...*E piove su i nostri volti / silvani, / piove su le nostre mani / ignude, / su i nostri vestimenti / leggieri* — ...Дождит на **наши** лица / лесные, / дождит на **наши** руки / нагие, / на **наши** одежды / невесомые...; *E immerse / noi siamo nello spirto / silvestre* — мы, лесною жизнью живущие... реализовано второе значение местоимения. И в таком случае вариант перевода *И в юном лесном мире / лишь двое / на поляне в роще*... (перевод А. Евдокимова), на наш взгляд, является спорным.

Как известно, личный дейксис характеризуется изменчивостью, связанной с меной коммуникативных ролей «говорящий — адресат»; но отметим, это важно и для переводческой, и для читательской интерпретации, изменчивость значения дейктиков может быть обусловлена интенцией автора; именно дейктики могут формировать дополнительный смысл высказывания. Заметим, что композиция текста четко коррелирует со значением дейктиков. Так, в первой и последней строфах стихотворения лирический герой ведет диалог с любимой, в других — его собеседник не только Эрмионе. Кроме того, изменчивость референтного значения единиц персонального дейксиса связана с координатами «я — здесь — сейчас» и «я — там — тогда»: и лирический герой, и его любимая, сливаясь с «зеленым миром», становятся частью этого мира, что «меняет» и значение дейктических единиц: *ты уже не белая, но почти зеленеющая, / точно из коры выходящая*... Таким образом, *ты* — это не только Эрмионе, *ты* — это Эрмионе и сопутствующий ей «зеленый мир».

3.2. Пространственный дейксис

В тексте стихотворения *La pioggia nel pineto* автор нарисовал импрессионистический пейзаж, сложный по своей структуре. В нем реалистично изображена природа Тосканы, но при этом воссоздан некий воображаемый «зеленый мир», соответствующий античному (мифологическому) представлению о природе; в стихотворном тексте реальный мир постепенно трансформируется в таинственный «зеленый мир», но между этими двумя мирами существует четкая граница. В первой строфе автор использует выражение *su le soglie / del bosco* (буквально: на пороге / предверье / границе / краю / рубеже (леса)), в котором изначально обозначает границу между этими мирами, используя слово *le soglie*. А. Евдокимов в своем переводе этой части фразы обращается к слову *поляна*, но в его значении нет семы, которая передавала бы важный элемент смысла высказывания. В нашем варианте перевода использовалось слово *край*

(леса): *КРАЙ*, *края(-ю)*, ... м. 1. *Предельная линия, ограничивающая поверхность или протяжённость чего-л.; прилегающая к ней часть этой поверхности* (Кузнецов 2004). На наш взгляд, именно дейктические элементы, употребленные в этом тексте, подчеркивают идею множественности миров.

3.3. Временной дейксис

В тексте стихотворения есть прямое указание на время: *la favola bella / che ieri / t'illuse, che oggi m'illude* (1-я строфа.) и *la favola bella / che ieri m'illuse, che oggi t'illude* (4-я строфа). Выделены два временных плана: *вчера* (*ieri*) и *сегодня* (*oggi*). При этом в тексте стихотворения изменяется время глагола (*illudere*); употребление наречия времени, грамматически избыточное, подчеркивает такое «перетекание времени»: образ из прошлого — любимая женщина (Эрмионе) — становится частью настоящего, а лирический герой — персонаж из настоящего — погружается в прошлое, важную роль в отображении этого процесса играют дейктические единицы. На наш взгляд, оптимальным переводческим решением является буквальный перевод, который адекватно передает противопоставление *вчера* — *сегодня*.

4. Заключение

1. В художественном тексте, в неканонической коммуникации, референтное значение дейктических единиц может меняться и без формальной смены коммуникативных ролей, это важно отразить в переводческой рецепции. Обычно принято считать, что в художественном тексте субъектом может быть не говорящий, а другое лицо или лица; на наш взгляд, столь же сложной может быть интерпретация слушающего / слушающих.

2. Референтное значение дейктиков в тексте стихотворения может быть интерпретировано, безусловно, только при обращении к контексту, но он должен пониматься расширенно с учетом особенностей художественного текста.

3. В тексте стихотворения для передачи «авторских смыслов» активно используются дейктические единицы, в первую очередь единицы, относящиеся к личному дейксису. Именно они отражают все особенности неканонической коммуникативной ситуации и помогают читателю адекватно интерпретировать «авторские смыслы», в переводческой рецепции ошибочная интерпретация референтного значения дейктических единиц в оригинальном тексте искажает смысл авторского высказывания.

4. Дейктические языковые элементы, относящиеся к пространственно-временному дейксису, формируют сложный хронотоп художественного текста, подчеркивают единство и противоположность реального и мифологического элементов хронотопа.

Список литературы / References

- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28. С. 5–33. [Apresyanyan, Yuriy D. (1986) Dejksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira (Deixis in Vocabulary and Grammar and a Naive Model of the World). *Semiotics and Informatics*, 28, 5–33. (In Russian)].
- Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 1993. [Byuler, Karl. L. (1993) *Teoriya yazyka* (Theory of Language). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Дымарский М. Я. Это / N 1 V f : к понятию речевой синтаксической модели // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 159–171. [Dymarskiy, Mihail Ya. (2007) Eto / N 1 V f : k ponyatiyu rechevoj sintaksicheskoy modeli (Eto / N 1 V f : to the Concept of a Speech Syntactic Model). In *Yazyk v dvizhenii: k 70-letiyu L. P. Krysin* (Language in Motion: on the Occasion of 70th Anniversary of L. P. Krysin). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 159–171. (In Russian)].
- Кирвалидзе Н. Г. Дейктические средства в системе современного английского языка и их роль в организации текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. [Kirvalidze, Nino G. (1991) *Dejkticheskie sredstva v sisteme sovremennogo anglijskogo yazyka i ikh rol' v organizacii teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* (Deictic Means in the System of Modern English and Their Role in Text Organization: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 3–13. [Kovtunova, Irina. I. (1986) Poeticheskaya rech' kak forma kommunikacii (Poetic Speech as a Form of Communication). *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, 3–13. (In Russian)].
- Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. [Lajonz, John. (1978) *Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku* (Introduction to Theoretical Linguistics). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Мельник О. Г. Дейктические проекции в тексте (на примере повести Дж. Стейнбека «Жемчужина») // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 6–19. [Melnik, Olga G. (2016) Dejkticheskie proekcii v tekste (na primere povesti Dzh. Stejnbeka «Zhemchuzhina») (Deictic Projections in the Text (On the Example of J. Steinbeck's Story "Pearl")). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 6–19. (In Russian)].
- Пушмина С. А. Текстовый дейксис в художественном произведении: семейный роман // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 1. С. 61–68. [Pushmina, Sofya A. (2013) Tekstovyj dejksis v khudozhestvennom proizvedenii: semejnuy roman (Textual Deixis in a Work of Fiction: a Family Romance). *Tyumen State University Herald*, 1, 61–68. (In Russian)].
- Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. [Paducheva, Elena V. (2018) *Egocentricheskie edinicy yazyka* (Egocentric Units of Language). Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK. (In Russian)].
- Сребрянская Н. А. Статус дейктических проекций в художественном тексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 24–27. [Srebryanskaya, Nina. A. (2005) Status deykticheskikh proektsiy v khudozhestvennom tekste (Status of Deictic Projections in

- an Artistic Text). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1, 24–27. (In Russian)].
- Стернин И. А. К проблеме дейктических функций слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. [Sternin, Iosif A. (1973) *K probleme dejkticheskix funkcij slova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (On the Problem of Deictic Functions of the Word: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. [Shmelev, Aleksej D. (1995) *Referencial'nye mekhanizmy russkogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* (Referential mechanisms of the Russian Language: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Устин А. К. Текстобразовательный дейксис. СПб.: SuperMax, 1995. [Ustin, Anatolij K. (1995) *Tekstoobrazovatel'nyj dejksis* (Text-forming Deixis). Saint Petersburg: SuperMax. (In Russian)].
- Fillmore, Charles J. (1975) *Santa Cruz Lectures on Deixis*. Bloomington: Indiana Univ. Linguistics Club. Press.
- Riccobono, Rosella. (1996) Deixis and the Dynamics of the Relationship Between Text and Reader in the Poetry of Eugenio Montale. *Edinburgh Working Papers in Applied Linguistics*, 7, 100–111.
- Shapiro, Stuart C. (1991) Models and Minds: Knowledge Representation for Natural-Language Competence. In Cummins, Robert., & Pollock, John. (ed.) *Philosophy and AI: Essays at the Interface*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 215–261.
- Waszink, Paul M. (1988) *'Such Things Happen in World': Deixis in Three Short Stories by N.V.Gogol'*. Amsterdam: Rodopi.

Словари / Dictionaries

- Абрамов (Переферкович) Н. А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов. 8-е изд., стер. М.: Русские словари [и др.], 2008. [Abramov (Pereferkovich), Nikolaj A. (2008) *Slovar' russkikh sinonimov i sxdnykh po smyslu vyrazhenij: okolo 5000 sinonimicheskix ryadov, bolee 20 000 sinonimov. 8-e izd., ster.* (Dictionary of Russian Synonyms and Similar in Meaning Expressions: circa 5,000 Synonymical Rows, over 20,000 Synonyms. 8th ed., ster.). Moscow: Russkie slovari [i dr.]. (In Russian)].
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004. [Kuznecov, Sergej.A. (2004) *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* (A Big Explanatory Dictionary of the Russian Language). Saint Petersburg: Norint. (In Russian)].
- Kovalev, Vladimir. (2007) *Dizionario russo – italiano, italiano – russo*. 6 ed. Bologna: Zanichelli. (In Italian and Russian).

УДК 81'1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-171-190

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОВ ТЕРМИНОПОЛЯ «СИЛОВЫЕ УСТАНОВКИ В АВИАСТРОЕНИИ»

А. Г. Фомин, А. В. Андряшина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

В статье представлены результаты исследования, посвященного выявлению особенностей образования английских терминов терминополья «Силовые установки в авиационной технике». Достижение поставленной цели предполагает использование следующих методов исследования: метод словообразовательного анализа, который позволяет выявить частотные способы образования терминоединиц; метод структурного анализа, позволяющий определить типы терминов по числу компонентов; метод структурно-морфемного анализа, который помогает выявить модели построения терминов; метод морфологического анализа, способствующий разграничению способов образования по грамматическому признаку элементов термина. Изучение особенностей образования терминов непосредственно связано с анализом форм терминоединиц, который позволяет определить продуктивные способы и модели образования терминологических единиц. Анализ структуры терминов терминополья «Силовые установки в авиационной технике» предоставил возможность выделить термины-слова (однословные, моноксемные термины) и термины-словосочетания (многословные, полилексемные термины). К терминам-словам относятся языковые единицы, выраженные одним словом. Термины-слова включают в себя корневые, аффиксальные и сложные терминоединицы. К полилексемным терминам относим двух-, трех- и четырехкомпонентные термины, в состав которых входят имена существительные и прилагательные; другие части речи являются менее частотными элементами. Наличие имен существительных в составе терминов-словосочетаний обусловлено тем, что в рассматриваемом терминополье термины в основном обозначают сущности, воспринимающиеся предметно. Вхождение имени прилагательного в состав многословных терминов может быть объяснено тем, что они наиболее точно раскрывают отношения между признаком и определяемым словом. В работе определен самый продуктивный способ образования английских терминов — синтаксический, который предполагает появление двухкомпонентных и многокомпонентных терминов, что обусловлено стремлением к точности выражения понятий, а также к устранению многозначности терминов. В рассматриваемом терминополье среди двух-, трех- и четырехкомпонентных терминоединиц наиболее частотны в употреблении двухкомпонентные термины, так как увеличение количества компонентов терминов приводит к неудобству в их употреблении из-за громоздкости. Кроме того, двухкомпонентные термины являются наиболее оптимальным типом полилексемных терминов вследствие своей семантической емкости.

Ключевые слова: термин; терминополье; моноксемные термины; полилексемные термины; двухкомпонентные термины; многокомпонентные термины.

Цитирование: Фомин А. Г., Андряшина А. В. Особенности образования английских

терминов терминопоя «Силовые установки в авиастроении» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 171–190. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-171-190.

Formation of English Terms in the Terminological Field “Powerplants in the Aircraft Industry”

Andrey G. Fomin, Anastasiya V. Andreyashina
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

The article presents the results of a study whose primary goal was to identify the peculiar features of formation of English terms in the terminology field “Powerplants in the Aircraft Industry.” The achievement of this goal involved the use of the following research methods: the method of word-formation analysis, which allows to identify most common methods of term formation; the method of structural analysis, which allows to determine the types of terms by the number of components; the method of structural-morphemic analysis, which makes it possible to identify models of term formation; the method of morphological analysis, which classifies methods of term formation on the basis of grammar. The study of term formation is directly related to the analysis of the forms of term components, which allows us to identify productive ways and models of formation of terminological units. The analysis of the structure of terms within the terminological field “Powerplants in the Aircraft Industry” allowed us to distinguish word-terms (single-word terms, monolexemes) and phrase-terms (multi-word terms, polylexemes). Monolexeme terms include linguistic units represented by one word. Monolexeme terms include root, affixal, and compound units. Polylexeme terms include two-, three- and four-component terms, which include mainly nouns and adjectives; other parts of speech are less frequent. Nouns are prominent in the composition of polylexeme terms since in the terminology field in question terms often denote entities that are perceived as concrete objects. The occurrence of adjectives in the composition of polylexeme terms can be explained by the fact that they most accurately reveal the relationship between the object defined and its specific feature. The paper identifies the syntactic way of forming English terms as the most productive; it produces two-component and multi-component terms, motivated by the desire to describe objects with accuracy as well as to eliminate ambiguity of terms. In the term field in question, among two-, three- and four-component term units, two-component terms are most frequently used, since an increase in the number of components in terms leads to inconvenience in their use due to bulkiness. In addition, two-component terms are the most optimal type of polylexeme terms due to their semantic capacity.

Key words: term; terminology field; monolexeme terms; polylexeme terms; two-component terms; multi-component terms.

Citation: Fomin, Andrey G., Andreyashina, Anastasiya V. (2023) Formation of English Terms in the Terminological Field “Powerplants in the Aircraft Industry”. *LUNN Bulletin*, 2 (62), 171–190. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-171-190.

1. Введение

Терминообразование остается актуальным вопросом в лингвистике, поскольку оно отражает особенности определенного терминопоя. Эту

связь можно проследить на значимой для общества области «Силовые установки в авиастроении». Целью данной статьи является выявление особенностей образования английских терминов терминополья «Силовые установки в авиастроении», что показывает специфику организации данного терминополья.

В качестве центральной единицы исследования выступает термин, который на протяжении многих лет является объектом исследования различных дисциплин, в том числе и лингвистики. Стоит отметить, что определение термина варьируется не только в различных науках, но и внутри лингвистики. Это можно обосновать тем, что при истолковании понятия «термин» выделяются его разные признаки. Так, например, В. П. Даниленко считает, что термин — это «слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» (Даниленко 1977: 15). В данной дефиниции указывается, что термин представляет собой слово, употребляющееся в специальной предметной области, выражающее специальные понятия и требующее дефиницию. Упоминаются структурные типы термина: термин может быть не только однокомпонентным, но и многокомпонентным (МКТ), то есть может быть представлен как в виде слова, так и в виде словосочетания.

А. Д. Хаютин дает следующую дефиницию понятию «термин»: «Термин — это слово или словесный комплекс, соотносящиеся с понятием определенной организованной области познания (науки, техники), вступающие в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образующие вместе с ними в каждом отдельном случае и в определенное время замкнутую систему, отличающуюся высокой информативностью, однозначностью, точностью и экспрессивной нейтральностью» (Хаютин 1972: 81). По мнению ученого, к терминам относятся однокомпонентные и многокомпонентные термины, относящиеся к замкнутой системе в определенный этап времени. Более того, в своем определении А. Д. Хаютин отмечает экспрессивную нейтральность термина.

Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин дополняют определение термина, утверждая, что термин — это слово или словосочетание, за которым закреплено специальное значение, номинирующее и образующее определенное понятие и используемое в процессе познания объектов определенной предметной области (Головин, Кобрин 1987: 5). В данной дефиниции подчеркивается когнитивная функция термина.

Когнитивную функцию термина подчеркивала и Памела Фабер: «термины — лишь верхушка айсберга, а под водой кроется понятийная область, которая представляет собой имплицитную информацию, содержащуюся в тексте. Чтобы эксплицитировать эту информацию и понять текст, написанный

на специальном языке, необходимо разобраться с понятиями, которые стоят за терминами» (перевод наш. — А. Ф., А. А.) (Faber 2012: 13). В своем определении Памела Фабер отмечает связь термина с понятием.

Понятие всегда считалось центральным элементом терминологической теории (Pitch 2011: 8). Понятия, относящиеся к определенной области специализации, представляют собой ментальные конструкции, которые помогают структурировать объекты в реальном мире. Эти объекты могут быть конкретными или абстрактными сущностями (Pavel, Nolet 2001: 21).

Между термином и понятием всегда существует связь, которую создает дефиниция. Действительно, дефиниция фиксирует связь термина с понятием, хотя и только лингвистическими средствами; в то же время она создает связь с другими понятиями внутри структуры знания (Sager 1990: 21–22).

Для данного исследования релевантно определение А. В. Суперанской, рассматривающей термин как лексическую единицу, употребляющуюся в определенной предметной области и в конкретных условиях; словесное обозначение понятия, включенное в систему понятий конкретной предметной области; для своего правильного понимания нуждается в специальной дефиниции (Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 14). Данное определение помогает достичь цели настоящего исследования, так как при отборе терминов для анализа учитывались признаки, приведенные в определении А. В. Суперанской: отнесенность термина к определенной специальной области, связь термина с понятием, включенность данного понятия в систему понятий определенной предметной области и наличие дефиниции, которая создает четкие границы понятия специального языка и таким образом придает значению термина точность. Наличие дефиниции у термина также обуславливает и такие признаки термина, как однозначность и независимость от контекста. А. А. Реформатский такой контекст называет терминологическим полем (Реформатский 1961: 52).

В. М. Лейчик считает, что понятие «терминополе» совпадает с понятием «терминосистема» (Лейчик 1981). Л. А. Морозова же разграничивает эти два понятия, утверждая, что терминополе входит в терминосистему: «Терминополе — это унифицированная по системному основанию многоуровневая классификационная структура, объединяющая термины одной предметной области» (Морозова 2004: 275). Терминополе, которое образуется терминами какой-либо предметной области внутри определенной отрасли, выявляется в каждой терминосистеме (Там же: 46). О вхождении терминополя в терминосистему говорил и Д. А. Разоренов: «Терминологическая система представляет собой лингвистическую упорядоченность терминов, обслуживающих определенное терминополе» (Разоренов 2006: 19). Таким образом, понятие «терминосистема» шире понятия «терминополе».

Отношения терминосистемы и терминопольа характеризуются как родо-видовые. Так, например, в терминосистему «Авиация» входят такие терминопольа как: «Аэродинамика», «Радиотехника в авиастроении», «Ракетостроение», «Вертолетостроение», «Самолетостроение», «Беспилотные летательные аппараты», «Силовые установки в авиастроении» и т. д., т. е. исследуемое терминополье «Силовые установки в авиастроении» является одним из видов авиации как рода.

Изучение особенностей образования терминов непосредственно связано с анализом форм терминоединиц, который позволяет выявить продуктивные способы и модели образования терминологических единиц.

С точки зрения формы выделяют моноксемные термины (однословные) и полилексемные термины (многословные). К моноксемным терминам (терминам-словам) относятся такие термины, которые состоят из одного слова. К полилексемным терминам (терминам-словосочетаниям) относятся термины, состоящие из нескольких слов. В составе терминов-слов можно выделить простые (корневые термины), аффиксальные и сложные. Простые термины — это моноксемные термины, основа которых соответствует корню. Под аффиксальными терминами понимаются термины, в основу которых входят корень и аффиксы. К сложным терминам относят термины, включающие в свой состав не менее двух корневых морфем (Гринева-Гринева 2008: 121).

С точки зрения количества компонентов у терминов-словосочетаний выделяют двухкомпонентные и многокомпонентные термины (Анисимова 2010: 42). Двухкомпонентным термином называют термин, состоящий из двух компонентов. Под многокомпонентным термином понимается полилексемное терминологическое сочетание с числом компонентов более двух (Кудинова 2011: 59).

2. Характеристика материала и методов исследования

Для анализа способов образования терминов методом целенаправленной выборки с подтверждением каждого отобранного слова в специализированных словарях было отобрано 300 английских терминов терминопольа «Силовые установки в авиастроении», входящего в терминосистему «Авиация». Источниками языкового материала послужили: тексты учебных пособий, научная литература и статьи по авиационным двигателям на английском языке.

В работе были использованы следующие методы исследования: метод словообразовательного анализа, который позволяет выявить частотные способы образования терминоединиц; метод структурного анализа, позволяющий определить типы терминов по числу компонентов; метод

структурно-морфемного анализа, который предоставляет возможность выявить модели построения терминов; метод морфологического анализа, способствующий разграничению способов образования по грамматическому признаку элементов термина.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Изучение способов образования терминов непосредственно связано с анализом структуры рассматриваемых терминов, так как данный анализ позволяет выявлять доминантные способы терминообразования в конкретном терминопле или терминосистеме. В результате использования метода структурного анализа в терминопле английского языка «Силовые установки в авиастроении» выделены следующие виды терминов: моноксемные термины (48 %) и полилексемные термины (52 %). Среди полилексемных терминов были выделены двухкомпонентные термины (53 %), трехкомпонентные (35 %), четырехкомпонентные (12 %). В составе моноксемных терминов можно выделить структурные типы: простые (корневые) (45 %), аффиксальные (50 %) и сложные термины (5 %).

3.1. Английские моноксемные термины терминопле «Силовые установки в авиастроении»

К моноксемным терминам (терминам-словам) относятся такие термины, которые состоят из одного слова (Гринев-Гриневиц 2008: 121). В рассматриваемом терминопле выделяются следующие способы их образования: ***семантический, морфологический и морфолого-синтаксический способ.***

В терминопле «Силовые установки в авиастроении» ***семантическим способом*** образовано 40 % терминов от всей выборки. В основе образования терминов-слов лежат такие способы семантического терминообразования, как заимствование терминов из других областей знания, метафорический и метонимический перенос значения.

3.2. Метафоризация как способ образования английских однословных терминов терминопле «Силовые установки в авиастроении»

Метафоризация является самым распространенным семантическим способом терминообразования (Иванов 2005: 49). Суть метафоризации заключается в переносе названия с одного предмета на другой на основании их подобия. Ключевым моментом в понимании сути метафоры является то, что человеческое мышление метафорично; метафоры пронизывают всю нашу жизнь и проявляются не только в языке, но и в мышлении и действии (Lakoff, Johnsen 2003: 4).

В рассматриваемом терминопле метафорический перенос (67 %) происходит по принципу внешнего сходства, а также на основе сходства функций называемых предметов.

Например, *на основе внешнего сходства* двух предметов образуются следующие термины-метафоры: *pod* (гондола двигателя), *butterfly* (дроссельная заслонка), *snail* (спираль, улитка), *ring* (кольцо), *basket* (жаровая труба кольцевой камеры сгорания), *collar* (кольцеобразный гребень, ограничительное кольцо), *journal* (цапфа (кривошипа)), *shoulder* (запечник, буртик вала). *На основе функций* сравниваемых предметов образованы термины: *cage* (сепаратор), *jacket* (рубашка водяного охлаждения), *eyelid* (створка регулируемого сопла) (АСУ).

(1) *It consists of an outer housing, containing only one liner. The perforated liner is often referred to as a **basket*** (Otis, Vosbury 1997: 90).

Источником метафоризации термина *jacket* (букв. «рубашка», ав. рубашка) является сема «предмет, покрывающий что-либо». Действительно, *рубашка* в терминопле «Силовые установки в авиастроении» представляет собой емкость, охватывающий охлаждающий объект, функция которого — *покрытие* и охлаждение нагретого предмета. *Рубашка* в общеобиходном языке представляет собой одежду, *покрывающую* тело. Метафорический перенос произошел по принципу подобия функций сравниваемых предметов.

(2) *The water, in being used over again, is circulated through the water **jacket** and then through radiator* (Chadwick 1919: 22).

Метафоризация значения термина *port* (букв. «порт», ав. отверстие — углубление в теле) основана на семах «открытое пространство» и «вход, выход». Метафоризация происходит по принципу подобия функций предметов.

(3) *This makes necessary an intake manifold, or pipe, for conducting the gases from the carburetor to the intake **port*** (Chadwick 1919: 10).

Источником метафоризации значения термина *cage* (букв «клетка», ав. сепаратор подшипника) является сема «нахождение в закрытом пространстве». Сепаратор подшипника не позволяет роликам (маленьким шарикам в подшипнике) сталкиваться друг с другом, что способствует лучшему вращению тела. На основе подобия функций двух предметов происходит перенос значения с одного предмета на другой.

(4) *The cylinder sleeve itself is machined from a steel forging, the valve **cages** are welded on, and the water jackets, which are pressed steel, are welded to this assembly* (Chadwick 1919: 53).

3.3. *Заимствование как способ образования английских однословных терминов терминопле «Силовые установки в авиастроении»*

Следующий по продуктивности тип семантического образования

терминов в терминопле «Силовые установки в авиастроении» — *заимствование* (21 %). Рассмотрим примеры «внутреннего» заимствования, т. е. заимствования терминоплем «Силовые установки в авиастроении» терминов из других областей. А. В. Суперанская такой вид заимствования называет транстерминологизацией или терминологической конверсией (Суперанская, Подольская, Васильева 2012: 194).

В терминопле «Силовые установки в авиастроении» термины образованы в результате заимствования из области морского дела: *nacelle* — гондола, лодка в морском деле (OED) — гондола, на которой размещается двигатель (АСУ), *gasket* — сезень в морском деле (OED) — уплотнительная прокладка (АСУ). Термины *engine*, *carburetor*, *piston*, *stroke* (ход), *valve* (клапан), *crankshaft* (коленвал) (АСУ), *rockerarm* (“*lever mechanism for opening the valve*”), *sump* (“*lower part for the crankcase, the oil reservoir*”) (DA) были заимствованы из области автомобилестроения (OED).

(5) *The negative five pounds per square inch — gauge, when subtracted algebraically, results in an 85 pounds per square inch — gauge corrected oil pressure, which will naturally flow more oil than if the sump were of positive pressure* (Otis, Vosbury 1997: 440).

В терминопле английского языка «Силовые установки в авиастроении» встречаются и «внешние» заимствования, т. е. заимствования из чужих языков, которые также послужили источником образования новых терминов. Например, *friction* (трение) (АСУ) от французского *friction* (натирание) (OED), *dome* (колпак, обтекатель) (АСУ) от французского *le dôme* (купол) (OED), *vent* (вентиляционное (дренажное) отверстие) (АСУ) от французского *le vent* (ветер).

(6) *Negative sump systems are stabilized by connecting some part of the system to ambient pressure or by allowing engine bleed air to enter the system at some point to pressurize the return of vent air and contaminants to the atmosphere* (Otis, Vosbury 1997: 440).

Д. С. Лотте такой тип заимствования называет «буквальное заимствование» или «заимствование в чистом виде». Под ним понимается лексическая единица, заимствованная из иностранного языка в той форме, в которой она существовала во время самого заимствования. В заимствующем языке отсутствуют морфологические трансформации (Лотте 1961: 10).

Однако следующий тип «внешнего» заимствования допускает словотворческие моменты, т. е. изменение аффиксов, корня и отбрасывание окончаний или их преобразования. Наличие творческого момента доказывает процесс создания нового термина (Там же: 11). Например, *fuse* (предохранитель) (АСУ) от итальянского *fuso* (веретено) (OED), *detent* (защелка, фиксатор) (Дорошенко 1997: 32) от французского *la detention*

(удержание) (OED), *coil* (катушка (зажигания), обмотка, змеевик) (АСУ) от старофранцузского глагола *coillir* (собирать, подбирать) (OED), фр. *ceuilir* (Мультитран 2022).

(7) *When the magnet rotates within its electrical field, the indicator magnet also rotates because it is in a similar coil connected in parallel with the transmitter coil* (Otis, Vosbury 1997: 439).

Такие единицы, безусловно, сильно отличаются от «заимствований в чистом виде». Этот вид заимствований Д. С. Лотте называет «трансформируемое (преобразуемое) заимствование». Также автор предлагает объединить два вышеупомянутых типа заимствований и назвать их одним термином «оригинальные заимствования» (Лотте 1961: 11).

3.4. Метонимизация как способ образования английских однословных терминов терминополья «Силовые установки в авиастроении»

Следующий по распространенности способ семантического терминопольобразования — метонимизация (12 %). Суть метонимического переноса заключается в переносе названия с одного представления на другое, т. е. перевод его из одной когнитивной категории в другую. В большинстве случаев перекатегоризация наименований затрагивает главную рубрику профессиональной сферы — группу процессов (действий) (Голованова 2011: 104–105). К числу моделей подобного рода относят модели метонимического переноса: модель «действие — инструмент действия», «действие — объект действия», «действие — результат действия» (Там же: 106–110), «действие — параметры действия» (Горохова 2014: 153).

Самая распространенная в рассматриваемом терминополье – метонимическая модель «**действие — результат действия**»:

Winding — the process of winding → a series of 360° turns of wire (AD). *Winding* — процесс наматывания обмотки → обмотка (намотка проводов на что-то, в виде витков на электродвигателе, электрогенераторе) (АРСГА).

(8) *The loop circuit contains the delta windings of both the transmitter and indicator, connected in parallel* (Otis, Vosbury 1997: 436).

Obstruction — the act or process of obstructing → something which blocks a path or prevents progress (DA). *Obstruction* — процесс засорения, закупоривания → закупорка (например, засорение форсунок) (АРСГА).

(9) *This procedure involves closing all service bleeds to avoid compression loss and placing a physical obstruction in the path of the fuel control lever linkage called a part power trim stop* (Otis, Vosbury 1997: 320).

Из примера выше видно, что метонимия — это когнитивный процесс, при котором содержательная область источника предоставляет доступ к содержательной области цели в пределах одной концептуальной области (Kövecses, Radden 1998: 39).

Следующая по распространенности метонимическая модель — «**действие — инструмент действия**»:

Fairing — the process of improving the flow of air over a surface → a device to improve the flow of air over a surface (DA). *Fairing* — процесс, облегчающий обтекание предмета воздухом → обтекатель (АРСГА), способствует уменьшению лобового сопротивления.

(10) *Checking nose cone **fairing** for damage and security, the low pressure compressor lining and rotor blades, the low pressure compressor outlet guide vanes, and the intermediate compressor inlet guide vanes (Otis, Vosbury 1997: 198).*

Далее следует рассмотреть метонимическую модель «**действие — объект действия**»:

Intake — an act of taking in something (OCD) → an opening in which a fluid allows an intake of something (DA). *Intake* — впуск → впускное устройство (АСУ).

(11) *Transit checks after each flight. These consist of checking the engine for signs of leaks, **intake** and low pressure compressor rotor blades for damage, the engine exhaust for damage and metal deposits, and checking the oil level and oil filter blockage indicator (Otis, Vosbury 1997: 198).*

В результате перевода наименований из когнитивной рубрики процессов в рубрику объектов одна и та же языковая форма, означающая «процесс деятельности, действие», приобретает значение некоего физического предмета (Голованова 2011: 106).

Анализ исследуемых терминов позволил выделить модель, по которой можно наблюдать перенос «**действие — величина**». *Power — the 3rd stroke (out of 4) of operation of a four-stroke cycle engine. The 3rd stroke — the process when the piston is subjected to the pressure of the burning, expanding gas, and is forced down in the cylinder (Chadwick 1919: 16–17) → capacity or performance of an engine or other device (OESD).* *Power* — рабочий ход → мощность (АСУ).

(12) *From the closing of the intake to the opening of the exhaust there can be no valve action, since compression and **power** must take place and both valves must be kept closed during compression and **power** (Chadwick 1919: 45).*

В рассматриваемом терминопле однолексемные термины образованы также способами **морфологического терминоплеобразования**, который включает в себя конверсию, суффиксацию и префиксацию (Гринев-Гриневич 2008: 129–134). 21 % терминов-слов от всей выборки образовались данным способом.

3.5. Суффиксация как способ образования английских монолексемных терминов терминопле «Силовые установки в авиационной технике»

Самый продуктивный способ образования терминов-слов в морфологическом терминоположении — это суффиксация (83 %). Суффикс *-ing* (31 %) используется для обозначения процессов или результатов действия: *assembling* (сборка, монтаж), *casting* (литье, отливка), *riveting* (заклепочный шов), *gearing* (зубчатая передача), *bearing* (подшипник), *plating* (гальваническое покрытие), *grinding* (шлифовка), *knocking* (детонация) (АСУ).

(13) *The tube is secured in the body casting at the opposite end by means of an adjustment bushing* (Otis, Vosbury 1997: 301).

Термины образованы и с помощью суффикса *-tion (-sion)* (28 %), также имеющего процессуальное значение: *attrition* (истирание, износ), *ignition* (зажигание), *combustion* (горение), *consumption* (потребление, расход), *rotation* (вращение), *compression* (сжатие, компрессия) (АСУ).

(14) *During a rub, the low thermal conductivity of a titanium component may rapidly rise to the ignition temperature* (Otis, Vosbury 1997: 120).

В рассматриваемом терминоположении суффикс *-er (-or)* (24 %) используется для обозначения деталей двигателя: *combustor* (камера сгорания), *spinner* (обтекатель втулки воздушного винта), *strainer* (сетчатый фильтр), *retainer* (фиксирующее устройство элементов двигателя), *racor* (обойма подшипника) (АСУ).

(15) *Retainer hooks are machined on either side of the disk to provide a slot for the installation of split-ring type blade retainers* (Otis, Vosbury 1997: 178).

Суффикс *-ity* (9 %), означающий состояние и положение, также участвует в терминоположении: *capacity* (емкость, литраж, мощность), *durability* (длительная прочность), *ductility* (пластичность), *maintainability* (эксплуатационная технологичность), *nonaxiality* (несоосность) (АСУ).

(16) *At times some of the dielectric substance will be punctured thus reducing the capacity of the condenser and making it necessary for part of the current to jump across the breaker points* (Chadwick 1919: 39).

Суффикс *-age* (8 %), пришедший в английский язык из французского и обозначающий результат действия, является менее продуктивным в рассматриваемом терминоположении: *seepage* (утечка) (АРСГА), *linkage* (рычажный механизм), *leakage* (утечка, просачивание), *drainage* (дренаж, слив), *storage* (хранение) (АСУ).

(17) *It is then returned by a scavenging system to the oil storage tank to be used again and again* (Otis, Vosbury 1997: 252).

3.6. Префиксация как способ образования английских монолексемных терминов терминоположения «Силовые установки в авиационной технике»

С помощью префиксов (9 %) также образуются термины рассматриваемого терминоположения, причем наблюдается тенденция к использованию

префиксов иностранного происхождения (*de-*, *sub-*, *re-*, *dis-*, *pre-*). Большинство заимствованных префиксов взято из латинского языка. Их значения совпадают в русском и английском языках (Гринев-Гриневиц 2008: 134). Примеры: *malfunction* (неисправность) (латинский префикс *mal-* означает «плохо»); *de-oiler* (суфлер), *deburr* (снятие заусенцев) (латинский префикс *de-* означает «отклонение от чего-либо» или «отделение чего-либо»); *subassembly* (составная часть агрегата, установки) (латинский префикс *sub-* означает «подчинение», в данном примере — периферийная область установки, т. е. компоненты, которые совершают работу в составе этой установки); *reposition* (перестановка) (префикс *re-* означает «повторное действие»); *disassembly* (разборка, демонтаж) (префикс *dis-* вносит отрицательное значение); *misfire* (перебой в зажигании) (префикс *mis-* несет значение «неверно», «не должным образом»).

(18) *Aircraft engines are often installed and disassembled during aircraft manufacturing, assembly and maintenance, and we need a dedicated engine disassembly vehicle to disassemble and assemble it* (Wenqiang, Xiangkun, Chaoshi, He 2021: 1).

Среди аффиксальных терминов большинство образованы с помощью суффикса *-ing*, использующегося для обозначения процессов, действий и результатов действий.

3.7. Конверсия как способ образования английских моноксемных терминов в терминопле «Силовые установки в авиастроении»

С помощью конверсии (8 %) в рассматриваемом терминопле образованы корневые (простые) термины: *wobble* (тряска двигателя, рыскание воздушного судна), *flap* (затворка, заслонка, например, дроссельная заслонка), *handle* (рукоятка), *lead* (проводка), *link* (тяга) (АСУ).

(19) *The torque wrench measures 16 inches from the center of its handle to the center of its square adapter* (Otis, Vosbury 1997: 234).

Непродуктивный способ образования терминов-слов в рассматриваемом терминопле — **морфолого-синтаксический способ** (2 %), предполагающий образование терминов-слов из словосочетаний (Гринев-Гриневиц 2008: 124–127). Однокомпонентные термины образованы с помощью **словосложения** (18 %).

3.8. Словосложение как способ образования английских однословных терминов в терминопле «Силовые установки в авиастроении»

Словосложение — это сложение двух или более корневых морфем (Гринев-Гриневиц 2008: 146). Доминантной моделью построения сложных терминов является модель *N + N*: *crank + shaft* — *crankshaft* (коленчатый вал), *swash + plate* — *swashplate* (наклонная шайба) (элемент крепежа), *eye +*

bolt – eyebolt (болт, заканчивающийся кольцом), *horse + power — horsepower* (лошадиная сила), *dash + pot — dashpot* (демпфер), *lock + tab — locktab* (пластинчатая контровка). Лишь один термин-слово из всего числа терминов построен по структурно-морфемной модели *A + N*: *hot + well — hotwell* (полость для прогрева масла в маслобаке) (АСУ). Данные монолексемные термины именуется сложными терминами, так как они имеют в своем составе две корневые морфемы.

(20) *If the engine is turning over slowly, the spark must be retarded, or, in other words, must occur later in the cycle, or the point of maximum pressure will occur before top dead center, and the crankshaft will receive an impulse to turn in the wrong direction, giving rise to a knock* (Chadwick 1919: 47).

3.9. Английские термины-словосочетания терминополья «Силовые установки в авиастроении»

В основе образования полилексемных терминов лежат морфологосинтаксический и синтаксический способы.

Синтаксический способ образования терминов в терминополье английского языка «Силовые установки в авиастроении» является ключевым среди других способов образования. 40 % терминов-словосочетаний из общего числа отобранных терминов образованы данным способом.

Термины-словосочетания создаются путем объединения существующих в языке слов, в результате чего образуется новая синтагматическая единица. Эта единица имеет значение, независимое от значений ее составных частей, и должна обозначать понятие, относящееся к определенной специализированной предметной области (Bowker 1998: 488).

В рассматриваемом терминополье среди терминов-словосочетаний наиболее употребительны двухкомпонентные термины (53 % терминоединиц из всех отобранных терминов-словосочетаний являются двухкомпонентными). Наиболее удобными в употреблении считаются двухкомпонентные словосочетания, так как многокомпонентные термины слишком громоздкие и неудобные в использовании (Гринев-Гриневиц 2008: 144).

3.10. Модели построения английских двухкомпонентных терминов терминополья «Силовые установки в авиастроении»

Модели, лежащие в основе атрибутивного словосочетания с именем существительным в функции препозитивного определения и атрибутивного словосочетания с именем прилагательным в функции препозитивного определения, относятся к числу доминантных.

N + N (30 %): *line repair* (ремонт без снятия двигателя с самолета), *engine cowl* (капот двигателя), *piston pin* (поршневой палец), *cam ring* (кулачковая шайба, заставляет открываться и закрываться клапаны в поршневом двигателе), *spring valve* (пружинный клапан), *valve stem* (шток

клапана), *crank pin* (палец кривошипа), *valve cup* (чашка клапана), *radial engine* (звездообразный двигатель) (АСУ).

(21) *This will be beaten into a fine mist by the revolving crank shaft and thrown upwards, lubricating cylinder wall, piston pin, etc.* (Chadwick 1919: 25).

A + N (25 %): *hot section* (горячая часть двигателя), *auxiliary gearbox* (промежуточная коробка передач), *primary air* (первичный воздух, который проходит через камеру сгорания, а затем через сопло), *secondary air* (вторичный воздух, для охлаждения турбины), *kinetic energy* (кинетическая энергия), *major repair* (капитальный ремонт) (АСУ).

(22) *On some installations an auxiliary gearbox is employed to drive the main gearbox* (Otis, Vosbury 1997: 66).

N + of + N (23 %): *direction of rotation* (направление вращения воздушных винтов), *replacement of parts* (замена деталей), *chain of gears* (блок зубчатых колес), *coefficient of charge* (коэффициент наполнения цилиндра), *speed of sound* (скорость звука), *speed of revolution* (скорость вращения), *coefficient of viscosity* (коэффициент вязкости масла) (АСУ).

(23) *Profiling changes the aerodynamics at the tip to facilitate smooth axial airflow even though the tip is rotating at speeds beyond the speed of sound and How separation is starting to occur* (Otis, Vosbury 1997: 76).

V-ing + N (15 %): *connecting rod* (шатун), *feathering angle* (угол флюгерного положения воздушного винта), *cooling surface* (поверхность охлаждения), *aligning bar* (установочный штифт, закрепляет положение одной детали относительно другой, например, штифт проходит через корпус и гильзу подшипника, чтобы установить подшипник в корпусе), *sealing cap* (манжетное уплотнение, например, на жаровой трубе), *mixing chamber* (камера смешения) (АСУ).

(24) *The mechanical parts of the engine consist of a cylinder, piston, connecting rod and crank shaft* (Chadwick 1919: 9).

V-ed + N (7 %): *corrugated suppressor* (гофрированный глушитель — форма глушителя, например, глушитель звука), *limited disassembly* (частичная разборка), *scheduled maintenance* (плановое техобслуживание), *perforated wall* (перфорированная стенка), *fixed pitch* (неизменяемый шаг) (АСУ).

(25) *The present invention utilizes an air induction housing having a perforated wall which provides intake noise attenuation* (Koss 2009: 1).

Двухкомпонентные термины состоят из двух элементов: определяющего и ядерного элементов. Ядерный элемент часто указывает родовой признак понятия, в то время как определяющий элемент выражает отличительный видовой признак понятия (Bowker 1998: 488). Так, например, в предложении (26) *The radial engine has been the workhorse of military and*

commercial aircraft ever since the 1920s, and during World War I radial engines were used in all U.S. bombers and transport aircraft and in most of the other categories of aircraft (Wild, Kroes 2014: 3) двухкомпонентный термин *radial engine* включает в себя ядерный (опорный) элемент *engine*, указывающий на родовой признак и выступающий в качестве указателя тематической группы «двигатель»; к ядерному элементу присоединяется определяющий элемент *radial*, передающий видовой признак и описывающий, чем этот тип двигателя отличается от других, т. е. данный тип двигателя имеет звездообразную форму, которую создают расположенные вокруг коленвала цилиндры. В данном случае определяющий элемент указывает на радиальный тип двигателя.

Менее распространенным видом терминов-словосочетаний в терминопле «Силовые установки в авиастроении» являются трехкомпонентные термины (АСУ).

3.11. Модели построения английских трехкомпонентных терминов терминопле «Силовые установки в авиастроении»

Доминантными моделями построения трехкомпонентных терминов служат модели $N + N + N$ и $A + N + N$.

$N + N + N$ (46 %): *gas turbine engine* (газотурбинный двигатель), *compressor pressure ratio* (степень сжатия компрессора), *oil control ring* (масло-сборное кольцо на поршне), *thrust brake retraction* (выключение реверса тяги), *oil pressure indicator* (указатель давления масла), *oil temperature indicator* (указатель температуры масла), *inlet guide vanes* (ВНА (входной направляющий аппарат)) (АСУ), *piston ring slot* (зазор поршневого кольца), *screw head slot* (штифт в головке винта) (АСУ).

(27) *Whenever the oil pressure indicator reading remains at the red-line or the low oil warning light remains on, the engine should be shut down or the throttle setting should be kept at the minimum thrust required to sustain flight until a landing can be made* (Otis, Vosbury 1997: 272).

$A + N + N$ (42 %): *electronic speed sensor* (электронный датчик частоты вращения ротора), *auxiliary power unit* (вспомогательная силовая установка), *constant pressure difference* (постоянный перепад давления), *high pressure turbine* (турбина ВД (высокого давления)), *low pressure turbine* (турбина НД (низкого давления)), *low pressure compressor* (компрессор НД), *aerodynamic blockage reverser* (реверсирующее устройство с отклоняющимися решетками), *high pressure compressor* (компрессор ВД) (АСУ).

(28) *The operator places the auxiliary power unit master switch to "Start" and the starter and ignition circuits are energized* (Otis, Vosbury 1997: 317).

$V-ed + N + N$ (12 %): *integrated exhaust nozzle* (общее сопло для двух контуров ТРДД (турбореактивный двухконтурный двигатель)), *expected service life* (ожидаемый срок службы).

(29) *The desire for such **integrated exhaust nozzles** was the catalyst for new fluidic control techniques* (Deere 2003: 1).

Четырехкомпонентные термины в основном используются для обозначения типов двигателя или обозначения приборов.

3.12. Модели построения четырехкомпонентных терминов терминополья «Силовые установки в авиастроении»

N + N + N + N (70 %): *fuel manifold drain system* (система дренажа топливных коллекторов), *gear box drain valve* (сливной кран коробки приводов) (АРСГА), *stator blade airfoil portion* (перо лопатки статора), *oil cooler bypass valve* (перепускной клапан масляного радиатора), *piston ring type seal* (уплотнительное поршневое кольцо), *gas turbine power unit* (газотурбинная силовая установка), *propeller blade airfoil portion* (перо лопатки воздушного винта) (РАСАТТ).

(30) *Often, it serves as the mounting pad for the oil filter, oil screen, and **oil cooler bypass valve*** (Wild, Kroes 1995: 56).

A + N + N + N (30 %): *high pressure fuel pump* (основной топливный насос), *low tension igniter plug* (низковольтная свеча зажигания), *high tension igniter plug* (высоковольтная свеча зажигания) (АРСГА).

(31) ***Low tension igniter plugs** are changed on an interval system similar to high tension plugs mentioned earlier* (Otis, Vosbury 1997: 405).

3.13. Менее распространен морфолого-синтаксический способ (11 %) образования полилексемных терминов

Среди терминов-словосочетаний, образованных морфолого-синтаксическим способом, больше всего полилексемных терминов образовались с помощью *аббревиации* (61 %): *TET* — *turbine entry temperature* (температура газов перед турбиной), *TOT* — *turbine outlet temperature* (температура воздуха за турбиной), *CIT* — *compressor inlet temperature* (температура воздуха на входе в компрессор), *LP* (НД) — низкое давление (РАСАТТ). В терминополье «Силовые установки в авиастроении» аббревиация является самым частотным способом морфолого-синтаксического терминопольобразования.

(32) *This is also true of **LP** turbines in turboshaft engines, where all the energy is designed to be absorbed by the turbine blades, and energy remaining in the tailpipe as a result of tip losses would be completely lost to the engine* (Otis, Vosbury 1997: 100).

Менее продуктивный морфолого-синтаксический способ образования терминов-словосочетаний — *эллипсис* (21 %): *axial-flow compressor* — *axial compressor* (осевой компрессор), *centrifugal flow compressor* — *centrifugal compressor* (центробежный компрессор), *free power turbine* — *free turbine* (свободная турбина), *blade bottom side* — *blade side* (корытце лопатки),

interconnector flame tube — interconnector tube (пламяперебрасывающий патрубков) (АСУ).

(33) *The centrifugal compressor is shorter in length than an axial compressor and that is its main advantage* (Otis, Vosbury 1997: 69).

4. Заключение

Терминополье английского языка «Силовые установки в авиастроении» характеризуется разными терминообразовательными и структурными моделями; представлено терминами разного типа: терминами-словами, терминами-словосочетаниями, терминами-метафорами, терминами-метонимиями, терминами, заимствованными из других языков, областей знания, терминами, образованными с помощью ресурсов английского языка, а именно с помощью суффиксов, префиксов, конверсии, сложения двух или более корневых морфем и эллипсиса, а также с помощью аббревиации.

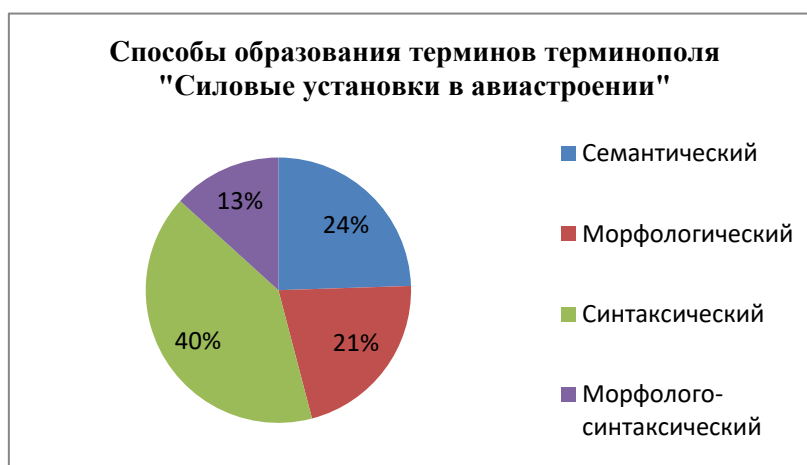

Рис. 1. Классификация терминов терминополья «Силовые установки в авиастроении» по способам образования

Синтаксический способ образования терминов в английском языке является самым продуктивным в рассматриваемом терминополье (40 % от общего числа отобранных терминов) (см. Рис. 1), поскольку с помощью данного способа образовалось большее количество разнообразных терминов-словосочетаний (52 %), что обусловлено, на наш взгляд, стремлением к точности выражения понятий, а также к устранению многозначности, так как увеличение числа терминоэлементов влечет за собой устранение полисемии.

Однако увеличение количества компонентов в терминах приводит к неудобству в их употреблении из-за громоздкости, поэтому в рассматриваемом терминополье среди двух-, трех- и четырехкомпонентных терминоединиц

наиболее частотны в употреблении двухкомпонентные термины (53 %), трехкомпонентные термины составляют 35 %, четырехкомпонентные — 11 %.

Состав терминов-словосочетаний представлен в структурных моделях, включающих имена существительные и прилагательные, другие части речи являются менее частотными элементами.

Семантический способ образования терминов (24 %) послужил основой создания терминов-метафор и терминов-метонимий.

Морфологический способ (21 %), реализуемый посредством суффиксации и префиксации, относится к менее продуктивному способу образования терминов, он представлен незначительным количеством примеров.

Морфолого-синтаксический способ (словосложение, аббревиация и эллипсис — 13 %) является непродуктивным способом формирования единиц терминополья «Силовые установки в авиастроении».

Список литературы / References

- Анисимова А. Г.* Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. [Anisimova, Aleksandra G. (2010) *Metodologiya perevoda angloyazychnykh terminov gumanitarnykh i obshchestvenno-politicheskikh nauk: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* (Methodology of Translation of English-language Terms of Humanities and Socio-political Sciences: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011. [Golovanova, Elena I. (2011) *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie* (Introduction to Cognitive Terminology). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. М: Высшая школа, 1987. [Golovin, Boris N., & Kobrin, Rafail Yu. (1987) *Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminakh* (Linguistic Foundations of the Doctrine of Terms). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Горохова Н. В.* Проблема метонимии в англоязычной терминологии трубопроводного транспорта // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 2-1 (82). С. 151–155. [Gorokhova, Natal'ya. V. (2014) Problema metonimii v angloyazychnoi terminologii truboprovodnogo transporta (The Problem of Metonymy in the English Terminology of Pipeline Transport). *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2-1 (82), 151–155. (In Russian)].
- Гринева-Гринева С. В.* Терминоведение. М.: Академия, 2008. [Grinev-Grinevich, Sergei V. (2008) *Terminovedenie* (Terminology). Moscow: Akademiya. (In Russian)].
- Даниленко В. П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. [Danilenko, Valeriya P. (1977) *Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya* (Russian terminology: The experience of linguistic description). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Иванов А. В.* Метафоризация в терминологическом пространстве фонетики и метрики // Проблемы современной фонетики. Вестник МГЛУ: Проблемы современной фонетики. Серия: Лингвистика. 2005. Вып. 507. С. 49–58. [Ivanov, Andrey V. (2005)

- Metaforizatsiya v terminologicheskom prostranstve fonetiki i metriki* (Metaphorization in the Terminological Space of Phonetics and Metrics). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Series: Linguistics*, 507, 49–58. (In Russian)].
- Кудинова Т. А. К вопросу о природе однокомпонентного и многокомпонентного термина (на материале английского подязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2 (14). С. 58–62. [Kudinova, Tat'yana A. (2011) K voprosu o prirode odnokomponentnogo i mnogokomponentnogo termina (na materiale angliiskogo pod'yazyka biotekhnologii) (To the Question of the Nature of a Single-component and Multi-component Term (Based on the Material of the English Sublanguage of Biotechnology)). *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2 (14), 48–52. (In Russian)].
- Лейчик В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. 1981. № 2. С. 63–67. [Leichik, Vladimir M. (1981) Optimal'naya dlina i optimal'naya struktura termina (Optimal Length and Optimal Term Structure). *Voprosy yazykozvaniya*, 2, 63–67. (In Russian)].
- Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. [Lotte, Dmitrii S. (1961) *Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoi terminologii* (Foundations of Constructing Scientific and Technical Terminology). Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russian)].
- Морозова Л. А. Терминознание: основы и методы. М.: Прометей, 2004. [Morozova, Lyudmila A. (2004) *Terminoznanie: osnovy i metody* (Terminology: Fundamentals and Methods). Moscow: Prometei. (In Russian)].
- Разоренов Д. А. Термин в современном художественном произведении: на материале английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. [Razorenov, Dmitrii A. (2006) *Termin v sovremennom khudozhestvennom proizvedenii: na materiale angliiskogo yazyka: avtoref. dis. kand. filol. nauk* (A Term in a Modern Work of Art: Based on the Material of the English Language: Extended Abstract of PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Реформатский А. А. Что такое термин и терминология? М.: Академия наук СССР, 1961. [Reformatskii, Aleksandr A. (1961) *Chto takoe termin i terminologiya?* (What is the Term and Terminology?). Moscow: Akademiya nauk SSSR. (In Russian)].
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. [Superanskaya, Aleksandra V., Podol'skaya, Natal'ya V., & Vasil'eva, Natal'ya V. (2012) *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* (General Terminology. Questions of Theory). Moscow.: Knizhnyi dom "LIBROKOM". (In Russian)].
- Хаяутин А. Д. Термин, терминология, номенклатура. Самарканд: Самаркандский ГУ им. А. Навои, 1972. [Khayutin, Aleksandr D. (1972) *Termin, terminologiya, nomenklatura* (Term, Terminology, Nomenclature). Samarkand: Samarkandsky GU im. A. Navoi. (In Russian)].
- Bowker, Lynne. (1998) *Variant Terminology: Frivolity or Necessity?* Ireland: Dublin City University.
- Faber, Pamela A. (2012) *Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.
- Kövecses, Zoltán, & Radden, Günter. (1998) Metonymy: Developing a Cognitive Linguistic View. *Cognitive Linguistics*, 9 (1), 37–77.
- Lakoff, George, & Johnsen, Mark. (2003) *Metaphors We Live by*. London: The University of Chicago Press.
- Pavel, Silvia, & Nolet, Diane. (2001) *Handbook of Terminology*. Canada: Terminology and Standardization Translation Bureau.

- Pitch, Heribert. (2011) *The Science of Terminology: History and Evolution*. Terminology. *Lietuvi kalbos institutas Vilnius*, 6–27.
- Sager, Juan. C. (1990) *A Practical Course in Terminology Processing*. Amsterdam: John Benjamin's Publishing Company.

Источники языкового материала / Language material resources

- Chadwick, John C. (1919) *Aviation Engines*. New York: Edwin N. Appleton.
- Deere, Karen A. (2003) (2023, April 15) Summary of fluidic thrust vectoring research conducted at NASA Langley Research Center. In *Proceedings of the 21st AIAA Applied Aerodynamics Conference (June 23–26, 2003, Orlando, Florida)*. Retrieved from <https://ntrs.nasa.gov/api/citations/20030062131/downloads/20030062131.pdf>.
- Koss, Julie A. (2009) *Air Induction Housing Having a Perforated Wall and Interfacing Sound Attenuation Chamber*. Detroit: Patent Application Publication.
- Otis, Charles E., & Vosbury, Peter A. (1997) *Aircraft Gas Turbine Powerplants*. Philips: IAP Inc.
- Wenqiang, Li, Xiangkun, Sun, Chaoshi, Li, & He, Li. (2021) (2022, December 20) Semantic Research on Auto Assembly and Disassembly of Small Engines in Aircraft. *Journal of Physics: Conference series*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/352262769_Systematic_Research_on_Auto_Assembly_and_Disassembly_of_Small_Engine_in_Aircraft. doi: 10.1088/1742-6596/1939/1/012121.
- Wild, Thomas W., & Kroes, Michael. J. (1995) *Aircraft Powerplants*. New York: McGraw Hill Education.

Словари / Dictionaries

- АРСГА — *Марасанов В. П.* Англо-русский словарь по гражданской авиации. М.: Скорпион-Россия, 1996. [Marasanov, Vladimir P. (1996) *Anglo-russkii slovar' po grazhdanskoi aviatsii* (English-Russian Dictionary of Civil Aviation). Moscow: Skorpion-Rossiya. (In Russian)].
- АСУ — *Дорошенко С. М.* Авиационные силовые установки (англо-русский терминологический словарь). М.: АСПОЛ, Аргус, 1997. [Doroshenko, Sergei M. (1997) *Aviatsionnye silovye ustanovki (anglo-russkii terminologicheskii slovar')* (Aviation Power Plants (English-Russian terminology dictionary)). Moscow: ASPOL, Argus. (In Russian)].
- Мультитран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 14.12.2022). [Mul'titran (Multitran) (2022, December 14). Retrieved from <https://www.multitran.com/>. (In Russian)].
- РАСАТТ — *Афанасьева Г. И.* Русско-английский сборник авиационно-технических терминов. М.: Авиаздат, 1995. [Afanas'eva Galina. I. (1995) *Russko-angliiskii sbornik aviatsionno-tekhnicheskikh terminov* (Russian-English Collection of Aviation Technical Terms). Moscow: Aviazdat. (In Russian)].
- OED — Online Etymology Dictionary (2022, December 24). Retrieved from <https://www.etymonline.com/>.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 821.112.2.0

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-191-205

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ Ф. Г. КЛОПШТОКА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ

В. Г. Сибирцева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород, Россия

Социокультурный феномен, получивший в отечественном литературоведении название «литературная репутация», складывается из совокупности художественной ценности произведений автора и его популярности у современников, а также значимости для потомков. Русская литература рубежа XVIII–XIX веков находилась под большим культурным влиянием французской и, в меньшей степени, английской и немецкой литературы. И если имена французских литераторов широко известны, а их творчество исследуется по сей день, то многие немецкие авторы, такие как Готшед, Клопшток, Лессинг, остались для русского читателя только в энциклопедиях и хрестоматиях по литературе. Настоящая статья посвящена описанию первого этапа формирования литературной репутации немецкого поэта Фридриха Готлиба Клопштока, который известен в России более двух с половиной веков. Имя Клопштока появилось в русской печати в конце XVIII века, когда русские читатели познакомились с его стихотворной эпопеей «Мессиада». Изъятие первых переводов религиозной эпопеи Клопштока из продажи и несовершенство русского поэтического переводческого искусства не способствовали широкому чтению и обсуждению произведений немецкого поэта в России. Несмотря на высокую оценку творчества Клопштока в журналах Н. М. Карамзина и обязательное изучение произведений Клопштока в учебных заведениях, он был практически забыт к концу XIX века. Имя Клопштока стало фигурировать в художественной литературе в комическом контексте, как признак показной образованности или повод прервать затянувшийся малоинтересный разговор. Упоминание поэта в мемуарах нередко сопровождалось замечанием о невозможной скуке, которую вызывает чтение его произведений. В то же время доступность текстов Клопштока на русском языке была ограничена действительно трудной для восприятия эпопеей и несколькими одами, переводы которых были далеки от совершенства. Диссонанс в рецепции Клопштока в России состоял в затверженной со школьной скамьи мысли о значительности автора при практически полном незнании его произведений.

Ключевые слова: Клопшток; Карамзин; литературная репутация; «Вестник Европы»; «Мессиада».

Цитирование: Сибирцева В. Г. Формирование литературной репутации Ф. Г. Клопштока в России на рубеже XVIII–XIX веков // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 191–205. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-191-205.

Formation of F. G. Klopstock's Literary Reputation in Russia at the Turn of the 18th –19th Centuries

Vera G. Sibirtseva

National Research University “Higher School of Economics”, Nizhny Novgorod, Russia

The sociocultural phenomenon named “literary reputation” in Russian literary criticism is made up of the total artistic value of an author’s works and their popularity among their contemporaries, as well as their significance for posterity. Russian literature in the late 1790s and the early 1800s was greatly influenced by French literature and, to a lesser extent, English and German literature. While French writers’ names are widely known, and their works have been studied extensively, but, for most Russian readers, many German authors, such as Gottsched, Klopstock, or Lessing remain only as entries in encyclopedias and anthologies on literature. This article describes the first stage in the formation of the literary reputation of the German poet Friedrich Gottlieb Klopstock, who has been known in Russia for more than two and a half centuries. Klopstock’s name first appeared in the Russian press at the end of the 18th century when Russian readers got acquainted with his epic poem “*Der Messias*” (“*The Messiah*”). The withdrawal of the first translations of Klopstock’s religious epic from sale and the imperfections of Russian poetic translation art at the time made any wide reading and discussion of the German poet’s works in Russia next to impossible. Despite the high appreciation of Klopstock’s work in N. M. Karamzin’s magazines and the compulsory inclusion of Klopstock’s works in syllabi of educational institutions, he was practically forgotten by the end of the 19th century. Klopstock’s name started appearing in fiction in comic contexts, as a sign of ostentatious learning or an excuse to interrupt a long-drawn, uninteresting conversation. The mention of the poet in memoirs was often accompanied by remarks about the awful boredom caused by reading his works. At the same time, the availability of Klopstock’s texts in Russian was limited to a really difficult epic and a few odes, the translations of which were far from perfect. The reception of Klopstock in Russia was driven by the dissonance between the schoolboy-level knowledge of Klopstock as an outstanding author and almost complete ignorance of his work.

Key words: Klopstock; Karamzin; literary reputation; “*Der Messias*”; “*Vestnik Evropy*”.

Citation: Sibirtseva, Vera G. (2023) Formation of F. G. Klopstock’s Literary Reputation in Russia at the Turn of the 18th –19th Centuries. *LUNN Bulletin*, 2 (62), 191–205.

DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-191-205.

1. Введение

Изучение факторов, определяющих успех автора у читателей, заключается не только в том, чтобы оглянуться на его литературное творчество. Внелитературные контексты, влияющие на популярность у современников и значимость писателя или поэта для потомков, определяют художественную ценность произведений и в совокупности составляют социокультурный феномен, известный в отечественном литературоведении как литературная

репутация. Понятие литературной репутации было введено в научный оборот историком литературы И. Н. Розановым в середине 20-х годов XX века. Теоретики литературы, входящие в ОПОЯЗ, уже изучали некоторые аспекты литературной репутации, в частности, Б. М. Эйхенбаум писал о влиянии социального контекста на произведения (Эйхенбаум 1987), а Ю. Н. Тынянов указывал на обязательную включенность автора и его работ в современную ему литературную действительность (Тынянов 1993). Однако наиболее полно и всесторонне этот феномен рассматривался в труде И. Н. Розанова «Литературные репутации» (Розанов 1990). Вопросы формирования и функционирования литературной репутации вновь привлекли к себе внимание исследователей в конце XX века.

Формирование литературной репутации писателей конца XVIII – начала XIX века не столь очевидно, если это имя не вошло в учебники. Современный библиограф и историк литературы А. И. Рейтблат, продолжатель теоретической разработки понятия «литературная репутация», в статье о Пушкине отмечает, что большое значение имеет не только литературоведческое осмысление произведений писателя, но и «обращение (или не-обращение) читателей к его творчеству, выбор среди его произведений тех или иных для переписывания, заучивания, чтения вслух, включения в антологии и т. д., то или иное их понимание» (Рейтблат 2001: 51). К источникам формирования литературной репутации Рейтблат относит «печатные, письменные и устные тексты автора» (в нашем случае речь может идти об аутентичных и переводных письменных текстах) и «печатные, письменные и устные высказывания других лиц об авторе» (Там же: 52). Среди предпосылок формирования литературной репутации исследователь называет содержание текстов автора, а также социальную, политическую и литературную позиции автора, замечая, что «при жизни автора нередко большее значение имеет второй момент, а после его смерти — первый» (Там же). Все вышесказанное в полной мере применимо к исследованию литературной репутации Ф. Г. Клопштока, немецкого поэта XVIII века. Патетически-религиозное (эпопея «Мессиада») и сентиментальное (оды) содержание произведений Клопштока повлияло на то, где публиковались его переводы и какую оценку получил немецкий поэт в русском литературном пространстве XIX века. С точки зрения читательского интереса примечательным оказывается факт «не-обращения» русского массового читателя к текстам Клопштока.

2. Характеристика материала и методов исследования

В статье описаны основные факторы, сформировавшие литературную репутацию немецкого поэта середины XVIII века Фридриха Готлиба Клоп-

штока за пределами его отечества — в России. Имя Клопштока стало популярным в России в конце XVIII века, когда русские читатели познакомились с его религиозным эпосом «Мессия» (части первая и вторая в переводе А. М. Кутузова) благодаря публикациям об авторе в периодическом издании Н. М. Карамзина «Московский журнал» и упоминаниям Клопштока в карамзинских же «Письмах русского путешественника» (Карамзин 1982). Устоявшаяся традиция определяет Клопштока как важнейшего немецкого поэта (Пуришев 1931; Гейман 1963 и др.), однако до появления лингвистических, литературоведческих и философских исследований XX века включение немецкого поэта в ряды великих авторов не подкреплялось специальными аналитическими статьями, посвященными его творчеству. Основные биографические сведения и обзор произведений Клопштока были представлены в двух публикациях: в журнальной статье Н. М. Карамзина от 1792 г. (с практически полным повторением в 1798 и 1818 гг. в «Пантеоне иностранной словесности») и очерке из хрестоматии Н. И. Гербеля «Немецкие поэты в биографиях и образцах» (Гербель 2012). Рассмотрим, почему Клопшток был причислен к выдающимся поэтам и насколько обоснованно мог судить о творчестве немецкого автора просвещенный русский читатель.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Восприятие творчества Клопштока в России во многом определялось отношением читающей публики к его религиозной эпопее «Мессия» (*Der Messias*, в поздних переводах «Мессиада» — этот вариант названия закрепился в литературе). Эпопея была переведена на русский язык не менее шести раз фрагментарно и полностью. Чтобы понять значение «Мессиады» Клопштока для русского читателя, необходимо принять во внимание функционирование этого произведения в историческом контексте на исконно немецкой почве.

3.1. «Мессиада»

«Мессиада» — эпическая поэма в стихотворной форме, основанная на библейских сюжетах Ветхого и Нового Заветов, известных практически всем в XVIII веке: падение ангела и искупительная жертва Иисуса. Клопшток задумал «Мессиаду» в очень юном возрасте, в мужской гимназии Шульпфорте. Он с большим интересом изучал латынь и древнегреческий язык и стал горячим поклонником античных авторов: Гомера, Вергилия и, прежде всего, Горация. В этой гимназии главными достоинствами считались языки и владение словом. Воспоминания одного из более поздних выпускников Шульпфорты приводит исследователь творчества Клопштока Катрин Коль: «Видеть нас не учили. Нас не учили читать великую книгу

природы. Географии не уделялось практически никакого внимания. Путевые записки не читались, как мне кажется, никогда. Чуждым оставалось искусство, за исключением искусства слова» (здесь и далее, если не указано иное, перевод мой. — В. С.) (Kohl 1990: 52).

Клопшток считал сочинительство делом всей жизни и основным источником материального благополучия, а слово — средством, которое могло бы способствовать всеобщему благу человечества.

«Мессиада» должна была стать произведением религиозного содержания, написанным новым немецким литературным языком, подхватившим ритм древнего эпоса. Клопшток хотел возложить это произведение на алтарь Отечества и таким образом привести немецкую поэзию к небывалому расцвету. Размах сюжета и накал страстей в «Мессиаде» вполне соответствовал «Потерянному раю» Дж. Мильтона, которым был вдохновлен Клопшток. Подражание Гомеру и Вергилию было отражено в выборе стихотворного размера повествования: Клопшток создал немецкий гекзаметр как наиболее соответствующий его грандиозному замыслу.

Первые три песни «Мессиады» принесли Клопштоку безоговорочный успех у немецкого читателя, а вся работа длилась более четверти века (поэт завершил эпопею только в 1773 г.). Общеизвестность библейской истории «Мессиады» и монументальность замысла способствовали росту популярности Клопштока, которого современники сравнивали с Мильтоном, Гомером и Вергилием. Творчество Клопштока было хорошо известно, его вклад в литературу высоко ценился, но само произведение мало читалось. Начальные строки «Мессиады» мог легко процитировать любой образованный читатель, но далее из текста не вспоминалось ничего. Эпопея получилась слишком длинной и утомительной, развитие сюжета шло медленно, все события происходили очень долго и сопровождались бесконечными переживаниями персонажей, которые выражались в длинных, патетичных монологах.

Несоответствие «Мессиады» ожиданиям читателя во многом было связано с тем, что ее нужно было декламировать, читать вслух на публике, а не пробегать глазами. Эпопея Клопштока была новаторской не только в идейном отношении и в плане создания нового поэтического языка (а отношение к неологизмам в немецкой культуре далеко не всегда было позитивное [Голубева 2015]), но и в том, что произведение было адресовано в первую очередь слушателям.

Известно, что сам Клопшток поощрял публичное чтение своих произведений (Birgfeld 2008). Он творил в то короткое время, когда сказанное слово воспринималось выше музыки или зафиксированного на бумаге слова. Умелая декламация позволяла передать авторские акценты и учесть все смысловые и мелодические нюансы произведения. Именно декламация

позволяла Клопштоку достичь желаемой полноты восприятия. Вокруг Клопштока собрался круг друзей и почитателей, декламировавших «Мессиаду» и свои поэтические произведения. Музицирование, иногда сопровождавшее декламацию, не соперничало со словом, а оттеняло его. Саму эпопею надлежало, по замыслу автора, воспринимать на слух, как инструментальное произведение: симфонию или сюиту.

Вероятно, объективная трудность поэзии Клопштока как раз и заключалась в особой темпоритмической структуре стиха, неуловимо ускользавшей, если читать его произведения «про себя». Печатные книги, бывшие со времен реформации явлением привычным, но достаточно редким (Багровников 2015; Лобков 2016), уступали в публичной декламации в массовости воздействия на читателя или слушателя. Но буквально за 20–30 лет возможности книгопечатания настолько расширились, что слово на бумаге и «немое» чтение глазами заменили декламацию, которая была доступна далеко не всем. С уходом авторской интонации теряется и семантический нерв «Мессиады», ее патетика кажется чрезмерной и непонятной, люди помнят о существовании поэмы как о литературном факте, но довольно быстро перестают читать.

Иная судьба ждала эпопею Клопштока в России, где традиция публично декламировать художественные произведения (в особенности на отвлеченные темы) еще не сложилась. «Мессада» попала в Россию в 1770–1780-х гг., благодаря своей славе, метафоричности языка и универсальности религиозного сюжета, и привлекла внимание Г. Р. Державина, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина именно как книга, как текст.

«Мессиада» была первым произведением Клопштока, переведенным на русский язык и пробудившим интерес к немецкому поэту в России. В 1785–1787-х гг. первые две части «Мессиады» были изданы в типографии Московского университета Н. И. Новиковым. Прозаическое переложение эпопеи выполнил соратник Новикова А. М. Кутузов, этот перевод упоминает Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (Карамзин 1982).

Однако внешние обстоятельства оказались губительными для широкого распространения первой книжной публикации «Мессиады»: просветительская издательская деятельность Новикова, как и другие его меры, направленные на благо России, воспринимались Екатериной II как деяния политические, подрывающие устои ее власти. Сначала некоторые книги, изданные в университетской типографии, были запрещены к продаже. А в 1787 г. в числе других книг религиозного содержания из книжных лавок был изъят весь оставшийся тираж «Мессиады» в количестве 1237 экземпляров. Произошло это во исполнение указа Священного синода, предписывавшего

подвергнуть цензуре все книги, относящиеся к религии, и впредь издавать их исключительно в типографии Священного синода. Сведения о конфискации «Мессиады» сообщают нам о двух фактах, существенных для рецепции Клопштока в России. Во-первых, тираж «Мессиады» был очень большим (по всей вероятности, не менее 1300 экземпляров) и книги могли попасть в крупные города Российской империи, такие как Санкт-Петербург и Казань. Во-вторых, ослабление цензуры, позволившее печатать книги с религиозными отсылками не только в синодальной печати, но и в светских издательствах, более чем на 20 лет удлинило путь «Мессиады» к массовому читателю. Лишь в 1820 г. вновь был опубликован перевод Новикова, дополненный переводом частей 3 и 4 (т. е. все 20 песен эпопеи), выполненным, по одним сведениям, Н. И. Бекетовым, цензором, доктором словесных наук и философии, по другим — самим Н. М. Карамзиным. Можно предположить, что в конечном итоге такое промедление оказалось фатальным для поддержания интереса к творчеству Клопштока в России.

Как мы помним, в немецкоязычной среде были популярны первые песни «Мессиады», а все произведение знал редкий почитатель Клопштока. Кроме того, Клопшток в «Мессиаде» воссоздал гекзаметр в подражание античным авторам. Историки литературы называют его «немецким гекзаметром Клопштока» (Гейман 1963), в русском же переводе «Мессиада» была изложена прозой. К 1820 г., когда вышло полное издание Мессиды, Россия прошла большой исторический, идейный и литературный путь, Отечественная война 1812 г. способствовала развитию скорее патриотической, чем сентиментальной тематики. В 1814 г. появились первые переводы «Илиады» на русский язык, выполненные Н. И. Гнедичем гекзаметром, а героический и национальный эпос стал более актуальным, чем эпос религиозный. Неудивительно, что издание полного перевода «Мессиады» (прозой со сложными синтаксическими конструкциями, в то время как у Клопштока — гекзаметр) на хорошо известный религиозный сюжет не вызвало активного интереса у русского читателя. Немецкие романтики, развивавшие национальные идеи, лишь намеченные в драматической трилогии Клопштока об Арминии, стали в России гораздо популярнее самого Клопштока — «отца немецкого романтизма». Благодаря писателям и поэтам немецкого романтизма палитра сентиментальных описаний была значительно расширена (одним из зачинателей сентиментального жанра был опять же Клопшток). На слуху в первой четверти XIX века были такие имена, как Шиллер, Новалис, Brentano, Гёте.

Как видим, до 20-х гг. XIX века главное произведение Клопштока в России было доступно узкому кругу читателей — тем, кто владел переводом Кутузова, приобретенным еще до изъятия из книжных лавок, и тем, кто читал

по-немецки и знал «Мессиаду» в оригинале. Однако это не означает, что просвещенная российская общественность не знала ничего о самом Клопштоке. Его имя было известно по статьям в карамзинских журналах: в «Московском журнале» и в «Вестнике Европы». Во многом популяризации образа способствовал сам Н. М. Карамзин, для которого Клопшток был сравним с Гомером (Михайлов 2000). В 1807 г. «Вестник Европы» стал издавать В. А. Жуковский, и «немецкая линия» в журнале была усилена. Если Карамзин откликнулся только на смерть Клопштока — некрологом и статьей друга немецкого поэта, политического обозревателя И. В. фон Архенгольца, то Жуковский посвятил немецкому поэту 41-ю часть журнала, датируемую 1808 г., разместив на титульном листе литографированный портрет Клопштока (Кулешов 1977). Однако журнальные заметки были выдержаны в почтительно-поучительном тоне, образ немецкого поэта идеализировался, подчеркивались его значительность и величие.

А что же другие произведения Клопштока, сентименталиста и духовного отца штюрмеров? Как же его оды? По всей видимости, их больше читали в оригинале и слушали в песнях, оды пришли в Россию в другом виде *beaux arts* — в музыке (Liesmann 2008: 85). Так, в повести Карамзина «Евгений и Юлия» героиня на домашнем концерте поет песню Кристофа Глюка на стихи Клопштока *Willkommen o silberner Mond* («Приветствую тебя, серебряный месяц») (Карамзин 1979).

Оды, известные по редким переводам на русский язык и опубликованные в журналах начала XIX века, не передавали оригинальности стихотворного ритма Клопштока и мелодичности его языка. Один из наиболее часто упоминаемых переводов, «Ранние гробницы» (*Die frühen Gräber*) в переложении А. Л. Соколовского (именно эту песню на немецком языке исполняет Юлия), полностью утратил очарование подлинника. Рубленый ритм, обедненная стандартно-поэтическая лексика. Вместо взволнованных, прерывающихся строк — неподвижно-симметричный размеренный амфибрахий:

*Привет тебе, месяц сребристый и ясный,
Товарищ таинственной ночи! Зачем
Ты спрятаться хочешь? останься, друг милый!
А, вот он – лишь облако мимо прошло!* (Гербель 2012: 158)

Ср. в оригинале:

*Willkommen, o silberner Mond,
Schöner, stiller Gefährt der Nacht!
Du entfliehst? Eile nicht, bleib, Gedankenfreund!
Sehet, er bleibt, das Gewölk wallte nur hin* (Klopstock 1798).

Остальные немногие переводы рубежа веков еще дальше отстоят от оригинала. Чувствительность в них становится почти гротескной. Так, ода

«Будущей супруге» (*Künftiger Geliebte* [Клопшток 1810]), опубликованная в «Журнале для сердца и ума» в 1810 г., передана неизвестным русским переводчиком прозой, поделенной на строфы. Произведение Клопштока, в котором чувство держится на вопросах и восклицаниях, интонационно уходящих вверх, превратилось практически в словообильную повесть. Другая ода (вернее, бардита, в определении самого Клопштока) «Герман и Туснельда» (*Hermann und Thusnelda*, перевод А. Л. Соколовского [Клопшток 1809]) также увеличилась в объеме в два раза (Гербель 2012). Вместо сдержанной, страстной речи героя перед читателем предстают цветистые фразы, замедляющие динамичность повествования. Письменно зафиксированных отзывов или критических замечаний на переводы лирики Клопштока на русский язык в литературе начала XIX века обнаружено не было.

Клопшток в России был не лириком-сентименталистом, а прежде всего «творцом “Мессиады”» (Мерзляков 1980), великим именем, которым принято щеголять, чтобы показать свою образованность. Именно на стыке почтения и неизвестности к середине XIX века зародилось смешанное отношение к Клопштоку и его творчеству, иногда балансирующее на грани комического. Отголоски такого отношения отразились, например, в повести А. В. Дружинина «Обрученные», где имя Клопштока всплывает во время дружеской беседы персонажей и служит поводом перейти к приятной части встречи — трапезе:

— Упаси нас Бог от женицин такого рода! — развеселившись, заметил Владислав. — Что была Гвиччиали до знакомства с Байроном? ребенок, и ничего более! Клопшток...

— Давайте скорее обедать, коли дошло до Клопштока! — перебил Мережин, чувствуя, что на душе его просветлело. — Ставьте бутылку рейнвейна, Тальгоф, за старые годы шатанья но свету, за старые беседы, в роде сегодняшней! (Дружинин 1857: 146)

3.2. Произведения Клопштока в образовательных учреждениях и критической литературе в XIX веке

Анализ того, как тексты Клопштока распространялись в России и как читатели реагировали на произведения немецкого поэта, имеет центральное значение для изучения литературной репутации Клопштока. В 1785 г. был опубликован неполный перевод «Мессиады», а в 1821 г. в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» была напечатана ода «Две музы» в переводе В. К. Бриммера (Бриммер 1821), завершившая первый этап активного обращения к творчеству Клопштока. Следующий перевод на русский язык появится только в 1860 г. — изложение «Мессиады» александрийским стихом авторства С. И. Писарева, затем переводчики обратятся к Клопштоку уже в XX веке.

Как уже показано на примере «Мессиады» и лирических стихотворений немецкого поэта, сами его произведения русский читатель знал мало. Известен факт, что и в немецкоязычных странах еще при жизни автора сложилась традиция уважительно отзываться о Клопштоке, не вникая в написанные им тексты. Мнимая глубина читательского интереса недвусмысленно описана в эпиграмме немецкого драматурга и литературоведа Г. Э. Лессинга, современника Клопштока, отличавшегося метким словом и острым языком.

*О, сколько Клопштока хвалили!
Читали Клопштока? Едва ли.
Пусть нас бы так не возносили,
Зато прилежнее читали* (пер. Э. Венгеровой) (Венгерова 2015).

В оригинале:

*Wer wird nicht einen Klopstock loben?
Doch wird ihn jeder lesen? Nein!
Wir wollen weniger erhoben
und fleißiger gelesen sein* (Lessing 1771).

В России прилежно читать Клопштока начал Н. М. Карамзин, с середины 90-х гг. XVIII века занимавшийся популяризацией творчества немецкого поэта на русской почве. Карамзин в «Письмах русского путешественника» называл немецкого автора поэтом «несравненным», «бессмертным», «самым выспренним» (наивысшим — в стилистике конца XVIII века). Авторитетное слово Карамзина, открывшего для широкого читателя Клопштока, на долгие годы стало единственно верным, немецкий поэт был причислен к поэтам «знаменитым», «славным именам», «истинным пиитам» (Карамзин 1982). Произведения немецкого поэта («Мессиада» и псалмы в первую очередь) вошли в число канонических, или образцовых, текстов, обязательных для любого гимназиста или студента, обучающегося литературе. Министерство народного просвещения Российской империи прямо указывало его в числе писателей, которые «представляют историю национальной / мировой литературы как избранные имена “классиков”» (Вдовин, Лейбов 2013).

С конца XVIII века имя Клопштока закрепилось в учебных планах религиозных и светских учебных заведений, в немецкоязычных антологиях и учебниках немецкого языка и литературы. Клопштока читали, но на немецком языке, в оригинале. Как пишет филолог и историк языка Е. И. Кислова в исследовании о культурных контактах российских учебных заведений, «в качестве материалов для чтения на занятиях использовались и поэтические тексты, причем выбирались авторы, пользовавшиеся популярностью как

в Европе, так и среди российского дворянства. <...> Студенты делали переводы из Г. Е. Лессинга (1729–1781) и Ф. Г. Клопштока (1724–1803)» (Кислова 2015: 173).

В гимназиях и высших училищах немецкая литература до 1917 г. не была отдельным предметом и входила в курс немецкого языка. Среди распространенных учебников стоит назвать «Практический курс немецкого языка» библиографа и педагога В. А. Эртеля (учебник издан в 1831 г.), «Учебник немецкого языка для русского юношества» методиста и общественного деятеля И. И. Паульсона (1857 г.). О невысоком качестве учебников можно судить, например, по отзыву инспектора народных училищ и педагога Е. О. Гугеля, который признает, что учебник Эртеля «весьма удобен для первоначального преподавания какого-либо иностранного языка», но для более серьезного изучения «требует слишком времени и притом слишком мало действует на развитие умственных сил» (Гугель 1833: 234). О качестве преподавания иностранных языков Е. О. Гугель отзывался следующим образом: «Если взять в соображение, каким образом у нас преподают многие языки, то нельзя не поблагодарить господина Эртеля, что он старался заменить сии худые способы преподавания другим — лучшим» (цит. по [Боленко 1988: 25]). В учебниках, как правило, были представлены азбука, примеры для чтения, грамматика, словарь, а также отдельные предложения, афоризмы и отрывки из текстов на перевод. В более расширенном виде художественные произведения давались в приложениях (или хрестоматиях) без перевода, иногда приводились пояснительные библиографические сведения на русском языке.

Отрывки из «Мессиады», которые предлагались для чтения обучающимся, ничего, кроме скуки, вызвать не могли: слог Клопштока был труден и для его соотечественников, а разъяснить песни его «Мессиады» русскому читателю желающих не находилось. Только в 1814 г., после выхода перевода отрывка из «Мессиады», который выполнил В. А. Жуковский, на появление эпоса в России стали обращать более пристальное внимание. Это отразилось, в частности, в романе Н. А. Полевого «Аббадонна», в котором происходит перенесение образов эпоса «на жизненные ситуации героев» (Ильченко 2016:102).

Очень ярко смесь почтения и незнания Клопштока проявилась в воспоминаниях историка литературы и мемуариста П. В. Анненкова, посетившего во время путешествия по Европе могилу Клопштока в Альтоне, пригороде Гамбурга: «Мы с благоговением поклонились великому поэту, которого я не знаю ни одной строчки и которого, по какому-то странному предубеждению, считаю самым скучным [поэтом] писателем. Нет никакого

сомнения, что я ошибаюсь, но мне все кажется, будто поэзия его не касается людей, а принадлежит собственно ангелам» (Анненков 1983).

Как видно, недоговоренность в отношении творчества Клопштока постепенно снижает его значимость в глазах российских читателей. Имя немецкого поэта называют в числе великих, но о самом Клопштоке и его трудах уже мало кто вспоминает. Канонизация Клопштока в литературе приводит к почтительному забвению немецкого автора. К началу XX века слава Клопштока меркнет окончательно, но имя даже в России остается на слуху.

4. Заключение

Литературная репутация Клопштока в России на рубеже XVIII–XIX веков представляет собой интересный феномен, сложившийся из незнания массовым читателем его произведений. Безоговорочно признанный значительным автором, «патриархом немецкой национальной литературы», немецкий поэт не оказал заметного влияния на развитие русской литературы, отступив в тень славы своих последователей — поэтов эпохи романтизма. Клопштока в России постигло, по выражению Розанова, «величайшее зло — канонизация» (Розанов 1990: 88), он был заключен в рамки учебников и хрестоматий как безусловно великий поэт. Авторитетное мнение, декларировавшееся в учебниках, заметно контрастировало с высказываниями о Клопштоке в мемуарах и художественной литературе, авторы со смущением признавали, что его произведения непонятны и скучны. Творчество Клопштока при этом не исследовалось специально, и включение Клопштока в число авторов бессмертных эпосов (Гомер, Вергилий, Мильтон, Клопшток) не подкреплялось аналитическими изысканиями.

Список литературы / References

- Анненков П. В. Путевые записки (1842–1843) [Электронный ресурс] // Парижские письма. М.: Наука, 1983. URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0060.shtml (дата обращения: 15.04.2023) [Annenkov, Pavel V. (1983) (2023, April 15) *Putevye zapiski* (Travel Notes) (1842–1843). In *Parizhskie pis'ma* (Paris Letters). Moscow: Nauka. Retrieved from: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0060.shtml. (In Russian)].
- Багровников Н. А. Ганс Луффт и его время. Н. Новгород: НГЛУ, 2015. [Bagrovnikov, Nikolay A. (2015) *Hans Lufft i ego vremya* (Hans Lufft and His Time). Nizhny Novgorod: NGLU. (In Russian)].
- Боленко К. Г. Филантропизм и филантрописты в России // Немцы и развитие образования в России. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 1988. С. 22–28 [Bolenko, Konstantin G. (1988) *Filantropizm i filantropisty v Rossii* (Philanthropism and Philanthropists in Russia). In *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* (Germans

- and the Development of Education in Russia). Saint Petersburg: Biblioteka Rossiyskoy akademii nauk, 22–28. (In Russian)].
- Бриммер В. К. Две музы [Электронный ресурс] // Соревнователь просвещения и благотворений. 1821. Ч. 14. URL: <https://bibra.ru/composition/dve-muzy-iz-klopshtoka-razmerom-podlinnika/> (дата обращения: 15.04.2023). [Brimmer, Vladimir K. (1821) (2023, April 15) Dve muzy (Two Muses). *Sorevnovatel' prosveshcheniya i blagotvorenii* (Competitor of Education and Charity), Part 14. Retrieved from: <https://bibra.ru/composition/dve-muzy-iz-klopshtoka-razmerom-podlinnika/>. (In Russian)].
- Вдовин А., Лейбов Р. Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX / отв. ред. А. Вдовин, Р. Лейбов. Тарту: Тартуский университет, 2013. С. 7–34. [Vdovin, Alexey, & Leibov, Roman. (2013) Khrestomatiya teksty: russkaya poeziya i shkol'naya praktika XIX stoletiya (Reading Texts: Russian Poetry and School Practice of XIX Century). In Vdovin, Alexey, & Leibov, Roman. (eds.) *Acta Slavica Estonica IV. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Literaturovedenie IX* (Acta Slavica Estonica IV. Works on Russian and Slavic Philology. Literary Criticism IX). Tartu: University of Tartu, 7–34. (In Russian)].
- Венгерова Э. В. Мемуарески [Электронный ресурс] // Экран и сцена. 2015. № 9. URL: <https://screenstage.ru/?p=2822> (дата обращения: 15.04.2023). [Vengerova, Ella V. (2015) (2023, April 15) Memuarieski (Memuarieschi). *Ehkran i stsena* (Screen and Stage). Retrieved from <https://screenstage.ru/?p=2822>. (In Russian)].
- Гейман Б. Г. Клопшток // История немецкой литературы. Т. 2. М.: Радуга. 1963. [Geiman, Boris G. (1963) Klopshtok (Klopstock). *Istoriya nemetskoj literatury* (History of German Literature). Vol. 2. Moscow: Raduga. (In Russian)].
- Гербель Н. В. Немецкие поэты в биографиях и образцах: антология лучшей немецкой поэзии. М.: ЁЁ Медиа, 2012. [Gerbel', Nicolay V. (2012) *Nemetskie poehty v biografiyakh i obraztsakh: antologiya luchshei nemetskoj poehzii* (German Poets in Biographies and Images: Anthology of the Best German Poetry). Moscow: YoYo Media. (In Russian)].
- Голубева Н. А. Новые слова от Людовика XIV до Ангелы Меркель // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. Вып. 33. С. 187–198. [Golubeva, Nadezhda A. (2015) Novye slova ot Lyudovika XIV do Angely Merkel' (New Words from Louis XIV to Angela Merkel) *LUNN Bulletin*, 33, 187–198. (In Russian)].
- Гугель Е. О. Методы Жакото. Отечественный язык // Педагогический вестник. 1833. № 8. С. 323–328 [Gugel', Egor O. (1833) Metody Zhakoto. Otechestvennyi yazyk (Methods Jacotot. Native language). *Pedagogical Bulletin*, 8, 323–328. (In Russian)].
- Дружинин А. В. Обрученные // Библиотека для чтения. СПб.: А. Смирдин, 1857. С. 145–149. [Druzhinin, Alexandr V. (1857) Obruchennye (Betrothed). *Biblioteka dlya chteniya* (Reading Library). Saint Petersburg: A. Smirdin, 145–149. (In Russian)].
- Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г. Немецкий герой в романе Н. А. Полевого «Аббадонна» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 33. С. 93–107. [Ilchenko, Natalia M., & Chernysheva, Elena G. (2016) Nemetskii geroi v romane N. A. Polevogo «Abbaddonna» (The German Hero in the Novel by N. A. Polevoy “Abbaddonna”). *LUNN Bulletin*, 33, 93–107. (In Russian)].

- Карамзин Н. М. Евгений и Юлия [Электронный ресурс] // Русская сентиментальная повесть. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. URL: http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0980.shtml (дата обращения: 15.04.2023). [Karamzin, Nikolay M. (1979) (2023, April 15) Evgeniy i Yuliya (Eugene and Yulia). *Russkaya senti-mental'naya povest'* (Russian Sentimental Tale). Moscow: Moscow University Press. Retrieved from http://az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0980.shtml. (In Russian)].
- Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. М.: Советская Россия, 1982. [Karamzin, Nikolay M. (1982) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* (Letters of a Russian Traveler) Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russian)].
- Кислова Е. И. Немецкий язык в русских семинариях XVIII века: из истории культурных контактов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия: Филология. 2015. 1 (41). С. 53–70. [Kislova, Elena I. (2015) *Ne-metskii yazyk v russkikh seminariyakh XVIII veka: iz istorii kul'turnykh kontaktov* (German Language in Russian Seminaries of the 18th Century: from the History of Cultural Contacts). *St. Tikhon's University Review. Series: Philology*, 1 (41), 53–70. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г. Герман и Туснельда // Цветник. 1809. Ч. 2. № 5. С. 149–153. [Klopstock, Friedrich G. (1809) German i Tusnel'da (Hermann and Tusnelda). *Tsvetnik*, 2, 5 February, 149–153. (In Russian)].
- Клопшток Ф. Г. Будущей супруге // Журнал для сердца и ума, издаваемый И. Шелеховым. 1810. Ч. 1. № 2. Февраль. С. 143–149. [Klopstock, Friedrich G. (1810) *Budushchey supruge* (To the Future Wife). *Zhurnal dlya serdtsa i uma, izdavaemyu I. Shelekhovym*, Part 1, 2 February, 13–149. (In Russian)].
- Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке: первая половина. М.: Изд. Московского университета, 1977. [Kuleshov, Vasiliy I. (1977) *Literaturnye svyazi Rossii i Zapadnoi Evropy v XIX veke: pervaya polovina* (Literary Ties between Russia and Western Europe in the 20th Century: the First Half). Moscow: Izd. Moskovskogo universiteta. (In Russian)].
- Лобков А. Е. Печатная книга как инструмент Реформации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 34. С. 147–156. [Lobkov, Alexander E. (2016) *Pechatnaya kniga kak instrument Reformatsii* (The Printed Book as an Instrument of the Reformation). *LUNN Bulletin*, 34, 147–156. (In Russian)].
- Мерзляков А. Ф. Статьи [Электронный ресурс] // Литературная критика 1800–1820-х годов. М.: Художественная литература, 1980. URL: http://az.lib.ru/m/merzljakow_a_f/text_0080.shtml (дата обращения: 15.04.2023). [Merzlyakov, Alexey F. (1980) (2023, April 15) *Stat'I* (Articles). *Literaturnaya kritika 1800–1820-kh godov* (Literary Criticism of the 1800–1820s). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. Retrived from: http://az.lib.ru/m/merzljakow_a_f/text_0080.shtml (In Russian)].
- Михайлов А. В. Обратный перевод: Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М.: Языки русской культуры, 2000. [Mikhailov, Alexandr V. (2000) *Obratnyu perevod: Russkaya i zapadnoevropeyskaya kul'tura: problemy vzai-mosvyazey* (Reverse Translation: Russian and West-European Culture: Problems of Interconnections). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].
- Пуришев Б. И. Клопшток // Литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1931. Стб. 784. [Purishev, Boris I. (1931) Klopshток (Klopstock).

- In *Literaturnaya entsiklopediya* (Literary Encyclopedia). Vol. 5. Moscow: Communist Academy Publishers, col. 784. (In Russian)].
- Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001 [Reitblat, Abram I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii: Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi ehpokhi* (How Pushkin Became a Genius: Historical and Sociological Essays on the Book Culture of the Pushkin Era). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)].
- Розанов И. Н. Литературные репутации. М.: Советский писатель, 1990. [Rozanov, Ivan N. (1990) *Literaturnye reputatsii* (Literary Reputations). Moscow: Sovetsky pisatel'. (In Russian)].
- Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. [Туньянов, Yuri N. (1993) *Literaturnyi fakt* (Literary Fact). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russian)].
- Эйхенбаум Б. М. Литературный быт // О литературе. М.: Сов. писатель, 1987. С. 428–436. [Eikhnenbaum, Boris M. (1987) *Literaturnyi byt* (Literary Life). In *O literature* (On Literature). Moscow: Sovet. pisatel', 428–436. (In Russian)].
- Birgfeld, Johannes. (2008) Klopstock, the Art of Declamation and the Reading Revolution: An Inquiry into One Author's Remarkable Impact on the Changes and Counter-Changes in Reading Habits between 1750 and 1800. *Journal for Eighteenth-Century Studies*, Vol. 31, Iss. 1, 101–117.
- Klopstock, Friedrich G. (1798) (2023, April 15) *Oden*. Bd. 2. Leipzig: Göschen. Retrieved from <http://www.zeno.org/Literatur/M/Klopstock,+Friedrich+Gottlieb/Gedichte/Oden.+Zweiter+Band> (In German).
- Kohl, Kathrin. (1990) *Friedrich Gottlieb Klopstock*. Stuttgart: J. B. Metzler. (In German).
- Lessing, Gotthold E. (1771) (2023, April 15) *Sinngedichte*. Retrieved from: [http://www.zeno.org/Literatur/M/Lessing,+Gotthold+Ephraim/Gedichte/Sinngedichte+\(Ausgabe+1771\)/1.+Die+Sinngedichte+an+den+Leser](http://www.zeno.org/Literatur/M/Lessing,+Gotthold+Ephraim/Gedichte/Sinngedichte+(Ausgabe+1771)/1.+Die+Sinngedichte+an+den+Leser) (In German).
- Liessmann, Konrad P. (2008) Der Verlust des Schönen in der Kunst. *LUNN Bulletin*, 3, 84–89. (In German).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 372.881.111.22

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-206-225

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА НА ОСНОВЕ ЭЛЕКТРОННОГО УЧЕБНОГО КУРСА

Е. П. Глумова¹, М. А. Морозова²

¹Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

²Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия

В работе описана авторская концепция электронного учебного курса иностранного языка с интегрированной системой заданий на основе аутентичных цифровых корпоративных ресурсов на примере преподавания немецкого языка. Предлагаемая концепция курса позволяет создать условия для оптимизации процесса изучения иностранного языка у магистрантов после перерыва посредством актуализации базовых навыков, приобретенных в бакалавриате. Особое внимание уделяется выявлению ценности аутентичных цифровых корпоративных ресурсов с точки зрения их лингводидактического потенциала, определяемого терминологической насыщенностью текстов онлайн-ресурсов компаний и мероприятий, а также актуальностью используемой в формальной и неформальной коммуникации специалистов терминологии и разнообразием стилей. В работе приведены результаты апробации разработанных курсов.

Ключевые слова: непрерывное иноязычное образование; иностранный язык; немецкий язык; электронные учебные курсы; цифровые технологии; аутентичные цифровые корпоративные ресурсы; технический вуз.

Цитирование: Глумова Е. П., Морозова М. А. Организация непрерывного иноязычного образования студентов технического вуза на основе электронного учебного курса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 2 (62). С. 206–225. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-206-225.

Organization of Continuous Foreign Language Education for Students of a Technical University on the Basis of an E-Learning Course

Elena P. Glumova¹, Maya A. Morozova²

¹N. A. Dobrolyubov Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

²Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Using teaching German as an example, the paper describes the author's vision for creating an electronic foreign language training course with an integrated system of tasks based on authentic digital corporate resources. The proposed course makes it possible to optimize the process of learning a foreign language for graduate school students, even after a significant break, by updating the basic skills they acquired as they studied for their bachelor's degree. Particular attention is paid to estimating the value of authentic digital corporate resources in terms of their linguistic and didactic potential, which is determined by the terminological saturation of texts made available as online resources by various companies and events, as well as the relevance of terminology and a variety of styles used in formal and informal communication within the expert community. The article presents the results of practical evaluation of the courses already developed and launched.

Key words: continuous foreign language education; foreign language; German; e-learning courses; digital technologies; authentic digital corporate resources; technical university.

Citation: Glumova, Elena P., Morozova, Maya A. (2023) Organization of Continuous Foreign Language Education for Students of a Technical University on the Basis of an E-Learning Course. *LUNN Bulletin*, 2 (62), 206–225. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-206-225.

1. Введение

Современная система международных отношений, невзирая на сложную политическую обстановку, охватывает широкий спектр вопросов самых разных сфер взаимодействия. Ключевую позицию при этом занимает профессиональная составляющая как одно из основных направлений международного сотрудничества. В данных условиях потребность в специалистах, свободно владеющих иностранными языками, будет лишь увеличиваться. К сожалению, в уровневой системе высшего образования (бакалавриат и магистратура) имеет место разрыв процесса обучения иностранному языку. Особенно ощутимо снижение способности к иноязычной коммуникации у студентов технических направлений подготовки, поскольку двухгодичный перерыв в изучении иностранного языка после завершения обучения по программам бакалавриата не позволяет сразу перейти к освоению профессионально ориентированного курса иностранного языка, отличающегося сложностью программных тем, в первую очередь из-за достаточно большого объема специальной лексики и терминологии.

В данном контексте особую актуальность приобретает концепция непрерывного иноязычного образования (Добрынина, Соколова 2011; Санни-

кова 2018). С. В. Санникова и ряд других исследователей предлагают пересмотр учебных планов специальностей (неязыковых факультетов) и расширение спектра дополнительного образования с целью сохранения непрерывности иноязычной подготовки (Санникова 2018: 54–55). Непрерывность иноязычного образования в ПетрГУ реализуется благодаря уровневому подходу и модульному обучению (Добрынина, Соколова 2011: 386–388).

Безусловно, представленные концепции вносят существенный вклад в развитие иноязычного образования. Тем не менее важно отметить, что непрерывность иноязычного образования не ограничивается программами дополнительного образования, уровневым подходом и модульной структурой курса, но также обеспечивается электронным форматом реализации курса иностранного языка, с возможностью трансфера приобретенных компетенций, использованием аутентичных цифровых корпоративных ресурсов (АЦКР), т. е. ресурсов компаний и организаций страны изучаемого языка, подготавливающих к международному сотрудничеству в соответствующей области профессиональной деятельности, а также интерактивным компонентом, т. е. системой интерактивных заданий, в том числе онлайн-заданий.

Проектированию авторских электронных учебных курсов предшествовало также изучение ряда исследований, посвященных использованию аутентичных материалов в обучении иностранному языку (Day 2004: 101–102; Gilmore 2007), а также исследований в области институционального (профессионального, академического и делового) дискурса (Шилина 2012; Крылов 2014; Золотова, Демина 2017).

Целью настоящей статьи является представление результатов проектирования электронного учебного курса иностранного языка для студентов технического вуза на примере преподавания немецкого языка как иностранного в системе непрерывного иноязычного образования.

Важное значение для раскрытия темы исследования имеют работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные вопросам непрерывного иноязычного образования (Добрынина, Соколова 2011; Татаурова, Глумова, Хэнсон 2020; Glumova, Tataurova, Mahdi 2020), профессионально ориентированного обучения иностранному языку в вузе (Baumann 2003; Поляков 2004; Ohm, Kuhn, Funk 2007; Велединская 2008; Закирова 2014; Орбодоева 2015; Фоминых 2015; Присмотрова 2016; Buhlmann 2018; Крылов, Халыпина, Архипова 2021), вопросам использования цифровых технологий в обучении иностранному языку (Раицкая 2011; Fischer 2013; Евдокимова 2017; Титова 2017; Чичерина 2021).

2. Характеристика материала и методов исследования

Интеграция цифровых корпоративных ресурсов компаний и организаций в электронные учебные курсы потребовала изучения особенностей корпоративной и PR-коммуникации в контексте профессиональной деятельности специалистов как с точки зрения связей с общественностью, так и с точки зрения лингвистики, а именно лингвостилистических аспектов и дискурсивных особенностей коммуникации в сети Интернет, включая корпоративную (Атабекова 2003; Данюшина 2010; Щипицина 2010; Storrer 2013; Weißwenger 2018).

Материалами для исследования послужили тексты сайтов и социальных медиа немецкоязычных компаний, организаций и специализированных мероприятий по направлениям подготовки обучающихся; (электронные) учебно-методические комплексы отечественных и зарубежных авторов, предназначенные для изучения иностранного языка, результаты стартового и итогового анкетирования, тестирования и продукты деятельности обучающихся.

При проведении исследования были использованы следующие методы:

1) *методы лингвистического исследования*: статистический метод подсчета лексических единиц в текстах сайтов и социальных медиа компаний, количественная обработка данных, лингвистический анализ особенностей различных типов текстов компаний (тексты разделов сайтов, социальных медиа, включая комментарии), обобщение. Исследованные материалы включили 1160 текстов аутентичных (немецкоязычных) корпоративных ресурсов общим объемом 53 544 лексические единицы. Анализ корпуса текстов базовых разделов немецкоязычных цифровых корпоративных сайтов и социальных медиа компаний и организаций, отобранных для включения в электронные учебные курсы, был выполнен с помощью программы-конкордансера поиска терминов и словосочетаний *Simple Concordance Program 4.09*;

2) *методы педагогического исследования*: теоретические (анализ литературы), эмпирические (сбор и накопление данных), анкетирование обучающихся (стартовое и итоговое), анализ продуктов деятельности обучающихся, опыта работы преподавателей, контроль и измерение (тесты).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Авторами настоящего исследования была разработана и апробирована концепция учебного курса по иностранному языку (ИЯ), нацеленная на эффективную реализацию непрерывного иноязычного образования студентов технического вуза. Данная концепция обладает следующими характеристиками:

1) конфигурируемая блочно-модульная структура электронного учебного курса по иностранному языку, имеющая вариативные и инвариантные составляющие;

2) соблюдение принципа преемственности при проектировании курса иностранного языка для бакалавров и магистрантов, выстраивание «мостиков» между учебными блоками курса с целью обеспечения плавного перехода к изучению каждого последующего блока;

3) интеграция АЦКР по направлениям подготовки обучающихся, предполагающая разработку системы заданий на основе данных ресурсов;

4) использование разнообразных форм работы и видов заданий, интерактивный характер заданий;

5) цифровой компонент, представляющий собой цифровую поддержку курса;

6) наличие обратной связи от обучающихся, предоставление им возможности принять участие в дополнении и доработке электронного учебного курса;

7) трансфер приобретенных умений и навыков, касающихся иноязычной коммуникативной компетенции (возможность участия в меж- и внутри-вузовских мероприятиях, предполагающих независимую оценку уровня развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся);

8) реализация спирального принципа освоения учебного материала;

9) единообразная для всех уровней обучения, привычная студентам визуализация блоков электронного курса, а также реализация их педагогического дизайна, видов и форм работы, форматов заданий;

10) обеспечение электронного учебного курса по принципу «все под рукой» (база ссылок и коллекция учебных материалов, инструкции, образцы и шаблоны, листы оценивания с критериями оценки, интерфейс с информационно-образовательной средой вуза);

11) наличие контрольно-оценочного аппарата, интеграция системы оценки в соответствии с 15-уровневой шкалой оценок *ECTS*, а также в традиционной форме (четырёхуровневая шкала либо «зачтено»);

12) обеспечение визуализации результата обучения (электронный портфолио).

Вариативность и конфигурируемость блоков и модулей электронного учебного курса, возможность проходить модули в индивидуальном темпе, самостоятельно определять объем и уровень сложности заданий обеспечивают индивидуальную траекторию освоения ИЯ. Также важно отметить, что интерактивный формат заданий, цифровая поддержка курса, использование аутентичных цифровых ресурсов немецкоязычных компаний и организаций по профилю обучающихся мотивируют обучающихся к изучению ИЯ, что,

безусловно, как и возможность индивидуального режима освоения курса ИЯ, компенсирует трудности обучающихся, с которыми они сталкиваются при изучении ИЯ в магистратуре после вынужденного перерыва.

Важно отметить, что интеграция АЦКР в систему заданий курса ИЯ по направлениям подготовки обучающихся, с одной стороны, вызывает у обучающихся интерес и мотивирует к изучению ИЯ, а с другой стороны, отражает реальную коммуникацию в сфере изучаемой специальности. Используемые ресурсы знакомят с актуальной, используемой в настоящее время зарубежными специалистами терминологией и специальной лексикой, а также профессионализмами в неформальной коммуникации, являющейся неотъемлемой частью профессионально ориентированной коммуникации специалистов. При этом работа с такими ресурсами требует специальной языковой подготовки обучающихся. В связи с этим возникает острая необходимость проектирования курса ИЯ и разработки специальной системы заданий, которая была бы нацелена на подготовку обучающихся к работе с данными ресурсами. Проведенный нами анализ имеющихся учебных курсов по ИЯ отечественных и зарубежных авторов позволил констатировать, что подобных курсов на данный момент не существует.

Таким образом, в ходе нашего исследования было обнаружено противоречие между возрастающей потребностью в электронных учебных курсах ИЯ с интегрированной системой заданий на основе АЦКР и их отсутствием либо частичным соответствием основной образовательной программе соответствующего направления подготовки обучающихся технического вуза, что и обусловило актуальность нашей работы.

В рамках проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. Анализ корпуса текстов и опыт использования в учебном процессе АЦКР позволили выявить лингвостилистические особенности и лингводидактический потенциал данных ресурсов, подтверждающие значимость их использования в процессе обучения иностранному (немецкому) языку в техническом вузе. По результатам лингвистического исследования было определено, что анализируемые цифровые корпоративные ресурсы представляют ценность с точки зрения уровня терминологической насыщенности анализируемых материалов, разнообразия и актуальности используемых специалистами терминов и профессионализмов, а также стиля общения в профессиональной сфере. Также было установлено, что в зависимости от типа ресурса уровень терминологической насыщенности различен: максимальный — для веб-сайтов, минимальный — для социальных медиа. При этом последние отличает следующее: в текстах сообщений / постов

и комментариев социальных медиа компаний присутствуют профессионализмы, отражающие специфику неформального общения в сфере профессиональной деятельности.

2. Опираясь на анализ научной и научно-методической литературы, а также нормативных документов, касающихся непрерывного обучения иностранному языку в вузе и перечня формируемых компетенций будущих специалистов, обозначенного в соответствующих нормативных документах, авторами настоящей работы были разработаны электронные учебные курсы по иностранному (немецкому) языку для обучающихся технических и экономических направлений подготовки Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), с учетом трех сфер иноязычной коммуникативной компетенции — профессиональной, научной и деловой (Матухин 2011: 121).

3. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта преподавания, научной и научно-методической литературы мы пришли к выводу, что организация непрерывного обучения иностранному языку в техническом вузе будет эффективной при комплексном использовании возможностей цифровых технологий на всех этапах обучения, обязательном включении АЦКР в систему заданий, предназначенных для самостоятельной и командной работы в аудитории и внеаудиторно. Результатом явилось проектирование электронного учебного курса ИЯ, имеющего блочно-модульную структуру, с интегрированной системой интерактивных заданий и специальной системы коррекционных заданий в системе дистанционного обучения *DiSpace* и специализированной программной системе для разработки языковых электронных учебных курсов *eLang* Новосибирского государственного технического университета.

4. На основе анализа имеющихся в настоящее время электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК), онлайн-курсов по ИЯ отечественных и зарубежных вузов и сформулированных авторами исследования характеристик электронного учебного курса была определена концепция электронного учебного курса обучения немецкому языку как иностранному студентов технических и экономических направлений подготовки в техническом вузе. В соответствии с данной концепцией авторами был разработан электронный учебный курс для уровней бакалавриата и магистратуры, ориентированный на развитие устных и письменных видов речевой деятельности на иностранном (немецком) языке с учетом ключевых сфер общения — повседневной, академической, профессиональной и деловой. Каждый курс (бакалавры / магистранты) состоит из отдельных блоков, которые также могут выступать в случае необходимости как самостоятельные учебные курсы ИЯ: «Grundkurs DEUTSCH / Базовый курс немецкого языка» (системы

DiSpace и *eLang*), «Deutsch für Nutzer von Informations- und Kommunikationstechnologien / Язык пользователя цифровых технологий» (система *eLang*), «Deutsch im Beruf: Mechatronik und Energietechnik (Masterstudium) / Немецкий язык в профессиональной сфере: мехатроника и энергетика (уровень бакалавриата / магистратуры)» (системы *DiSpace* и *eLang*), «Geschäftsdeutsch / Деловой немецкий язык» (системы *DiSpace* и *eLang*), «Deutschkurs_Energietechnik (Masterstudium) / Немецкий язык: энергетика (уровень магистратуры)» (система *eLang*), «Deutschkurs_Mechatronik und Automatisierung (Masterstudium) / Немецкий язык: мехатроника и автоматизация (уровень магистратуры)» (система *eLang*), «Deutsch für akademische Zwecke (Bachelor und Master) / Немецкий язык для академической коммуникации (уровни бакалавриата / магистратуры)» (системы *DiSpace* и *eLang*).

Так, структура курса обучения немецкому языку для уровня бакалавриата может быть представлена в виде схемы на примере направлений подготовки «Электроэнергетика и электротехника», «Автоматизация технологических процессов и производств» (см. Рис. 1):

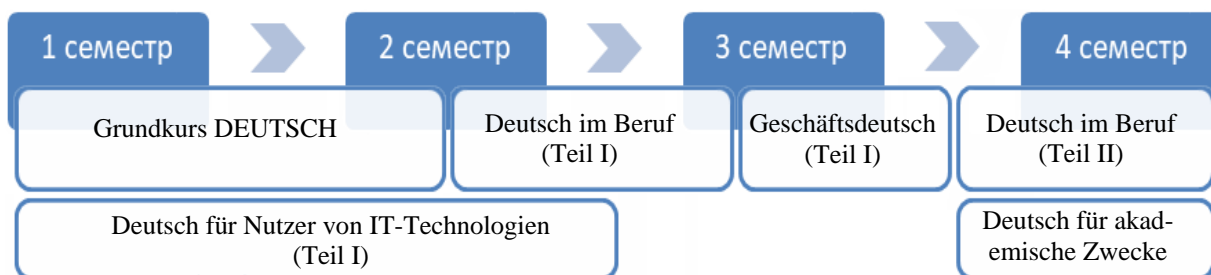

Рис. 1. Электронные блоки базового и профессионально ориентированного курсов обучения немецкому языку (уровень бакалавриата)

Согласно представленной структуре, курс обучения немецкому языку для уровня бакалавриата в рамках вузовской программы состоит из базового курса немецкого языка, обеспечивающего подготовку студентов к освоению профессионально ориентированного курса, и профессионально ориентированного курса. Данный курс состоит из четырех блоков, представляющих собой электронные учебные курсы в системе электронной среды обучения НГТУ *DiSpace* (авторизованный доступ) с интегрированными модулями, созданными в системе *eLang* (авторизованный доступ):

1. Базовый немецкий язык/ Grundkurs DEUTSCH.
2. Профессионально ориентированный курс обучения немецкому языку:
  - Немецкий язык для технических направлений подготовки: мехатроника и энергетика (уровень бакалавриата) / Deutsch im Beruf: Mechatronik

und Energietechnik (Bachelor), часть I — Введение в специальность и часть II — Узкоспециальные аспекты профессиональной деятельности);

– Немецкий язык для пользователей цифровых технологий / Deutsch für Nutzer von IT-Technologien;

– Деловой немецкий язык, часть I / Geschäftsdeutsch, Teil I;

– Немецкий язык для академических целей (бакалавриат) / Deutsch für akademische Zwecke (Bachelor).

Особенностью данной структуры курса обучения немецкому языку в вузе является постепенное включение параллельно базовому курсу немецкого языка курса немецкого языка для пользователей цифровых технологий. Разработанный авторами исследования курс нацелен на подготовку студентов к использованию немецкоязычных цифровых ресурсов. Далее изучается курс профессионально ориентированного немецкого языка для технических направлений подготовки, при этом в начале курса изучаются темы, являющиеся вводными в специальность. После того как изучены вводные темы специальности, обучающиеся осваивают часть I блока (курса) делового немецкого языка до конца 3-го семестра.

Курс нацелен на ознакомление студентов с перечнем профессионально значимых компетенций, необходимых для осуществления международного сотрудничества в соответствующей области профессиональной деятельности, подготовки научных текстов, в т. ч. для международных конференций на ИЯ и в зарубежных изданиях.

В течение 4-го семестра изучается часть II блока немецкого языка в профессиональной сфере для технических направлений подготовки в области мехатроники и электротехники уровня – Электроэнергетика / Электротехника. Коммуникация в сфере специальности. Параллельно обучающиеся осваивают блок немецкого языка для академических целей, для того чтобы ознакомиться с основными жанрами академического письма (тезисы, статья, доклад), их структурой, особенностями написания, правилами цитирования, авторским правом.

Данные электронные учебные блоки представляют собой разработанные авторами исследования электронные учебные курсы, которые размещены в системе электронного обучения *DiSpace* НГТУ. Все представленные курсы интегрированы в виде ссылок в модули с интерактивными онлайн-заданиями, разработанными в специализированной системе *eLang* НГТУ, а также размещены на других внешних платформах (*LearningApps.org*, *Online Test Pad* и др.). В совокупности данные модули представляют собой цифровую поддержку курса немецкого языка в техническом вузе, обеспечивающего освоение иностранного языка студентами технических и экономиче-

ских направлений подготовки. Цифровая поддержка включает также онлайн-тесты и интерактивные задания в системах *DiSpace*, *eLang*, на сторонних бесплатных платформах *LearningApps*, *Online Test Pad*, а также систематически актуализируемую базу ссылок на немецкоязычные цифровые корпоративные ресурсы в соответствии с направлениями подготовки студентов (немецкоязычные цифровые корпоративные ресурсы университетов, компаний и организаций, специализированных выставок в сфере будущей профессиональной деятельности обучающихся). Каждый курс снабжен базой ссылок на источники, используемые при выполнении заданий, которая насчитывает 230 немецкоязычных цифровых ресурсов, из них 90 сайтов компаний в области энергетики, мехатроники и автоматизации, экономики, 50 вузов, осуществляющих обучение по техническим и экономическим специальностям, 60 специализированных выставок в области энергетики, мехатроники и автоматизации, экономики, 30 научных мероприятий (конференций, конгрессов). Кроме этого, в перечень используемых ресурсов входят вики-платформы, платформы создания веб-сайтов (*Wix*, *WordPress*), программы создания визитных карточек, буклетов, электронные информационно-справочные ресурсы (онлайн-словари и глоссарии академической и специальной лексики, сайты научных изданий, библиотек по направлениям подготовки студентов, сайты организаций в сфере трудоустройства и развития карьеры. Перечисленные ресурсы используются на всех этапах и уровнях обучения ИЯ. Помимо цифровой поддержки курс обучения немецкому языку для бакалавров и магистрантов снабжен учебными пособием для студентов «Немецкий язык для пользователей информационно-коммуникационных технологий» (автор — М. А. Морозова, Новосибирск, 2014 г.) и преподавателей (в качестве методической поддержки) «Аутентичные корпоративные электронные ресурсы в обучении иностранному языку в вузе» (автор — М. А. Морозова, Новосибирск, 2016 г.).

Важным условием при отборе аутентичных цифровых ресурсов является наличие таких лингвометодических параметров оценки качества ресурсов (сайтов и социальных медиа компаний, вузов и специализированных мероприятий), как:

- тематическое соответствие материалов учебному плану осваиваемой специальности;
- использование компанией / университетом не менее трех различных видов цифровых ресурсов (веб-сайты, ресурсы социальных медиа);
- использование только сайтов и социальных медиа известных и существующих длительное время компаний / вузов / мероприятий, как международного, так и регионального масштаба деятельности;

- доступность ресурсов (возможность бесплатного доступа и свободного скачивания);
- актуальность используемых материалов и систематичность их обновления;
- соответствие уровню владения немецким языком (отсутствие слишком сложной и специфичной лексики, сложных синтаксических структур, отсутствие диалекта и др.);
- наличие релевантной для обучающихся употребительной специальной лексики и терминологии в среде специалистов;
- наличие мультимедийного контента.

Поскольку обучающиеся последние четыре семестра бакалавриата целиком погружены в дисциплины своей специальности, языковые навыки к моменту прихода в магистратуру, как правило, частично утеряны и вернуться к изучению ИЯ достаточно сложно. При этом мотивация к изучению ИЯ также ослабевает, что значительно осложняет ситуацию. Исходя из этого, в предлагаемых электронных курсах предусмотрены специальные стартовые тесты, нацеленные на выявление «слабых» мест в соответствующих аспектах языка. На основе полученных результатов организуется пошаговая работа, предусматривающая основательную отработку в комфортном для обучающихся темпе (особенно на начальном этапе) выявленных «слабых» мест, при этом важно уделять внимание всем аспектам языка и развитию всех видов речевой деятельности. Также необходимо мотивировать обучающихся к изучению ИЯ, предлагая разнообразные формы работы и виды заданий, в т. ч. проектные и творческие, в соответствии с потребностями обучающихся и языковым уровнем. Существенно повысить мотивацию позволяет выполнение заданий с использованием аутентичных цифровых корпоративных ресурсов, которые более подробно будут рассмотрены далее.

Система заданий, в т. ч. интерактивных, представляет собой серию *подготовительных* (в начале изучения темы), *тренировочных* (в процессе изучения темы) и *контрольно-тренировочных заданий* (по завершении изучения темы) в рамках каждого модуля. Количество заданий каждого вида может варьироваться в зависимости от уровня языка, потребностей обучающихся, специфики изучаемой темы. Во все электронные блоки (курсы) включены вариативные задания, в т. ч. задания повышенной сложности. При этом в процессе освоения базового курса немецкого языка постепенно увеличивается объем и сложность аутентичных текстов, добавляются новые аутентичные немецкоязычные ресурсы.

Система заданий представлена рабочими листами (pdf-файлы) и включает задания на развитие всех видов речевой деятельности. Так,

тренировка языковых навыков представлена заданиями на составление диалогов с готовыми фразами (как правило, представлены интерактивными заданиями в системе *eLang* на восстановление последовательности фраз диалога), затем в аудиторной работе — составление и представление диалогов в группе, при этом количество опор постепенно уменьшается. Рабочие листы размещены в модулях электронных учебных курсов системы *DiSpace* и содержат ссылки на интерактивные онлайн-задания системы *eLang* и других внешних платформ, цифровые ресурсы (сайты, программы, видео).

Примером может служить курс профессионально ориентированного немецкого языка «Deutsch im Beruf: Mechatronik und Energietechnik (Masterstudium)» для направлений подготовки «Электроэнергетика и электротехника», «Управление в технических системах» (магистратура), разработанный в системе *DiSpace* (см. Рис. 2, содержание курса представлено в сокращенном виде):

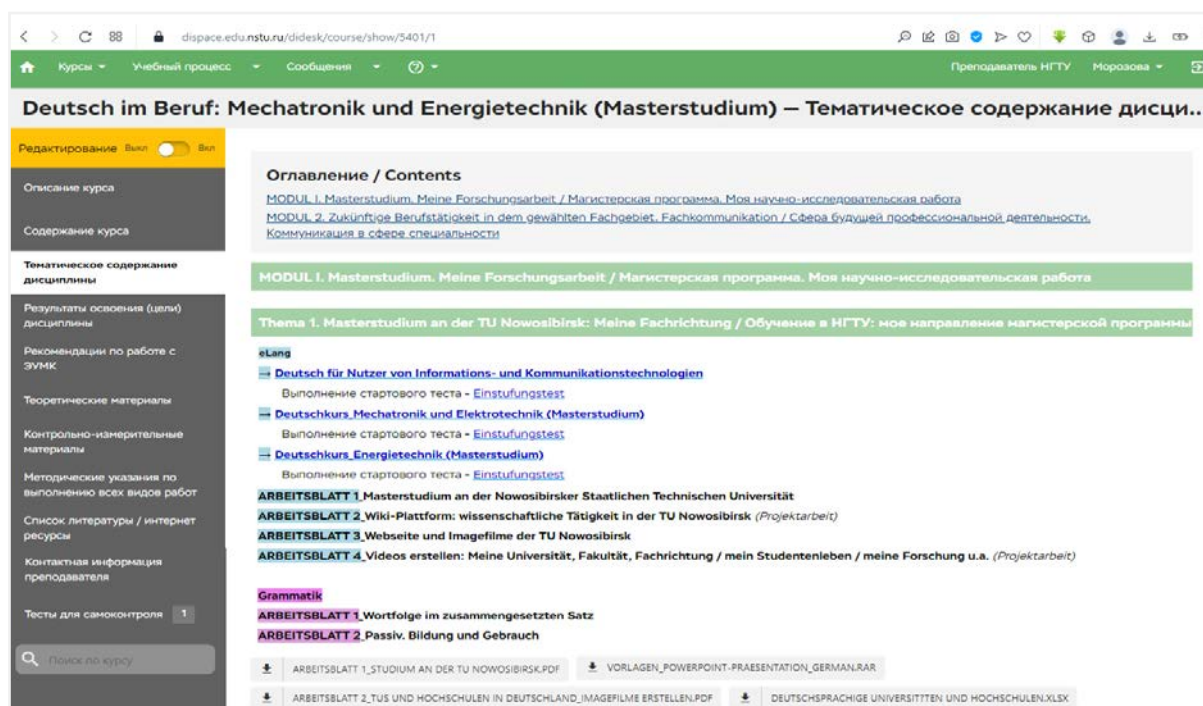

Рис. 2. Тематическое содержание курса. Система *DiSpace* НГТУ

Примером интерактивного задания профессионально ориентированного курса обучения немецкому языку «Немецкий язык для технических направлений подготовки: мехатроника и энергетика (уровень бакалавриата) / Deutsch im Beruf: Mechatronik und Energietechnik (Bachelor)» может служить задание модуля «Test zur Zwischenkontrolle 2_Konferenzen und

Fachmessen / Тест промежуточного контроля 2_Конференции и специализированные ярмарки» с выбором правильного ответа, касающееся определения тематики, целей, направлений работы и целевой аудитории специализированной выставки в Линце по направлению подготовки обучающихся (см. Рис. 3):

The screenshot displays the eLang.nstu.ru interface. At the top, the URL is elang.edu.nstu.ru/module/view/283/2237. The user is logged in as 'Морозова Майя' and is in 'Режим редактирования'. The course is 'Deutschkurs_Mechatronik und Elektrotechnik (Masterstudium)'. The test title is 'Test zur Zwischenkontrolle 2_Konferenzen und Fachmessen'. The question asks to identify the correct variants of the 'SMART Automation Austria 2021' trade fair. A video player shows a man at a workstation. The question text is: 'Sehen Sie sich das Video über die Fachmesse „SMART Automation Austria 2021“ in Wien an und markieren Sie die richtigen Varianten.' The options are: 'die Messe für Antriebssysteme der Zukunft', 'die Messe für E-Mobilität', 'die Messe für Automatisierungstechnik', and 'die Messe der Trends in intelligenten Elektronik- und Energietechnologien'. The first three options are highlighted in grey, while the last one is not.

Рис. 3. Задание с выбором правильного ответа. Система *eLang* НГТУ

Освоение и закрепление лексического и языкового материала осуществляется с помощью различных лексических и языковых упражне-

ний — построение ассоциограммы, игровых карточек для установления соответствий (термин и перевод, термин и его определение), интерактивных онлайн-заданий системы *eLang*, сервиса *LearningApps.org*. Интерактивные задания, в т. ч. онлайн-задания, представлены различными заданиями на поиск соответствий, подбор синонимов / антонимов / определений, родовых / видовых понятий, составление соответствий, исключение лишних слов и пр. Ввиду сложного произношения и написания большинства терминов в систему заданий включены задания на отработку произношения и написания терминов. С целью систематизации лексики и языкового материала используется создание ментальных карт, которые обучающиеся создают в программе-конструкторе (на выбор предлагаются программы немецких и отечественных разработчиков в зависимости от языкового уровня обучающихся). С этой же целью обучающимся предлагается создать мини-гlossарий наиболее часто используемых терминов в рамках осваиваемой специальности (профессиональной области), а также кроссворды с использованием сервиса *LearningApps.org* или конструктора тестов, опросов, кроссвордов *Online Test Pad*. После чего обучающиеся обмениваются ссылками на созданные задания и тестируют их, проверяя на наличие ошибок и неточностей и внося при необходимости предложения по улучшению задания.

Система контрольно-оценочного аппарата включает бланки оценки, содержащие перечень критериев оценивания с указанием максимально возможного количества баллов, согласно которым оцениваются задания всех видов речевой деятельности. Бланки оценки размещены как в разделе «Методические указания по выполнению всех видов работ» электронных учебных курсов, так и в виде интегрированных в рабочие листы ссылок на бланки оценки, включающие критерии оценивания. Система оценивания представлена шкалой от 0 до 3 баллов (отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно). Контрольно-оценочный аппарат включает также выполнение интерактивных контрольно-тренировочных и тренировочных тестов, разработанных в системе *eLang* и онлайн-конструкторе тестов, опросов, кроссвордов *Online Test Pad*.

Контроль и мониторинг личных достижений обучающихся осуществляется в виде портфолио, которые обучающиеся загружают в систему *DiSpace* на проверку. В рабочих листах с помощью иконки «Мой портфолио (*Mein Portfolio*)» отмечаются задания, результаты выполнения которых студенты должны включить в свой презентационный портфель документов. Кроме того, в портфолио обучающиеся могут включать результаты своих достижений в различных мероприятиях НГТУ и других вузов. В НГТУ обучающиеся могут принимать участие в проектной деятельности, конкурсе видеопроектов на иностранных языках, конференциях на иностранных языках

и др., которые нацелены на развитие иноязычной коммуникативной компетенции. Система заданий электронных учебных курсов предусматривает также задания, результаты выполнения которых могут быть представлены на указанных выше мероприятиях (студенческие видеопроекты, научные статьи, доклады с презентацией и пр.). Таким образом, благодаря предусмотренному в процессе освоения разработанного курса немецкого языка участию во внутривузовских и межвузовских проектах и мероприятиях реализуется трансфер приобретенных умений и навыков в рамках иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

С целью проверки эффективности разработанной концепции электронного учебного курса немецкого языка с интегрированной системой интерактивных заданий на основе АЦКР в системе непрерывного языкового образования было проведено опытное обучение в группах бакалавров и магистрантов факультетов мехатроники и автоматизации (ФМА), энергетики (ФЭН) и бизнеса (ФБ) Новосибирского государственного технического университета. Сравнение результатов стартового анкетирования на определение уровня готовности к использованию цифровых технологий в обучении в целом и при изучении ИЯ, уровня сформированности компетенции в сфере цифровых технологий и уровня сформированности профессиональной иноязычной компетенции у обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры с результатами итогового анкетирования позволило констатировать рост интереса к изучению иностранного языка и повышение уровня мотивации к использованию в процессе освоения иностранного (немецкого) языка цифровых технологий, в частности различных немецкоязычных цифровых корпоративных ресурсов.

Сравнение полученных результатов и стартового и итогового тестирования в системе *eLang*, констатирующего, промежуточного и итогового срезов при выполнении различных работ продуктивных видов письменной и устной речевой деятельности показало активный рост показателей всех составляющих иноязычной коммуникативной компетенции (цифровой, лингвистической (языковой) и дискурсивной компетенций) у бакалавров и магистрантов. При этом у магистрантов, по сравнению с бакалаврами, данные промежуточного среза отражают менее активный прирост компетенций, а данные итогового среза демонстрируют достаточно интенсивный рост соответствующих показателей, сопоставимый с динамикой прироста показателей бакалавров. В некоторых составляющих иноязычной коммуникативной компетенции данный прирост оказался несколько выше, чем у бакалавров. Видимо, менее активный прирост компетенций у магистрантов объясняется двухгодичным перерывом в обучении. Во второй половине курса отмечается повышение уровня мотивации обучающихся к изучению

ИЯ и активная динамика прироста составляющих иноязычной коммуникативной компетенции.

4. Заключение

Таким образом, прирост показателей составляющих иноязычной коммуникативной компетенции, согласно результатам срезов, позволил зафиксировать средний и высокий уровни сформированности иноязычной коммуникативной компетенции, что подтверждает эффективность разработанных электронных учебных курсов как составных частей единого курса немецкого языка с интегрированной системой интерактивных заданий на основе аутентичных цифровых корпоративных ресурсов.

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся неязыковых направлений подготовки в вузе будет эффективным при условии:

- наличия системы заданий, в т. ч. интерактивных, разработанных на основе аутентичных цифровых корпоративных ресурсов, способствующих погружению в реальную профессионально ориентированную иноязычную и цифровую среду;

- наличия специальных заданий, нацеленных на подготовку к использованию аутентичных цифровых корпоративных ресурсов;

- наличия контрольно-оценочного аппарата;

- наличия учебно-методических материалов;

- реализации обучения в формате электронных учебных курсов с обязательным включением интерактивного компонента, модульной структуры, трансформируемостью, гибкостью и динамичной структурой курса, в соответствии с уровнем языка обучающихся, их интересами и потребностями, с учетом поэтапного, последовательного овладения материалом, возможностью варьирования степени глубины изучения тем специальности, возможностью систематической актуализации материалов курсов.

Важно отметить, что предлагаемая концепция электронного учебного курса в силу объективных причин не может заполнить образующуюся в результате разрыва процесса обучения ИЯ между бакалавриатом и магистратурой лауну, но при этом она позволяет создать условия (психологические, педагогические, организационно-методические) для оптимизации процесса изучения ИЯ после перерыва посредством актуализации базовых навыков, приобретенных в бакалавриате.

Список литературы / References

- Атабекова А. А.* Лингвистический дизайн Web–страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных Web-страниц): Монография. М.: Изд-во РУДН, 2003. [Atabekova, Anastasiya A. (2003) *Lingvisticheskiy dizajn Web–stranic (sopostavitel’nyj analiz jazykovogo oformlenija anglo- i russkojazychnyh Web–stranic): Monografija* (Linguistic Design of the Web Page (Comparative Analysis of the Language Design of English and Russian Web Pages): Monograph). Moscow: Izd-vo RUDN. (In Russian)].
- Велединская С. Б.* Иноязычная профессиональная коммуникация как ключевой элемент гуманитарной подготовки инженера будущего // Язык и культура. Теория и методика преподавания. 2008. № 1. С. 86–96. [Veledinskaja, Svetlana B. (2008) Inojazychnaja professional’naja kommunikacija kak kljuchevoj jelement gumanitarnoj podgotovki inzhenera budushhego (Foreign Language Professional Communication as a Key Element of Humanitarian Training of an Engineer of the Future). *Language and Culture. Theory and Methods of Teaching*, 1, 86–96. (In Russian)].
- Данюшина Ю. В.* Бизнес-лингвистика и деловое общение в Интернете: Монография. М.: ГУУ, 2010. [Danjushina, Julia V. (2010) *Biznes-lingvistika i delovoe obshhenie v Internetе: Monografija* (Business Linguistics and Business Communication on the Internet: Monograph). Moscow: GUU. (In Russian)].
- Добрынина О. Л., Соколова О. Л.* Концепция непрерывного иноязычного образования в неязыковом вузе // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. № 23. С. 386–390. [Dobrynina, Oksana L., & Sokolova, Olga L. (2011) Konceptcija nepreryvnogo inojazychnogo obrazovanija v nejazykovom vuze (The Concept of Continuous Foreign Language Education in a Non-linguistic University). *Psihologija i pedagogika: metodika i problemy praktičeskogo primeneniya* (Psychology and Pedagogy: Methodology and Problems of Practical Application), 23, 386–390. (In Russian)].
- Евдокимова М. Г.* Инновационная система профессионально ориентированного обучения иностранным языком в неязыковом вузе: Монография. М.: Библио-Глобус, 2017. [Evdokimova, Meri G. (2017) *Innovacionnaja sistema professional’no orientirovannogo obuchenija inostrannym jazykom v nejazykovom vuze: Monografija* (An Innovative System of Professionally Oriented Teaching of a Foreign Language in a Non-linguistic University: Monograph). Moscow: Biblio-Globus. (In Russian)].
- Закирова Е. С.* Когнитивные основы формирования языка для специальных целей (на материале английской и русской автомобильных терминологий): Монография. М.: ИИУ МГОУ, 2014. [Zakirova, Elena S. (2014) *Kognitivnye osnovy formirovanija jazyka dlja special’nyh celej (na materiale anglijskoj i russkoj avtomobil’nyh terminologij): Monografija* (Cognitive Foundations of Language Formation for Special Purposes (on the Material of English and Russian Automotive Terminologies): Monograph). Moscow: ИИУ МГОУ. (In Russian)].
- Золотова М. В., Демина О. А.* Специфика курсов английского языка для специальных целей и обучение иноязычной профессиональной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 37. С. 148–154. [Zolotova, Marina V., & Demina, Olga A.

- (2017) Specifika kursov anglijskogo jazyka dlja special'nyh celej i obuchenie ino-jazychnoj professional'noj kommunikacii (Peculiarities of English for Specific Purposes in Teaching Communication). *LUNN Bulletin*, 37, 148–154. (In Russian)].
- Крылов А. Н. Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М.: Икар, 2014. [Krylov, Aleksandr N. (2014) *Korporativnaja identichnost' dlja menedzherov i marketologov* (Corporate Identity for Managers and Marketers). Moscow: Ikar. (In Russian)].
- Крылов Э. Г., Халяпина Л. П., Архипова Е. И. Обучение студентов инженерных специальностей английскому языку как языку профессии: интегративный подход // Язык и культура. 2021. № 54. С. 203–223. [Krylov, Eduard G., Haljapina, Lyudmila P., & Arhipova, Elena I. (2021) Obuchenie studentov inzhenernyh special'nostej anglijskomu jazyku kak jazyku professii: integrativnyj podhod (Teaching Students of Engineering Specialties English as the Language of Profession: an Integrative Approach). *Language and Culture*, 54, 203–223. (In Russian)].
- Матухин Д. Л. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку студентов нелингвистических специальностей // Язык и культура. 2011. № 2 (14). С. 121–129. [Matuhin, Dmitry L. (2011) Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannomu jazyku studentov nelingvisticheskikh special'nostej (Professionally-oriented Teaching of a Foreign Language to Students of Non-linguistic Specialties). *Language and Culture*, 2 (14), 121–129. (In Russian)].
- Орбодоева Л. М. Профессиональная метакомпетенция студентов языковых вузов: лингводидактический аспект // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2015. Вып. 30. С. 107–114. [Orbodoeva, Larisa M. (2015) Professional'naja metakompetencija studentov jazykovyh vuzov: lingvodidakticheskij aspekt (Professional Meta-Competence of Language Students: Teaching and Learning Aspects). *LUNN Bulletin*, 30, 107–114. (In Russian)].
- Поляков О. Г. Аспекты профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе: Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. [Poljakov, Oleg G. (2004) *Aspekty profil'no-orientirovannogo obucheniya anglijskomu jazyku v vysshej shkole: Monografija* (Aspects of Profile-oriented Teaching of English in Higher Education: Monograph). Tambov: Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina. (In Russian)].
- Присмотрова О. С. Система упражнений для формирования профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции магистрантов нелингвистического вуза // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2016. Вып. 35. С. 146–154. [Prismotrova, Oksana S. (2016) Sistema uprazhnenij dlja formirovanija professional'no orientirovannoj inojazychnoj kommunikativnoj kompetencii magistrantov nelingvisticheskogo vuza (A System of Exercises for Developing Professional Communicative Competence in English for Non-language Majors in Master's Degree Programs). *LUNN Bulletin*, 35, 146–154. (In Russian)].
- Раицкая Л. К. Дидактические и психологические основы применения технологий Веб 2.0 в высшем профессиональном образовании: Монография. М.: Изд-во МГОУ, 2011. [Raickaja, Liliya K. (2011) *Didakticheskie i psihologicheskie osnovy primenenen-*

- ija tehnologij Veb 2.0 v vysshem professional'nom obrazovanii: Monografija* (Didactic and Psychological Foundations for the Application of Web 2.0 Technologies in Higher Professional Education: Monograph). Moscow: Izd-vo MGOU. (In Russian)].
- Санникова С. В. Непрерывное языковое образование: социокультурное измерение // Иноязычное образование в поликультурной среде. Материалы и доклады научно-практической конференции Национальной Ассоциации преподавателей английского языка (NATE 2018) (Самара, 18–20 апреля 2018 г.). Самара: Изд-во Самарского университета, 2018. С. 53–60. [Sannikova, Svetlana V. (2018) Nprerывное jazykovoje obrazovanie: sociokul'turnoe izmerenie (Continuing Language Education: Sociocultural Dimension). In *Inojazychnoe obrazovanie v polikul'turnoj srede. Materialy i doklady nauchno-prakticheskoy konferencii Nacional'noj Associacii prepodavatelej anglijskogo jazyka (NATE 2018)* (Samara, 18–20 aprlja 2018 g) (Foreign Language Education in a Multicultural Environment. Proceedings and Reports of Scientific and Practical Conference held by National Association of English Language Teachers (NATE 2018) (Samara, April 18–20, 2018)). Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta, 53–60. (In Russian)].
- Татаурова Е. М., Глумова Е. П., Хэнсон В. Иноязычный коммуникативный тренинг регионального содержания в подготовке студентов направления «Прикладная информатика» к международным академическим обменам // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. № 2. С. 95–107. [Tataurova, Ekaterina M., Glumova, Elena P., & Hjnson, Veronika. (2020) Inojazychnyj kommunikativnyj trening regional'nogo sodержanija v podgotovke studentov napravlenija “Prikladnaja informatika” k mezhdunarodnym akademicheskim obmenam (Foreign Language Communicative Training of Regional Content in the Preparation of Students of the Direction “Applied Informatics” for International Academic Exchanges). *Society. Communication. Education*, 2, 95–107. (In Russian)].
- Титова С. В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика: Монография. М.: Эдитус, 2017. [Titova, Svetlana V. (2017) *Cifrovyje tehnologii v jazykovom obuchenii: teorija i praktika: Monografija* (Digital technologies in Language Teaching: Theory and Practice: Monograph). Moscow: Jeditus. (In Russian)].
- Фоминых Н. Ю. Проектирование компьютерно ориентированной среды иноязычной профессиональной подготовки будущих специалистов в области информатики и вычислительной техники: Монография. Севастополь: РИБЕСТ, 2015. [Fominyh, Nataliya Ju. (2015) *Proektirovanie komp'juterno orientirovannoj sredy inojazychnoj professional'noj podgotovki budushhih specialistov v oblasti informatiki i vychislitel'noj tehnik: Monografija* (Designing a Computer-oriented Environment for Foreign Language Professional Training of Future Specialists in the Field of Informatics and Computer Technology: Monograph). Sevastopol': RIBEST. (In Russian)].
- Чичерина М. М., Чичерина Ю. В. Современный цифровой учебник по иностранному языку: структура и содержание // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 131–142. [Chicherina, Milana M., & Chicherina, Yulia V. (2021) *Sovremennyj cifrovoj uchebnik po inostrannomu jazyku: struktura i sodержanie* (Modern Digital Foreign Language Textbooks: Structure and Content). *LUNN Bulletin*, 4 (56), 131–142. (In Russian)].

- Шилина М. Г. Корпоративная интернет-коммуникация в системе связей с общественностью // Вестник МГУ. Серия 10: Журналистика. 2012. № 1. С. 87–100. [Shilina, Marina G. (2012) Korporativnaja internet-kommunikacija v sisteme svjazej s obshhestvennost'ju (Corporate Internet Communication in the System of Public Relations). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 1, 87–100. (In Russian)].
- Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М.: Красанд, 2010. [Shchipicina, Larisa Ju. (2010) *Kompjuterno-oposredovannaja kommunikacija: Lingvisticheskij aspekt analiza* (Computer-Mediated Communication: A Linguistic Aspect of Analysis). Moscow: Krasand. (In Russian)].
- Baumann, Kl.-D. (2003) Die Vermittlung einer fachkommunikativen Kompetenz als berufsrelevante Perspektive der universitären Fremdsprachenausbildung. In *Fachsprachen und Hochschule. Forschung – Didaktik – Methodik. Bayreuther Beiträge zur Glottodidaktik*, 119–135. (In German).
- Beißwenger, Michael, & Pappert, Steffen. (2018) Analysefeld: Internetbasierte Kommunikation. In *Handbuch Pragmatik*. Berlin: De Gruyter, 448–459. (In German).
- Buhlmann, Rosemarie, & Fearn, Anneliese. (2018) *Handbuch des fach- und berufsbezogenen Deutschunterrichts DaF, DaZ, CLIL*. Berlin: Frank & Timme GmbH Verlag für wissenschaftliche Literatur. (In German).
- Day, Richard R. (2004) A Critical Look at Authentic Materials. *Asia TEFL*, Vol. 1, 1, 101–114.
- Fischer, Helge. (2013) *E-Learning im Lehralltag. Analyse der Adoption von E-Learning-Innovationen in der Hochschullehre*. Wiesbaden: Springer Fachmedien. (In German).
- Gilmore, Alex. (2007) Authentic Materials and Authenticity in Foreign Language Learning. *Language Teaching*, 40 (2), 97–118.
- Glumova, Elena, Tataurova, Ekaterina, & Mahdi, Mohammed H. (2020) Development of General Cultural Competences of Higher Education Students on the Basis of Regional Content Communicative Training. In *Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives. Proceedings of the Conference “Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives”*, Series: “Lecture Notes in Networks and Systems”, Vol. 131. Saint Petersburg: Springer, 341–348.
- Ohm, Udo, Kuhn, Christina, & Funk, Hermann. (2007) *Sprachtraining für Fachunterricht und Beruf. Fachtexte knacken – mit Fachsprache arbeiten*. Münster: Waxmann Verlag. (In German).
- Storrer, Angelika. (2013) Sprachstil und Sprachvariation in sozialen Netzwerken. In *Die Dynamik sozialer und sprachlicher Netzwerke. Konzepte, Methoden und empirische Untersuchungen an Beispielen des WWW*. Berlin: Springer, 331–366. (In German).

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2023-62-2-226-232

СТРУКТУРА СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В СОСТАВЕ ЗАГАДОК

Т. Н. Федуленкова, Н. В. Шишкова, Е. Н. Окрочедлишвили

Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Рецензия на монографию: *Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах*. М.: ЛЕНАНД, 2019. 352 с.

Рецензируемый словарь представляет собой инновационный лексикографический продукт и состоит из трех блоков. Первый блок включает в себя две части: «Собственное имя в загадках» и «Собственное имя в отгадках». Второй блок имеет название «Собственное имя в пословицах и поговорках». Третий блок называется «Собственное имя в идиомах». Основную часть собственных имен в паремиях и идиомах составляют антропонимы, а также агнионимы, хрононимы, мифонимы, исторические и литературные онимы, предназначенные для того, чтобы называть антропные и антропоморфные персонажи в паремиях и образы в идиомах. Во всех блоках словаря собственные имена описываются как в прямой, так и в производных формах, представлены структуры собственных имен. В каждом блоке словарные статьи располагаются в алфавитном порядке их заглавных слов. Знак ударения ставится в случае необходимости.

В словаре немало повторений. Похожие образы и во многом сходный текст можно обнаружить и среди загадок, и среди пословиц, поговорок, и среди идиом. Ср.:

Загадки: «Два кола еловы, Два сына поповы, **Тюха да Матюха** (*соха*)».

Пословицы, поговорки: «**Собрались Тюха да Матюха, да Колупай с братом**».

Идиомы: «**Тюха да Пантюха да Колупай с братом**». ‘Лентяи, бездельники’.

В пределах одного блока один и тот же текст может быть расположен под разными заголовочными именами, так как в тексте могут быть употреблены сразу несколько собственных имен, т. е. текст, где есть имена *Абакум*

и *Авдотья* (Два кума Абакума, две кумы Авдотьи, пять Пантелеев, десять Андреев (*сани*)), будет помещен и в словарной статье с именем **АБАКУМ**, и в словарной статье с именем **АВДОТЬЯ**.

Новаторские характеристики словаря заключаются в следующем: а) принципы описания собственных имен в каждом блоке имеют свои особенности, б) для каждого блока разработана отдельная структура словарной статьи, в) в словаре описаны апеллятивные образования от имен собственных, г) в словаре последовательно используется буква ё.

Рассмотрим структуру словарного описания собственных имен в составе загадок. Первый блок состоит из двух частей: 1. «Собственное имя в загадках»; 2. «Собственное имя в отгадках».

Материалом для этого блока послужили традиционные, народные, загадки, а также современные загадки для детей (литературные авторские, народные загадки в литературной обработке и любительские). Важно, что все иллюстрации имеют шифры, отсылающие к источникам.

Первая часть. «Собственное имя в загадках».

Собственные имена в традиционных загадках представлены в основном антропонимами, употребленными в прямой и производных формах. Часто употребляются народные формы личных имен.

Структура словарной статьи носит новаторский характер. Для описания собственных имен в загадках выделяются (но не нумеруются, чтобы не перегружать цифрами и искусственно не разделять целостный текст загадки) четыре зоны: 1. ЗАГОЛОВОЧНАЯ ЗОНА; 2. ЗОНА ИЛЛЮСТРАЦИИ, или ЗАГАДКИ; 3. ЗОНА ОТГАДКИ; 4. ЗОНА ШИФРОВ.

1. ЗАГОЛОВОЧНАЯ ЗОНА. Первая зона включает в себя заголовочное слово — основную полную форму собственного имени и его формы и структуры, употребляемые в текстах загадок. В эту зону включены также краткие пояснения. Первая зона может представлять собой отсылку к другому заголовочному слову.

Заголовочным, как правило, словом является личная форма имени, но также, по материалу употребления собственного имени, заголовочным словом могут быть и другие формы:

- имя (**СЫСОЙ, ТАРАСИХА, УЛИТА, ФЕДОС, ТИТ**);
- фамилия (**ВОРОТЫНСКИЙ, ЧЕРНОДЫРОЙ, ШМАРИН**);
- отчество (**АНДРЕЕВНА, ЛУКИЧ**);
- двухкомпонентная формула «имя + отчество» (**ПАН ПАНОВИЧ, ДРЕН ДРЕНОВИЧ, КОЛЫВАН КОЛЫВАНОВИЧ**).

По структуре заголовочное слово может состоять:

– из нескольких слов, заголовочное слово может быть по форме составным именем: **ЗВОНКА-ЗВОНКУША, МАРИЯ МАГДАЛИНА, РОБИН ГУД.**

– из личного имени и эпитета-приложения: **ГЛАСИМ-ЦАРЬ, МЫР-ЦАРЬ, ЛИСАВЕТ-ЧЕЛОВЕК.**

Вынесение таких форм в заголовочное имя не всегда дается последовательно. Если идентификатор пишется с основным компонентом раздельно, то в заголовочное слово он обычно не включается. Например, если в тексте это имя выглядит как «Курнопый царь», то в заголовочном имени будет: **КУРНОПЫЙ**. Написание составного имени через дефис также не всегда считается достаточным основанием для включения идентификатора или эпитета-приложения в заголовочную зону. Так, в загадке про пальцы руки все имена в тексте являются составными и имеют дефисное написание: «Васька-указка, Мишка-серёдка, Гришка-сиротка, да крошка-Тимошка», но в заголовочной зоне данные идентификаторы не приводятся, а загадка повторена несколько раз в качестве иллюстрации для личных имен: Василий, Михаил, Григорий, Тимофей. В единичных случаях заголовочное слово стоит во мн. ч., если собственное имя искусственное, употребляется в загадках только во мн. ч. и трудно определить форму ед. ч., напр.: **КУРНЫ**. Как видно из примеров, имена, фамилии и отчества могут быть вымышленные, но в загадках они выполняют функцию антропонимов. В заголовочной части могут быть указаны сразу два альтернативных заголовочных слова, которым может равно принадлежать преобразованная форма имени в загадке, напр: **ПАНФИЛ** или **ПАНТЕЛЕЙ** — **Паня**. В случае совпадения мужских и женских имен при заголовочном слове указывается род: **ИВАШКА жен. ИВАШКА муж**. Заголовочное слово дается прописными буквами крупным кеглем и выделено полужирным шрифтом.

Заголовочное слово помогает организовать материал вокруг форм и структур, как правило, одного и того же собственного имени.

При заголовочном слове после тире указываются формы имени, которые употребляются в текстах загадок; также учитывается и вносится в этот ряд различие в графическом оформлении собственного имени в текстах загадок: **БАБА ЯГА** — **Баба Яга, баба Яга, Баба-Яга, Яга**. Формы и структуры собственного имени даются после заголовочного слова после тире, перечисляются через запятую, пишутся начиная с прописной буквы и далее строчными, выделяются полужирным шрифтом. Если прямая полная форма употребляется в загадках, то она приводится после заголовочного слова, стоит в ряду первой: **ЧЕЧОРА** — **Чечора**; **ЮСТИЦА** — **Юстица**; **ФУРМАН** — **Фурман**; **СИДОДОН** — **Сидодон**; **ПАНАДРАН** — **Панадран**.

В отдельных случаях (при знании народных форм и тех прямых полных форм, к которым народная форма имени восходит) автор предпочитает поставить народную форму в качестве заглавной. Основанием для этого становятся тождественные или сходные сюжеты загадок и то, что личное имя в них является фонетическим «строительным» материалом. Напр., форма имени **НЮРА** не относится к ониму **АННА**, а описывается самостоятельно: **НЮРА** — **Нюра**. Сходные вариативные формы указываются с помощью отсылки в скобках: **РАСЯ** — **Рася** (см. **Ася, Вася, Гася**). Словарные статьи, в которых при описании одного денотата используются два составных имени, даются дважды: так, загадка, где употребляется сложное «двойное имя»: *Иван Иванович, Макар Макарович* приведена и на заголовочное слово **ИВАН**, и на заголовочное слово **МАКАР**.

Заголовочную зону могут составлять отсылочные статьи, в которых указана производная или народная форма имени и дана отсылка к кодифицированной прямой полной форме, напр.: **АНЮТА** см. **АННА**; **АПРОНЮШКА** см. **АПРАКСИЯ**; **АФОНЬКА** см. **АФАНАСИЙ**.

2. ЗОНА ИЛЛЮСТРАЦИИ, или ЗАГАДКИ. Тексты загадок приводятся не в стихотворной форме, а сплошной строкой, при этом на стихотворную форму могут указывать прописные буквы пограничных слов. В зоне иллюстрации текст дается прямым начертанием обычным шрифтом; собственное имя в тексте выделяется полужирным шрифтом. Последовательное расположение загадок подчинено, как правило, соблюдению совокупности алфавитного принципа и принципа перечисления форм и структур онима в заголовочной зоне.

Если в заголовочной зоне указана только одна форма собственного имени в загадках, в этом случае загадки обычно располагаются по алфавитному принципу, также учитывается изменение графических знаков в иллюстрациях, взятых из разных источников, напр.:

САМСОН — Самсон

«**Самсон** в избе (*печная заслонка, заслон*) С 144»

«**Самсон** нагишом, рубашка в пазухе (*свеча*) Р 164»

«**Самсон** телешом, А рубашка в пазушке (*свеча*) С 22 ж»

«Сам **Самсон** мост мостил (*лед*) Р 128»

«Сам **Самсон** мост мостил (*мороз*) Р 156» и т. д. (см. с. 110–111).

Если в заголовочной зоне указано несколько форм, то тексты загадок располагаются, как правило, по алфавитному принципу и в той последовательности, в какой указаны формы собственного имени в заголовочной зоне. Под алфавитный принцип подпадает изменение форм собственного имени в числе и падеже — сначала учитывается алфавитный принцип

в отношении начальной формы собственного имени, затем в отношении всего текста загадки:

«Стоит **Антипка** низок, на нём семьдесят семь ризок (*капуста*)»
Ми 84;

«На **Антипке** семьдесят семь одёжек, и все без застёжек (*капуста*)»
Р 278.

В данной зоне нашли свое отражение особенности того, в какой форме была представлена одна и та же загадка в разных сборниках. Приводятся лексические и синтаксические варианты одного и того же текста, сохраняются их пунктуационное и орфографическое оформление. Важным считается постановка запятой в одном варианте, но точки с запятой – в другом в тех или иных источниках

3. ЗОНА ОТГАДКИ. Зона отгадки расположена в конце текста загадки, отгадка приводится в круглых скобках и дается строчными буквами, выделяется курсивом. Например:

«**Леонид** лежит, а потом в реку побежит (*лед, снег*) Д 954»; «**Леонид** лежит, а потом в реку побежит (*снег*) Р 75».

Ср. также: «На печи кочет поет, спать **Акуле** не дает (*сверчок*) Ми 35»; «Маленький **Афанасий** лычком подпоясан (*веник*) Р 126, Ми 111»; «Маленький **Афанасий** Лычком подпоясан, По полу елозит, Заду не занозит (*веник*)» С 308а».

4. ЗОНА ШИФРОВ. Данная зона, уже показанная в предыдущих зонах, является ссылкой на источники текстов загадок. Прописные буквы являются сокращениями названий источников, которые приведены в списке сокращений; цифры рядом с буквами обозначают страницы в источнике. Особое значение имеют цифры или цифры со строчными буквами при букве С — это номера загадок в сборнике Д. Н. Садовникова. Такое обозначение обусловлено тем, что в сборнике на одной странице указывается большое количество загадок и их вариантов, обнаружить которые в источнике легче с помощью номера (нумерация в сборнике Д. Н. Садовникова дается сплошная). Один и тот же текст загадки может встречаться в нескольких источниках, в таком случае они указываются через запятую, в хронологической последовательности в соответствии с временем собирания:

«Выгляну в окошко: стоит долгий **Антошка**, В нём сусло и масло и смерть человечья (*кабак*) Д 794, Ми 92»;

«Маленький **Ивашка**, красная рубашка, Где носом ткнёт, там черту проведёт (*карандаш*) Р 371, Ми 143».

Отдельно не оговариваются источники современных загадок, которые записаны под шифрами ЛД (литература для детей) и СЗ (сетевые загадки). Такое решение автор объясняет тем обстоятельством, что загадки

в разных изданиях для детей неоднократно повторяются, так же как повторяются они в сетевых электронных ресурсах.

Вторая часть. «Собственное имя в отгадках».

В отгадках собственные имена представлены в основном агнионимами и литературными онимами (последние относятся исключительно к современным загадкам). Редко встречаются в отгадках исторические онимы и мифонимы. Есть один пример с хрононимом Касьян:

«Кто в пятнадцать лет раз именинник? (**Касьян**)».

Редко в отгадке встречаются антропонимы, и это объяснимо. Автор подчеркивает, что вне связи с конкретным персонажем из фольклорного, религиозного, литературного и др. дискурса собственные имена загадываются редко — лишь в т. н. «алфавитных» или «лингвистических» загадках, построенных на омонимии или полисемии. В заголовочной зоне в редких случаях требуется перечислять разные формы имени, так как отгадывается, как правило, название конкретного персонажа.

С целью описания собственных имен в отгадках в структуре словарной статьи также выделяются четыре зоны: 1. ЗАГОЛОВОЧНОЕ СЛОВО; 2. ЗОНА ИЛЛЮСТРАЦИИ, или ЗАГАДКИ; 3. ЗОНА ОТГАДКИ; 4. ЗОНА ШИФРОВ.

1. ЗАГОЛОВОЧНОЕ СЛОВО. Первая зона включает в себя основную форму собственного имени загаданного денотата, приводимую в отгадках: **АРИЭЛЬ, ГЕРДА, ЕВА, СОНЯ, ЧИПОЛЛИНО**. В редких случаях в дополнение к заголовочному слову дается ряд имен. После тире в одном ряду перечисляются разные формы собственного имени, в том числе с эпитетом-приложением, которые, согласно источникам, употребляются в текстах применительно к одному и тому же денотату: **ЕНОХ — Енох, Энох; ИЛИЯ — Илья, Илья-пророк, Илия**.

В заголовочной зоне (в редких случаях) указываются притяжательные формы мужского имени в сочетании с идентификаторами родства (идентификаторы шрифтом не выделяются): **ЛОТОВА ЖЕНА — Лотова жена, жена Лота, дочь Лота**. Подчеркивается, что все эти имена называют один и тот же денотат. Редко в качестве заголовочного слова указывается собственное имя с идентификатором, только если это составное имя персонажа: **ИОАНН-КРЕСТИТЕЛЬ, КРАСНАЯ ШАПОЧКА, БАБА-ЯГА**. Напр.:

«В ступе летаю, детей похищаю, в избе на куриной ноге проживаю (**Баба-Яга**)».

При этом заголовочным именем служит та форма, которая представлена в отгадке: **ВИННИ-ПУХ**:

«Этот симпатичный мишка всем знаком из детской книжки: для него прогулка — праздник и на мёд особый нюх. Это плюшевый проказник, медвежонок... (**Винни-Пух**)».

2. ЗОНА ИЛЛЮСТРАЦИИ, или ЗАГАДКИ. В этой зоне прямым начертанием обычным шрифтом приводится текст загадки, напр.:

«Вот совсем нетрудный, коротенький вопрос: кто в чернилку сунул деревянный нос?»;

«Жил в бутылке сотни лет, наконец увидел свет, бородою он оброс — этот добрый ...».

3. ЗОНА ОТГАДКИ. Отгадка, как видно из приведенных выше примеров, дается в скобках с прописной буквы и далее строчными буквами так, как принято оформлять собственное имя на письме. Собственное имя в отгадке выделяется полужирным шрифтом.

Отгадка может

– иметь вид ответа на вопрос, поставленный в загадке, поэтому отгадка может носить характер разъяснения, быть своего рода *обоснованием* ответа. Ср.:

«Кто был первый священник? (**Адам**)» / «Когда была такая битва, что брат брата побил? (**Каин** Авеля убил)».

– быть *важной художественной частью* в загадочном тексте и согласовываться или не согласовываться с загадкой по рифме. Ср.:

«Все девчонки и мальчишки полюбить его успели. Он — герой веселой книжки, за спиной его пропеллер. Над домами он взлетает высоко, но не до Марса. И малыш его узнает. Кто же это? Хитрый... (**Карлсон**)» / Он большой шалун и комик, у него на крыше домик. Хвастунишка и зазнайка, а зовут его... (**Карлсон**)».

– служить продолжением сюжета.

4. ЗОНА ШИФРОВ организована так же, как и для первой части блока:

«Кто родился, да не умер? (**Илья-пророк**) Ми 153»; «Что ни день — по одежке отдаёт наш **Серёжка**. А с последней расстался — Сам куда-то девался (*календарь*) ЛД».

Данный словарь представляет собой оригинальный научный труд, не имеющий аналогов в мировой лексикографической практике. Новаторский характер словаря определяется лингвокультурологическим принципом, положенным в основу построения словарной статьи, что определяет его актуальность в когнитивном и прагматическом аспектах. Словарь будет незаменимой книгой для филологов, лингвистов, лингвокультурологов, а также для преподавателей, писателей и журналистов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреяшина Анастасия Вячеславовна, соискатель кафедры перевода и лингвистики Кемеровского государственного университета.

E-mail: xpylyax99@mail.ru

Богомазова Виктория Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: v.bogomazova@rambler.ru

Герасимова Арина Андреевна, аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: gerasimovaaa01@my.msu.ru

Глумова Елена Петровна, кандидат педагогических наук, доцент, начальник научно-исследовательской лаборатории Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: el.glumova2010@yandex.ru

Демидова Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: frenjar@yandex.ru

Дуань Сяоли, аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

E-mail: 1490138618@qq.com

Кононов Дмитрий Алексеевич, старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

E-mail: dakononov@rambler.ru

Корзун Анна Викторовна, ассистент Уфимского университета науки и технологий.

E-mail: annakomarova86@rambler.ru

Морозова Майя Андреевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета.

E-mail: majamorozova@mail.ru

Мурзинова Ирина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

E-mail: imurzinova@yandex.ru

Окромчедлишвили Елизавета Николаевна, студентка Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

E-mail: elizavetaokr_0809_2003@mail.ru

Пишкова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета.

E-mail: pishkova@yandex.ru

Родионова Мария Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова.

E-mail: maria.y.rodionova@gmail.com

Сибирцева Вера Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента иностранных языков факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: vsibirtseva@hse.ru

Соломон Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры «Мировые языки и культуры» Донского государственного технического университета.

E-mail: yukalya87@mail.ru

Тришина Мария Николаевна, ассистент Смоленского государственного университета.

E-mail: trim4ik@mail.ru

Трубина Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: olga.palladio@mail.ru

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского профессорского собрания (Свидетельство № 64), член-корреспондент РАЕ.

E-mail: fedulenkova@list.ru

Фомин Андрей Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и лингвистики Кемеровского государственного университета.

E-mail: andfomin67@mail.ru

Фор Валери Филипповна, студентка Донского государственного технического университета.

E-mail: valeri_58_23@mail.ru

Шишкова Наталья Валерьевна, студентка Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

E-mail: shishkovanatalie-lg122@yandex.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 2 (62)

Ответственный за выпуск:
Р. М. Шамилов

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Подписано в печать 30.06.2023. Формат 60×90 1/16.
Печ. л. 14,75. Тираж 500 экз.
Цена договорная. Заказ № 10665

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269